

серия

**ТЕОРИИ
МАНИПУЛИРОВАНИЯ
МАССАМИ**

С. А. Зелинский

Манипуляции массами и психоанализ

**Манипулирование массовыми
психическими процессами
посредством психоаналитических методик**

**Научный рецензент:
С. К. Эйюби**

кандидат педагогических наук

**СКИФИЯ
Санкт-Петербург
2008**

Научный рецензент:

С. К. Эйюби,

кандидат педагогических наук

С. А. Зелинский

Манипуляции массами и психоанализ

С. А. Зелинский.

Ф31 Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик. — Спб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — 248 с.

ISBN 978-5-903463-12-1

Данная работа посвящена одному из актуальнейших вопросов социальной психологии — манипулированию массовым сознанием. Феноменология этого явления, в виде реакций массы или толпы, была описана в прошлом такими выдающимися психологами как Лебон, Бехтерев и др. Начало же глубинного психологического рассмотрения положено З. Фрейдом на примере описания социальной иерархии и взаимоотношений в первобытной орде. Именно на этом психоаналитическом подходе основано исследование С. А. Зелинского применительно к современной ситуации манипулирования массовым сознанием в рекламе, связях с общественностью, политической пропаганде. Пафос этой работы заключается в раскрытии и описании механизмов, методов и приемов такого воздействия на психику индивида через всевозможные каналы, связанные с “промыванием мозгов”.

Особое место в данном исследовании занимает анализ возможностей взаимодействия политической власти с массами, имеющего целью установление тотального контроля, манипулирование и управление массовым сознанием в процессе достижения своих политических целей.

ББК 88.4

ISBN 978-5-903463-12-1

© ИТД «СКИФИЯ», 2008

© Зелинский С. А., 2008

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Классический и постклассический психоанализ (или глубинная психология), как известно, состоит из двух направлений практического применения. Первое — это лечебный аспект. А второе — т. н. сублиминальный менеджмент, или манипулирование.

И уже тогда, для того чтобы разобрать секреты манипулирования психикой посредством психоанализа, необходимо прежде всего: а) знать основы психики; б) разобрать способы применения психоаналитических методик, а также выявить возможные нарушения психического здоровья как результат манипулятивного воздействия с помощью психоанализа.

На решение подобных вопросов направлены части 2 и 3 нашего исследования: манипулирование массовыми психическими процессами. В части же 1 мы разберем способы и методы манипулирования массами применявшиеся в прошлом, а также ознакомимся с методами современного манипулирования, в т. ч. и с помощью средств массовой информации.

Оглавление

Часть 1. Манипулирование массовым сознанием

- Глава 1. История вопроса. Принципы и методы
- Глава 2. Манипулирование массами. Характер манипулирования
- Глава 3. Способы и методы манипуляций
- Глава 4. Группа, толпа, масса. Механизмы воздействия
- Глава 5. Современные средства манипулирования
- Глава 6. Манипулирование посредством СМИ

Часть 2. Психоанализ и манипуляции массами

- Глава 7. Подсознание. Результирующая действительность и манипулятивные функции
- Глава 8. Подсознание. Миф как управление реальностью
- Глава 9. Критический аспект цивилизации
- Глава 10. Сила внушения, архетипы и коллективное бессознательное
- Глава 11. Ошибочность восприятия
- Глава 12. Маска, или подмена образа
- Глава 13. Бегство от культуры
- Глава 14. Душевный садомазохизм
- Глава 15. Эмоциональное состояние
- Глава 16. Чувство вины, тревожные состояния и беспокойства
- Глава 17. Оправданное страдание или душевный мазохизм
- Глава 18. Навязывание образа
- Глава 19. Любовные взаимоотношения. Конфликт и время
- Глава 20. Невротизм — внутри каждого из нас
- Глава 21. Стереотипичность мышления как фактор негативности филогенетического наследства
- Глава 22. Дружба как форма разрешения внутренних противоречий
- Глава 23. Страх. Неуверенность. Депрессивные состояния
- Глава 24. Мир и иллюзия
- Глава 25. Взгляд со стороны
- Глава 26. Об известности
- Глава 27. Зомбирование. Миф или реальность
- Глава 28. Цензура психики. Зло или благо
- Глава 29. Интуиция как фактор разрешимости противоречий
- Глава 30. Жизненные пространства, их роль и особенность в

жизни индивида

Глава 31. Взгляд на себя

Глава 32. Индивидуальное «Я» как зеркало другого индивида

Глава 33. Невротичность личности. Приспосабливаемость к обстоятельствам

Глава 34. Унижение любовью, или когда может получиться

Глава 35. Воображение

Глава 36. Внутренняя энергия. Беречь или расходовать?

Глава 37. Интуитивное прогнозирование, или прочувствование ситуации

Глава 38. Сознательное единство, или с бредом по бездорожью

Глава 39. Тревожность как фактор управляемости психикой.

Глава 40. Феноменология сознания через призму влияния под-сознания (бессознательного)

Глава 41. Влияние на манипулирование массовым сознанием опыта тюремного заключения как фактора филогенетической (архетипической) составляющей бессознательного

Глава 42. Кинематограф и литература. Единство и борьба противоположностей в контексте влияния на подсознание

Глава 43. «Важнейшее из искусств» как современная форма манипулирования массовыми психическими процессами

Часть 3. Глубины психики. Анализ погружения

Вступление. Общий обзор рассматриваемой проблемы

1. Общее устройство человеческой психики

2. Внутренняя гармония как фактор адаптации к внешней среде

3. Художественное творчество. Возможности возникновения, факторы влияния. Общая направленность

4. Образ как способ адаптации к среде обитания

5. Стереотипы. Специфика мышления. Предрасположенность к восприятию

6. Регрессии

7. Тревожность и беспокойство. Синдром ошибочного присутствия «чувства вины»

8. Страх и бессознательное. Невротическое следствие развития фобических проявлений

9. Критическое начало. Переосмысление жизненных позиций как позитивный аспект влияния психотравматических (депрессивных) ситуаций

Список использованных источников

Часть 1. Манипулирование массовым сознанием

Глава 1. История вопроса. Принципы и методы

Несомненно и важно одно: главную роль в нашей психике (нашем психическом аппарате, психике человека) играет подсознание, или бессознательное. Это то, где рождаются наши мысли, желания, поступки, какие-то устремления, то, из чего в последующем складывается поведение человека, поведение индивида. Индивида как частицы, мельчайшей частицы того огромного механизма, который называется массой. Толпой. Массообразованием.

Можно сказать, что приемы воздействия на массы, на толпу были изучены давно. Еще в древние века были выработаны принципы, часть которых или почти в неизменном виде дошла до нас, или претерпела некоторую трансформацию; притом что часть, как полагают некоторые исследователи, была все же безвозвратно потеряна в процессе эволюции.

Гениальные умы отдельных представителей человечества беспокоили механизмы (выработка данных механизмов) воздействия на толпу. На массу. На подсознание масс. Одинаково успешно эти принципы или вырабатывались учеными (Фрейд, ЛеБон), или подсознательно угадывались практиками, на своем примере продемонстрировавшими нам эффективные способы управления толпой (диктаторы, политические деятели, проповедники, а также известные писатели и поэты прошлого, которые собирали толпы восторженных поклонников на улицах и слава которых расходилась по всей стране. Стране, заметим, в то время еще большей частью отсталой и невежественной. Стране, где не везде было электричество, а тем более что уж говорить о таких средствах современных информационных технологий, как телевидение и Интернет, появившихся значительно позже).

И тем не менее массы с легкостью повиновались тем отдельным личностям, которые смогли понять и сформировать законы массообразования. Более подробно мы их рассмотрим в соответствующих главах нашего исследования, сейчас же лишь схематично перечислим.

Итак, что это за принципы?

Ну, во-первых, это эффект подчинения своего «Я» — «Я» коллективному. Вот как писал об этом Ле Бон: «...индивид испытывает чувство непреодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи один, вынужден был бы обуздывать»¹.

То есть, другими словами, когда человек находится в толпе, в массе, он может быть «самим собой». Он может дать волю всем своим древним природным инстинктам. Всему тому, что вынужден скрывать, живя в современном обществе. В культурном обществе.

А ведь культура действительно накладывает незримый отпечаток на поведение индивида. Если в душе каждый из нас вполне был бы рад руководствоваться такими принципами жизни древнего человека, как убить, съесть и изнасиловать, в обществе современном, с существующими и выработанными правилами и законами цивилизованного общества, он (индивид) уже должен научиться облекать свои инстинкты (которые, конечно же, нигде не исчезли и в неизменном виде дошли до наших дней) в соответствующие рамки. Например, съесть другого человека цивилизованный человек уже вроде бы и не мог. Хотя тут мы можем вспомнить, что в бытность существования ГУЛАГа была распространенная привычка брать в побег «третьего». Этого «третьего» брали исключительно в качестве пищи, пропитания. Но в наши дни это анахронизм, оставшийся тем не менее в нашем бессознательном. Например, когда мы очень любим какого-то человека, нам хочется насладиться им целиком, без остатка. Съесть его. До сих пор еще встречаются выражения типа «сладкий мой», «сладкая моя», это не что иное, как инстинкты, которые не могут найти удовлетворения в современном обществе, так как введены современной культурой в ранг беззакония. (Хотя до сих пор еще периодически попадают истории про современных маньяков-каннибалов, живущих среди нас. Но такие люди своим маргинальным поведением возведены в ранг отщепенцев и всячески отторгаются и наказываются современным обществом. Хотя, опять же, вспомним о массовых людоедствах в голодные годы первых десятилетий существования советской власти или случаях людоедства во времена ленинградской блокады.)

1 Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

Вторым принципом массообразования является так называемый эффект заразительности. Вот как описывает это Ле Бон: «Заразительность есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен, который следует причислить к феномену гипнотического рода... В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство. И притом в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интересов общего»².

Это, как вы понимаете, тоже объяснимо. И почти точно так же понимание (и объяснение) данного факта упирается в культуру. В развитие и существование цивилизации. Ведь с развитием общества это самое общество накладывает на отдельно взятого (на каждого) индивида отпечаток в виде существования определенных норм и запретов. Общество вырабатывает свои законы (законы существования индивида в цивилизованном мире), и выйти за рамки этих законов значит подвергнуться определенному наказанию. А в толпе каждый индивид как бы обезличен. Если вы совершите какой-то поступок, который противоречит нормам общепринятой морали, вы будете осуждены другими индивидами, потому что то, что вы сделаете будет в первую очередь «заметно». И другие индивиды как бы примерят совершенное вами в соответствии с существующими в обществе системами культурно-значимых ценностей (которые и хотели бы, может, с удовольствием нарушить сами, да не могут решиться на это, потому что знают, что будут за это наказаны). А тут какой-то отдельный индивид делает поступок, который явно противоречит тому, что допустимо делать, находясь в рамках единого социума, общества. Этот поступок как бы выходит за рамки общественно допустимого деяния; индивид как бы противопоставляет себя толпе, а значит, толпа за это этого индивида непременно накажет. Уже хотя бы за то, что он позволил себе сделать что-то, что запрещено ей. Что запрещено введенными когда-то законами.

В итоге толпа, наказывая индивида, как бы тем самым подчиняет его себе. Говорит своими репрессивными методами, что ему можно, а что нельзя совершать.

В ситуации же, когда индивид находится в этой самой толпе и когда другой индивид почти тут же повторяет поступок, совершенный первым, толпа как бы видит, что ничего, в общем-то, и не происходит. Так почему же не сделать то же самое, что и кто-

2 Там же.

то только что сделал фактически при них? Тем более видя, что другими членами данного массообразования это как будто и не наказывается.

В итоге, словно загипнотизированные поступком первого (который в душе мечтал бы совершить каждый из толпы), индивиды, собранные в массу, совершают одно и то же действие. Причем зачастую совершают с каким-то маниакальным наслаждением. В толпе это значительно легче. Легче устраивать погромы, беспорядки, поджоги, массовые убийства и изнасилования. За это как бы никто не осудит. Ведь виновника в данном случае как бы и нет. Виновны все. А значит, и никто. И уже потому то, что возможно огромной толпой, массой, практически невозможно в одиночку. Причем каждый индивид как бы чувствует за собой мощь (огромнейшую мощь) толпы. Известны случаи массового героизма в годы войны, когда с криком «ура» толпы фактически безоружных людей поднимались в атаку на танки. Или пример недавних погромов на улицах Франции, когда в темное время суток толпы молодчиков громили магазины и поджигали припаркованные автомобили. В толпе индивид обезличен. Но как бы заражается действием другого, подчиняясь тем самым магнетизму толпы. «Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства, — писал ЛеБон³. — Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидения будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль, и на время философия численности является, по-видимому, единственной философией истории».

И уже отсюда мы можем выделить третье качество внушаемость. «Самые тщательные наблюдения показали, — отмечал ЛеБон⁴, — что индивид, находящийся в продолжение некоторого времени в лоне активной массы, впадает вскоре

3 Г. Ле Бон. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

4 Там же.

вследствие излучений, исходивших от нее... в особое состояние, весьма близкое к «зачарованности», овладевающей загнипнотизированным под влиянием гипнотизера... Сознательная личность совершенно утеряна, воля и способность различения отсутствуют, все чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном гипнотизером. Таково приблизительно и состояние индивида, принадлежащего к психологической массе. Он больше не осознает своих действий... Под влиянием внушения он в непреодолимом порыве приступит к выполнению определенных действий. И это неистовство у масс еще непреодолимее, чем у загнипнотизированного, ибо равное для всех индивидов внушение возрастает в силу взаимодействия».

Вот так вот. Некогда отдельно существовавший индивид теперь подчиняется любому действию другого индивида, потому что внушаем им. «Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга, — пишет Бехтерев⁵, — и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует, подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего, подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным».

Пример подобного мы можем видеть в зрительном зале, когда специально подкупленные «зрители» в нужный момент или смеются, или хлопают в ладоши, как бы «заставляя других» следовать их примеру. И те следуют. И раздаются аплодисменты. И это действительно так. Так же как кто-то может «бросить» в толпе «первый камень», и остальные (внушенные, загнипнотизированные этим примером) подхватывают инициа-

5 В. М. Бехтерев. Внушение и толпа. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

тиву, и глядишь, и стекло в каком-либо здании уже не осталось, а то это же здание и берется приступом (штурм Белого дома во время московских событий начала 90-х гг., например).

«Этой же силой внушения объясняются героические подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех, — отмечает Бехтерев⁶. — Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии. Но в отличие от последних внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие. Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлексивно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей».

Толпа внушаема, заразительна, подчинена стремлению к обезличиванию, исчезновению индивидуального, личного «Я», подчинению и приобщению этого «Я» к «Я» коллективному. «Масса импульсивна, изменчива и возбудима, — писал Фрейд⁷. — Ею почти исключительно руководит бессознательное. Импульсы, которым повинуетя толпа, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными и жестокими, героическими или трусливыми... (толпа) не выносит отсрочки

6 В. М. Бехтерев. Внушение и толпа. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

7 Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Мн.: Попурри, 2003. С.428-430.

■ С. А. Зелинский

между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного.

Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она некритична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами... Чувства массы всегда весьма просты и весьма гиперболичны. Она... не знает ни сомнений, ни неуверенности.

Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается... в... уверенность, зерно антипатии — в дикую ненависть.

...Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое.

...Она уважает силу... от своего героя она требует силы, даже насилия...

...Масса подпадает под поистине магическую власть слов...»

И ведь это действительно так. Быть может, даже к сожалению, но так. Все это как бы свидетельствует о том, что толпой в большинстве случаев будет управлять не просто лидер, а фанатик. Не таким ли фанатиком был Гитлер, сумевший подчинить своей силе многомиллионный немецкий народ и заставивший их участвовать в мировой аванюре? Не такими ли фанатиками были Ленин и Сталин? Причем и Гитлер, и Сталин в полной мере пользовались методами устрашения толпы. Они оба использовали систему концентрационных лагерей, придуманных еще Лениным. Сталин, которого боялись миллионы и миллионы же боготворили, создал величайший в истории аппарат устрашения и репрессий — НКВД и ГУЛАГ. На Гитлера, использовавшего в т. ч. и для устрашения собственного народа внутреннюю полицию (Гестапо), немцы готовы были молиться как на Бога. Это диктаторы в полной мере использовали принципы ЛеБона и Фрейда. Принципы подчинения масс. Причем вполне можно предположить, что к данным принципам все эти деятели пришли самостоятельно. Хотя уже тут можно вспомнить об ученике Фрейда, которого он даже хотел сделать своим заместителем, К. Юнге,

который, как известно, не только, в отличие от Фрейда, не сбежал от нацизма, но и сам пришел к Гитлеру с предложением сотрудничества.

Притом что следует говорить и о том, что вопросами манипулирования массами занимались еще Платон и другие ученые и философы древности. Ну и, конечно же, все это используется и в современном мире. С вероятным отличием лишь в том, что сейчас современные технологии позволяют это делать намного эффективнее по воздействию на значительно большее число индивидов, хотя, быть может, и по-прежнему в каких-то случаях заставляет выполнять волю одного человека, волю лидера.

Глава 2. Манипулирование массами. Характер манипулирования

Удивительно, но большинство индивидов совсем не обращают внимания на какие-либо проделываемые с ними манипуляции. Притом что так сложилось в современном обществе, что мы ежедневно вынуждены сталкиваться с многочисленными примерами манипуляций. Начиная с манипуляций над отдельными личностями и заканчивая манипуляциями над индивидами, заключенными в массы. Причем в данном случае, собственно, характер манипуляций значительно расширен; да и для самих манипуляторов имеются более обширные возможности.

Так получается, что в процессе жизни в современном обществе отдельные индивиды вынуждены сосредоточиваться в отдельные группы, или массы.

Способы манипуляций в данном случае весьма различны. Мы можем говорить, что любые индивиды уже изначально находятся в массах, ибо на высшем этапе под массой можно понимать наше общество в целом. В более малом объеме под массой следует понимать массообразование меньшего масштаба: школьная масса — класс, школа; трудовой коллектив; общество, образованное по каким-то общим принципам и интересам: секта, спортивная секция, клан и т. п.

Принципы манипулирования в массах строятся на основе позиционирования одного из членов группы в качестве лидера и на бессознательном подчинении остальных участников группы.

Характер подчинения складывается исходя из сложившихся исторических предпосылок устройства психики. И основано все это на общей невротичности нашей психики.

То есть сам манипулятор сознательно создает какой-либо душевный конфликт (невротическую зависимость) опосредованной группе, а заодно выдвигает некие требования, при выполнении которых данная невротическая зависимость (тревожность) снимается, у индивидов, заключенных в массу, восстанавливается психическое здоровье. Фактически это не что иное, как пример манипуляции.

Рассмотрим данный пример более подробно.

1. Манипулятору необходимо решение каких-либо своих вопросов.

2. Манипулятор сознательно создает у подопытной группы какой-либо душевный (невротический) конфликт, что выражается в возрастании у них тревожности и беспокойства.

3. Манипулятор выдвигает какие-либо требования (озвучивает приказ). И создает в сознании выбранной им массы некую установку: есть что-то, что хочет, чтобы сделал лидер группы, выполнением чего вы оказываете определенную услугу данному лидеру, и после чего он будет благодарен вам.

А что такое благодарность, полученная от лидера? Это исчезновение у вас внутренней (душевной) тревожности. Что, в свою очередь, и приведет к исчезновению душевного конфликта.

То есть в итоге группа получает массовое избавление от страданий (ибо если индивиды объединены в массу, то воздействие на каждого индивида отдельно проецируется (распространяется) на массу. А мы получаем один из примеров манипуляции массами. (Массой в данном случае можно называть группу, толпу и проч.)

Ну а само выполнение приказа в данном случае будет являться неким маршрутом для снятия внутренней зависимости, тревоги.

Можно сказать, что в подобном контексте манипулятором может выступать не только какой-либо начальник или руководитель (хотя как раз он выступает в большинстве случаев) но и в семейно-дружественных отношениях зачастую используется практически тот же пример. Когда муж или жена для успокоения своего партнера выполняет его условия. После чего у него (ее) снимается внутреннее беспокойство от возможного накала страстей и конфликта (скандала). А партнер, сознательно (или бессознательно, интуитивно) вызывая подобный конфликт, добивается своего.

Следует также отметить, что само словесное отдавание приказа желательно строить таким образом, чтобы внешне исключалась какая-либо агрессивность. И выбранный вами объект (индивид или группа) бессознательно считал, что сам приказ — это нисколько и не приказ, а, например, просьба. А значит, этот приказ они могут и не выполнять, но вот просьбу, как говорится, почему бы и не выполнить. По принципу, если к ним с добротой то с добротой и они.

Глава 3. Способы и методы манипуляций

Стоит рассмотреть вопрос применения манипулятивных техник в каком-либо споре или разрастающемся конфликте. Причем, вероятнее всего, в данном случае эффект будет значительно выше вследствие изначального нахождения индивида, над которым необходимо провести определенные манипуляции для достижения ожидаемого результата, в невыгодных условиях из-за его душевной разгоряченности, а значит, некоего нахождения в ИСС (измененных состояниях сознания). Да и вообще сами манипуляции следует рассматривать как некое сознательное (скрытое, манипулятивное) воздействие на подсознание других индивидов с целью вызывания у них определенных невротических зависимостей. Что, в свою очередь, выводит данных индивидов из состояния душевного спокойствия. А значит, они уже как бы изначально становятся подвержены манипуляциям (когда в их сознание вносятся

информация, что при выполнении определенных условий у них подобная зависимость снимется и наступит душевное равновесие).

Рассматривая способы манипулирования в данном соотношении между манипулятором и манипулируемым, возможно также и применение ряда определенных методик с целью заставить другого индивида выполнить свои условия (навязать ему свою волю).

Перечислим некоторые из них.

1. Провокация подозрения.

Манипулятор изначально ставит испытуемого в критические условия, когда убежденно выдвигает заявление типа: «Вы думаете, я буду вас уговаривать?..», — что предполагает т. н. обратный эффект, когда тот, над кем проводят манипуляции, начинает убеждать манипулятора в обратном и тем самым, проговаривая несколько раз установку, бессознательно склоняется к мнению о честности в чем-то убеждавшего его индивида. Тогда как по всем условиям честность эта ложная. Но если при определенных условиях он бы это понимал, что в данной ситуации грань между ложью и восприимчивостью правды стирается. А значит, манипулятор добивается своей цели.

2. Ложная выгода противника.

Манипулятор своими определенными словами как бы изначально ставит под сомнение собственные доводы, ссылаясь на якобы более выгодные условия, в которых находится его оппонент.

Что, в свою очередь, заставляет этого оппонента оправдываться в желании убедить партнера и снять с себя подозрение. Тем самым тот, над кем состоялась манипуляция, бессознательно снимает с себя какую-либо установку на цензуру психики, на оборону, позволяя проникнуть в свою ставшую беззащитной психику атаке со стороны манипулятора.

Слова манипулятора, возможные в подобной ситуации: «Вы так говорите, потому что сейчас этого требует ваше положение...»

3. Агрессивная манера ведения разговора.

При использовании подобных манипуляций лицо, заинтересованное в каком-либо воздействии на других, берет изначально высокий и агрессивный темп речи, чем бессознательно сламывает волю оппонента. Ну и к тому же оппонент в таком случае и не может должным образом обработать всю получаемую информацию. Что вынуждает его соглашаться и с информацией от манипулятора, бессознательно к тому же желая, чтобы все это поскорее прекратилось.

4. Мнимое непонимание.

В данном случае определенная хитрость достигается следующим образом. Вы, ссылаясь на выяснение для вас правильности только что услышанного, повторяете сказанные вам слова, но внося в них смысл, необходимый вам.

Произносимые слова могут быть наподобие: «Извините, правильно ли я вас понял, вы говорите, что...» — и дальше повторяете 60-70% того, что слышали от оппонента, но конечный смысл искажаете путем ввода другой информации, необходимой вам.

5. Ложное соглашательство.

Когда вы как будто и принимаете, соглашаетесь с информацией, полученной от объекта ваших манипуляций, но тут же вносите свои коррективы. По принципу: «Да, да, все правильно, но...».

6. Провокация на скандал.

Вовремя сказанными обидными словами вы вызываете своими насмешками в манипулируемом гнев, ярость, непонимание, обиду и проч., чем выводите его из себя и добиваетесь намеченного результата.

7. Специфическая терминология.

Данным способом вы добиваетесь у оппонента бессознательного принижения его собственного статуса, а также развития в нем чувства неудобства, в результате чего он из ложной скромности или неуверенности в себе стесняется переспросить значение того или иного термина, что дает вам в последующем возможность повернуть ситуацию в нужное вам русло,

сославшись при необходимости на его якобы одобрение ранее сказанных вам слов. Ну а принижение статуса собеседника в разговоре позволяет вам оказаться в изначально выигрышном положении и добиться в итоге необходимого.

8. Использование эффекта ложного подозрения в ваших словах.

Применяя подобную позицию манипулирования, вы как бы изначально ставите собеседника в положение защищающегося. Пример используемого монолога: «Вы думаете, я буду вас в чем-то уговаривать, убеждать...» — что уже как бы приводит вашего оппонента в желание (необходимость) убедить вас, что это не так, что он к вам изначально хорошо расположен и т. п. Тем самым он сам как бы раскрывает себя для бессознательного согласия с вашими словами, которые последуют вслед за этим.

9. Ссылка на «великих».

Ваше оперирование цитатами из речей известных и значительных людей, спецификой устоев и принципов, принятых в обществе, и проч.

Т. е. вы как бы создаете принижение статуса вашего оппонента: мол, посмотри, все уважаемые и известные люди говорят так, а ты считаешь совсем иначе, и кто ты а кто они и т. п., — примерно подобная ассоциативная цепочка бессознательно должна появиться у объекта ваших манипуляций, после чего он, собственно, этим объектом и становится.

10. Формирование ложной глупости и неудачливости.

Высказывания типа: это банально, это полная безвкусица и проч., — должны сформировать у выбранного вами собеседника изначально бессознательное принижение его роли и искусственную зависимость его от мнения других, что подготавливает зависимость данного индивида уже в отношении вас. А значит, вы можете уже практически безбоязненно продвигать через подобного человека свои идеи, сподвигая его на решение проблем, необходимых вам.

То есть, другими словами, почва для ваших манипуляций уже подготовлена. Хотя, собственно, подготовлена она самими манипуляциями.

11. Навязывание мыслей.

В данном случае посредством постоянно или периодически повторяемых фраз вы приучаете оппонента к какой-либо информации, которую собираетесь до него донести.

На подобной манипуляции строится принцип рекламы. Когда сначала перед вами многократно появляется какая-либо информация (причем независимо от вашего сознательного одобрения или отрицание ее), а потом, когда индивид сталкивается с необходимостью выбора какого-либо товара, бессознательно из нескольких видов товара неизвестных марок он выбирает ту, о которой уже где-то слышал. Причем поскольку посредством рекламы доносится исключительно положительное мнение, то значительно большая вероятность, что в бессознательном мнении индивида о данном товаре больше положительного, чем отрицательного.

12. Недосказанность с намеками на некие особые обстоятельства.

Данный пример достаточно успешного манипулирования посредством особого рода недоговоренностей, формирующих в индивиде, выступающем в качестве оппонента, ложную уверенность в сказанном посредством бессознательного домысливания им тех или иных ситуаций. Причем когда в итоге оказывается, что он «не так понял», у подобного индивида практически отсутствует какая-либо составляющая протеста, т. к. бессознательно он остается уверен, что просто действительно не так понял. Тем самым он уже вынужденно как бы принимает навязываемые ему условия игры.

Уже в контексте подобного обстоятельства, вероятнее всего, имеет смысл разделять манипулирование с учетом как неожиданного для объекта, так и вынужденного, когда объект в итоге понимает, что стал жертвой манипуляций, но вынужденно принимает их из-за невозможности конфликта с собственной совестью и какими-то заложенными в его психику нормами поведения, базирующимися на соответствующих устоях общества, которые просто-напросто не дают ему сделать обратный ход. Причем соглашение с его стороны может быть продиктовано как ложно вызываемым в нем чувством вины, так и своего рода моральным мазохиз-

■ С. А. Зелинский

мом, вынуждающим бессознательно наказывать себя (к вопросу морального мазохизма еще вернемся в соответствующих разделах нашего исследования).

13. Мнимая невнимательность.

В данной ситуации выступающий в роли манипуляции объект попадает в ловушку манипулятора, играющего на собственной якобы невнимательности, чтобы потом, в итоге, сделав необходимое ему (добившись своего), сослаться на то, что он якобы не заметил (прослушал) протест со стороны оппонента. Причем в результате подобного он уже ставит оппонента фактически перед совершившимся фактом.

14. Принижение иронии.

Чем-то напоминает уже упоминаемое нами. В результате вовремя высказанными собственными измышлениями о ничтожности собственного статуса как бы вынуждает оппонента утверждать обратное, тем самым бессознательно возвышая манипулятора.

15. Ориентированность на плюсы.

В этом случае мы как бы концентрируем разговор только на плюсах, тем самым продвигая свою идею и в конечном итоге добиваясь манипуляций над психикой другого индивида, все равно проталкивая свою идею.

Существует еще великое множество различных принципов и способов манипулирования личностью. И в большинстве своем они действительно оказываются результативными для применяющего их. (Определенное количество различных принципов манипуляций мы еще рассмотрим в разделе манипулирования массами посредством СМИ.)

Глава 4. Группа, толпа, масса. Механизмы воздействия

Примеры использования суггестивных методик манипулирования над большими группами (массами = группа = толпа = собрание народа) наряду со своей достаточной встре-

чаемостью показывают нам также и допустимость подобного воздействия, и эффективность его. Притом что у индивидов, собравшихся в какую-либо массу, уже фактически нет способа избежать манипулирования собой, потому как, находясь в толпе, в массе, индивиды невольно уже вынуждены подчиняться т. н. эффектам толпы. И какая-либо индивидуальность в данном случае не только неуместна, но и фактически бесполезна. Да и сам индивид, попадая в толпу, меняется, словно бы вынужденно подстраиваясь под нее и подчиняясь ее законам. «Самый поразительный факт — писал Ле Бон⁸, — наблюдающийся в... толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. ...Толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности».

Каковы же законы толпы?

В большинстве своем толпа спонтанна и живет только настоящим. К тому же следует учитывать, что толпа непостоянна, безответственна и достаточно легко подвергается различного рода внушениям.

Также, не имея каких-либо традиций, толпа руководствуется сиюминутными желаниями и действует на основании единого порыва, направляющего ее.

Несмотря на то что толпа является неким сосредоточением индивидов в одном месте, мы способны предположить, что толпа не всегда отличается и приверженностью к каким-либо идеям. Хотя и в случае последнего данная толпа уже большей

8 Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

частью походит на единую, сплоченную массу, силу и возможности которой возможно использовать для претворения манипулятором в жизнь каких-либо идей и задач. Например, от митингов до восстания, изменения существующего строя и форм правления (как программа-максимум) или изменения руководства тем или иным объектом, начиная от завода до страны.

Масса до удивления просто отзывается на какие-либо манипуляции. Вероятней всего, она уже изначально предрасположена к ним вследствие того, что по своему интеллектуальному значению собрание в одном месте даже высокоинтеллектуальных индивидов (сформированных в толпу) как раз по своему интеллектуальному состоянию намного ближе к психике древних людей. «Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало все-таки отличаются от решений, принятых собранием глупцов, так как и в том и в другом случае соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума» — отмечал ЛеБон⁹.

Становится возможно это благодаря тому, что в толпе удивительно легко исчезает наносной пласт, сформированный культурой и цивилизацией. В результате чего толпа, большей частью, руководствуется собственным бессознательным. А в бессознательном любого индивида, как известно, независимо от количества веков, минувших со времен первобытнообщинного строя, живет три основных желания древнего человека: убить, съесть, изнасиловать. При этом индивиды, объединенные в группу (массу, толпу), вполне могут пользоваться собственной ненаказуемостью вследствие достаточно сложного выявления фактически совершивших тот или иной проступок. Да и в данном случае вполне допустимо, что виновны все. Как раз еще и из-за такой характеристики толпы, как заражаемость и легкое подчинение общим идеям и требованиям. А значит (уже в результате этого), и отсутствием каких-либо норм поведения, которые в данном обществе приняты. Что, вероятней всего, говорит еще и о некоем социаль-

9 Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

ном протесте индивидов, заключенных в толпу, ибо каждый из них по отдельности вынужден соблюдать устои (законы, требования, порядки) общества. Цивилизованного общества. «Масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой,— писал Фрейд¹⁰. — Так же как в каждом отдельном индивиде первобытный человек фактически сохранился, так и из любой человеческой толпы может снова возникнуть первобытная орда; поскольку массообразование обычно владеет умами людей, мы в нем узнаем продолжение первобытной орды. Мы должны сделать вывод, что психология массы является древнейшей психологией человечества; все, что мы, пренебрегая всеми остатками массы, изолировали как психологию индивидуальности, выделилось лишь позднее, постепенно и, так сказать, все еще только частично из древней массовой психологии».

Тогда как эти же индивиды, находясь в толпе, вполне способны совершать немотивированные поступки, упиваясь собственной безнаказанностью. Ну и, конечно же, достаточно свободно реализовать желание собственного бессознательно, в котором вся гадость и мерзопакость до того искусственно сдерживалась необходимостью соблюдения законов, принятых в современном обществе.

Сейчас же, в толпе, индивид, быть может впервые, может жить по принципу несдерживаемого желания. Причем фактически будучи уверенным в собственной безнаказанности.

И даже можно сказать, что именно эта безнаказанность, порождая новую безнаказанность, сподвигает его на совершение все новых и новых деяний. Тех, за которые в иных случаях он бы понес заслуженное наказание. «Появление... новых... черт, характерных для толпы,— отмечал ЛеБон¹¹,— и притом не встречающихся у отдельных индивидов, входящих в ее состав, обуславливается различными причинами. Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа

10 Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

11 Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе. Вторая причина — заразительность, или зараза, также способствует образованию в толпе специальных свойств и определяет их направление. Зараза представляет собой такое явление, которое легко указать, но не объяснить; ее надо причислить к разряду гипнотических явлений, к которым мы сейчас перейдем. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы. Третья причина, и притом самая главная, обуславливающая появление у индивидов в толпе таких специальных свойств, которые могут не встречаться у них в изолированном положении, — это восприимчивость к внушению; зараза, о которой мы только что говорили, служит лишь следствием этой восприимчивости. Чтобы понять это явление, следует припомнить некоторые новейшие открытия физиологии. Мы знаем теперь, что различными способами можно привести индивида в такое состояние, когда у него исчезает сознательная личность и он подчиняется всем внушениям лица, заставившего его прийти в это состояние, совершая по его приказанию поступки, часто совершенно противоречащие его личному характеру и привычкам. Наблюдения же указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загнипнотизированного субъекта. Такой субъект вследствие парализованности своей сознательной мозговой жизни становится рабом бессознательной деятельности своего спинного мозга, которой гипнотизер управляет по своему произволу. Сознательная личность у загнипнотизированного совершенно исчезает, так же как воля и рассудок, и все чувства и мысли направляются волей гипнотизера».

Развитие современных технологий вносит свои коррективы в систему массообразования. Например, достаточно хаотичный характер образования толпы или массы в начале

прошлого века в наше время может вполне сознательно моделироваться манипуляторами посредством средств массовой информации. То есть если раньше, во времена Фрейда и ЛеБона, мы говорили о стихийности образования толпы, то сейчас можем принимать во внимание и искусственность ее формирования. Причем и тогда, и сейчас необходимо соблюдение главного условия формирования толпы: достаточного накала социального беспокойства. И тогда для массообразования необходим будет только повод. Который, заметим, в наше время зачастую формируется весьма искусственно (путем задействования СМИ). Впрочем, становится так же возможно, используя коммуникативную специфику, и управлять подобным массообразованием.

Кроме того, необходимо учитывать, что большинство какого-либо управления строится на сознательном создании у индивидов соответствующих невротических установок (мы говорим о той же тревожности да искусственном развитии беспокойства) и последующем снятии подобного рода зависимостей посредством выполнения индивидами навязываемых им условий.

Т. е. какие-либо манипуляции становятся возможны уже исходя из невротичности самого времени. В толпе невроз отдельных индивидов передается друг другу посредством нарастания коллективного возбуждения, и запускается механизм манипуляций над ней: решения задач и выполнение требований, поставленных манипулятором.

Далее уже как бы происходит какое-либо волнующее массовое событие. Это событие приковывает внимание толпы. Тем самым уже как бы вызывает у толпы некий интерес. А удовлетворение интереса вследствие поглощенности событием склоняет как отдельного индивида в частности, так и толпу в целом к утрате части своего самоконтроля. А значит, в итоге приводит к подчинению объекта манипуляций. Потому как чем больше человека заводит чувство, тем больше человек втягивается. Проявляя фактически способность к подчинению.

В результате чего получается, что толчея это самое коллективное возбуждение порождает.

В результате коллективного возбуждения индивиды становятся менее устойчивы к каким-либо воздействиям. А в результате развития безответственности — и к желанию при

совершении каких-либо поступков больше руководствоваться эмоциями и сиюминутными желаниями, нежели принципами здравого тестирования реальности. Так же как повышенное эмоциональное возбуждение отдельных индивидов по цепочке захватывает толпу в целом, неким чудодейственным образом вторгаясь в ее энергетiku. В результате чего нарастает общее коллективное возбуждение — в группах, массах. А у отдельных индивидов это самое коллективное возбуждение подавляет индивидуальные поведенческие механизмы и служит образованию новых, быть может, и не свойственных ей ранее форм поведения, изменению привычек, требований, выдвигаемых к себе как к личности и т. п., что уже говорит об общем снижении порога цензуры собственной психики и устранении критичности в отношении информации, принимаемой извне, и в целом значительно повышает подверженность данного индивида (и массы в целом) к суггестивным воздействиям (к внушению).

Рассматривая способы подчинения толпы, мы говорим о том, что у каждого индивида в толпе фактически формируется эмоциональное возбуждение, вызывающее чувство безнаказанности, продиктованное в свою очередь принадлежностью к какой-либо общей идее. Заметим также, что какая-либо толча уже рождает первичный транс. А индивидом (или группой), находящимися в измененном состоянии сознания, значительно легче управлять. Прежде всего потому, что снижается порог критичности и получаемая извне информация, фактически минуя цензуру психики, проходит сразу в сознание.

Когда мы говорим о манипулировании массами, то имеем в виду возможность подобного, основанную на таких эффектах толпы, как заразительность, повышенная внушаемость, бескомпромиссность, фактическая безвластность. «...Одним из ее общих свойств,— отмечал Ле Бон¹²,— является необыкновенная податливость внушению. Мы указывали, что во всякой человеческой агломерации внушение становится заразительным, и этим объясняется быстрое ориентирование чувств в известном направлении. Как бы ни была нейтральна толпа,

¹² Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

она все-таки находится чаще всего в состоянии выжидательного внимания, которое облегчает всякое внушение. Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение. Как у всех существ, находящихся под влиянием внушения, идея, овладевшая умом, стремится выразиться в действии. Толпа так же легко совершит поджог дворца, как и какой-нибудь высший акт самоотвержения; все будет зависеть от природы возбудителя, а не от тех отношений, которые у изолированного индивида существуют между внушенным актом и суммой рассудочности, противодействующей его выполнению. Блуждая всегда на границе бессознательного, легко подчиняясь всяким внушениям и обладая буйными чувствами, свойственными тем существам, которые не могут подчиняться влиянию рассудка, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невероятное для нее не существует, и это надо помнить, так как этим объясняется та необычная легкость, с которой создаются и распространяются легенды и самые неправдоподобные рассказы».

При этом следует учитывать уже как бы изначальную повышенную агрессивность толпы. Хотя здесь же следует понимать, что т. н. агрессивная толпа (по мнению Ле Бона) способна осуществлять разрядку внутреннего напряжения в поведении, в результате которого прослеживается ее тенденция к становлению их священными, отмеченными глубоким внутренним чувством, что в свою очередь способно являться фундаментом соответствующего религиозного строя. Так же как, впрочем, и соответствующую агрессию толпы возможно использовать в направлении целенаправленных социальных изменений, что в свою очередь приводит к возникновению нового политического строя. «...Эти убеждения,— писал Ле-Бон¹³, — принимают специальную форму, которую я не могу лучше определить, как назвав ее религиозным чувством. Это чувство характеризуется очень просто: обожание предполагаемого верховного существа, боязнь приписываемой ему магической силы, слепое подчинение его велениям, невозможность оспаривать его догматы, желание распространять их,

13 Ле Бон Г. Психология народов и масс. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

■ С. А. Зелинский

стремление смотреть как на врагов на всех тех, кто не признает их, — вот главные черты этого чувства. Относится ли это чувство к невидимому Богу, к каменному или деревянному идолу или к герою, к политической идее, — с того самого момента, как в нем обнаруживаются вышеуказанные черты, оно уже имеет религиозную сущность. Сверхъестественное и чудесное встречаются в нем в одинаковой степени. Толпа бессознательно награждает таинственной силой политическую формулу или победоносного вождя, возбуждающего в данный момент ее фанатизм».

В вопросе манипулирования массами следует учитывать и такое обстоятельство, как уважение со стороны толпы к силе и авторитету. Причем, по мнению Ле Бона, толпа обладает незаурядным воображением. А истинным источником мотивации толпы являются чувства. Поэтому применяемая какая-либо рациональная аргументация на толпу не действует; а т. к. рассуждения толпы основываются на свободных ассоциациях, то и возможный лидер толпы должен мыслить исключительно образами и помимо применения трех методов воздействия: убеждения, повторения и суггестии (внушения) — использовать исключительную внутреннюю убежденность в собственной правоте.

Говоря о суггестивных механизмах в толпе, следует обратить внимание, что становятся возможны они в результате разрушения личностной структуры индивида и подчинении его общей идее толпы, в результате которых внушение, собственно, и становится возможно.

Глава 5. Современные средства манипулирования

Значительно различаются средства и способы воздействия на подсознание, используемые, например, сто лет назад, и современные. С массовым распространением телевидения, Интернета и печатных СМИ это стало делать намного легче. В частности, речь идет именно о большом охвате территории. Так сказать, воздействие на массовое сознание в значительно больших объемах.

Например, известно, что через 20–25 минут просмотра телевизионной передачи мозг уже начинает впитывать любую информацию, которая поступает посредством теле-трансляции. Вспомним один из принципов управления (манипуляции) массами, толпой: внушение. На этом принципе основано действие телерекламы. Например, нам показываются какой-нибудь рекламный ролик. Предположим, поначалу у нас происходит явное отторжение демонстрируемого нам материала с нашими представлениями об этом товаре. Мы смотрим, слушаем, быть может, оправдывая себя тем, что ничего подобного покупать не будем. Этим как бы успокаиваем себя. На самом деле психика индивида подчинена общим законам управления человеческой психикой. И если на протяжении длительного времени в наше информационное поле попадает какой-нибудь сигнал, то это все неизбежно откладывается в подсознании. А значит, если в последующем станет выбор между тем, какой купить товар, мы бессознательно отдадим предпочтение тому, о котором уже «что-то слышали». Более того. Именно он будет вызывать в нашей памяти какой-нибудь положительный ассоциативный ряд. Как чего-то знакомого, а то и даже «близкого» нам. Вспомним, как часто нам приходилось слышать рекламу популярных брендов (уже то, что они стали «популярными», — заслуга рекламы). В итоге это уже не только не вызывает какого-либо отторжения у нас, но и когда мы становимся перед выбором товара, о котором нам ничего не известно, и, с другой стороны, товара, чем-то знакомого нам, мы подсознательно (и как бы независимо от себя, своего сознания, что объяснимо с учетом того, что всеми нашими поступками или желаниями управляет подсознание) инстинктивно потянемся именно к этому товару. Причем, в зависимости от специфики психики того или иного индивида, подобное воздействие (чтобы данный товар стал «близким» именно ему) может происходить и в течение нескольких лет. Здесь как раз важен принцип времени, принцип длительности воздействия.

Непреренно важно также обратить внимание на то, что по-настоящему манипулирование массовым сознанием (точнее, мы говорим сейчас о большей эффективности его) возможно, когда человек находится под постоянным воздействием какой-то информации. Ведь в этом случае ему уже как бы и не надо думать. Все «продумано» за него. И при этом в данном

случае результат достигается благодаря тому, что у человека формируется как бы новая идеология. Для этого, конечно, желательнее вырвать индивида из контекста прежней жизни. Потому как значительно труднее управлять сознанием человека, если он находится в окружении, привычном для него. Например, если индивида на длительный срок изолировать от общества, поместив в какие-нибудь новые для него условия (например, армия, тюрьма, детский дом, школа-интернат...), то в данном случае мы можем говорить об успешности воздействия на его психику с целью подчинения ее. Все перечисленное нами т. н. дисциплинарные пространства. Где действуют вполне устоявшиеся нормы и правила поведения. (А поведение новичка заключается в том, чтобы побыстрее «проникнуться» соблюдением этих правил.) Достаточно распространена поговорка: в чужой монастырь со своим уставом не лезь. То есть индивид уже как бы филогенетически готов к тому, чтобы подчинить свою жизнь новым правилам поведения. У него формируется новая система ценностей. Прежний образ жизни, когда-то свойственный ему забывается. Через некоторое время человек становится как бы готов подчиниться. Стать таким, каким его хотят видеть, а не таким, каков он есть на самом деле. Да и, по сути, после продолжительного пребывания в новом для себя месте индивид уже по-настоящему и не знает, каков же он на самом деле. Ведь он теперь подчиняется совсем другим правилам. Когда-то новым для него. Но теперь ставшим «близкими и родными».

Безусловно, психика поначалу противится этому. У человека, резко выдернутого из привычного мира обитания (например, после призыва в армию или неожиданного ареста, причем особенно когда «дело» сфабриковано и у человека даже физически нет времени психологически подготовиться), поначалу наступает отторжение и резкое неприятие новой среды обитания. Все внутри него как бы восстает против этого. Но потом происходит процесс ломки. Он морально подавлен, а значит, бессознательно готов к тому, чтобы принять те условия, в которых он оказался.

Не меньшее значение для успешности этого играет «специфика» нового места обитания, например, новый язык, точнее, появление в привычном ему языке неологизмов или, что

еще вернее, жаргона т. е. специфического языка, присущего тому или иному сообществу.

Жаргон достаточно распространен в уголовной среде. Или в той же армии. Да и вообще у любых профессиональных сообществ есть свои специфические отличия в речи, выражающиеся в наличии особого рода слов, понятных тем, кто волей случая должен находиться вместе с ними. Например, помимо уголовников известен жаргон моряков, жаргон спортсменов, жаргон рабочих. Человек, находясь в данной среде, как бы подсознательно быстрее изучает новый для себя язык, стремясь быстрее быть принятым в новую среду, а значит, перестать являться новичком, что для большинства людей весьма болезненно, по меньшей мере, они испытывают при этом психологический дискомфорт.

Далее, у человека при попадании в новую для него среду не только происходит переориентация жизненных ценностей, но и как бы появляются новые родительские фигуры. Если раньше для большинства индивидов это были родители, старшие братья, воспитатели (если они воспитывались в детском доме), старшие товарищи (если кто-то жил на улице), то теперь на роль таких родительских фигур претендует начальник колонии («хозяин», как зовется он на уголовном жаргоне) или тот же сержант (если мы говорим о новобранцах в армии). Ведь теперь происходит так, что вы не можете самостоятельно решать, когда вам необходимо спать или принимать пищу. Вам об этом скажет ваш новый «родитель». Он же (при случае), точно так же и накажет вас. И вы уже бессознательно начинаете подчиняться ему. А если не будете подчиняться — вас заставят, «сломают». Причем «поломают» практически всех. В зависимости от желания и умения ваших новых надзирателей.

Не менее важны для успешности манипулирования и смена систем ценностей, появления новых ценностей.

Вас как бы заставляют отказаться от прошлого, предлагая взамен новый мир. В качестве примера достаточно обратить внимание на религиозные секты (где твердо соблюдаются вышперечисленные методы управления, манипулирования) или вспомнить выдающийся (по охвату манипулирования) пример установления советской власти. Ульяновым (Лениным) и его сподвижниками в полной мере использовались все принципы манипулирования массовым сознанием. Причем это, как из-

вестно, был не только эксперимент, а один из самых известных в истории удавшихся экспериментов. И анализируя тот период истории, можно смело рассматривать все применяемые принципы психологии влияния как выдающийся и в то же время трагический пример манипулирования массовым сознанием. Но, к сожалению, такова наша психика. И она подчинена общим законам и правилам поведения, а значит, практически независимо, сколько прошло или пройдет еще лет, а мы все так же будем подчиняться каким-то манипуляторам, решившим посредством известных механизмов воздействия (управления) на человеческую психику решить какие-либо свои насущные проблемы (власть, например) или элементарного обогащения (бизнес).

Говоря о современных средствах массовых воздействий на аудиторию, мы, по всей видимости, должны говорить о некотором сочетании рекламы и средств массовой коммуникации (СМК). Не секрет, что реклама в значительной мере подменяет истинные (внутренние) ценности человека, подменяя их навязываемыми ему. Воздействуя на подсознание индивида, реклама приводит к тому, что человек уже как бы и не принадлежит самому себе. Он подчиняется навязываемым ему принципам и нормам жизни. И даже если сознательно он еще противится некоторым из них, подсознательно он уже делает выбор в пользу той или иной психологической установки. Почти здесь же, кстати, и формирование комплекса неполноценности у определенных групп населения, не имеющих возможности купить тот или иной товар. Товар, соответствующий тому или иному стилю жизни. (Быть может, поэтому определенная часть населения готова к любому виду обогащения в претворении своего желания шагнуть на следующую ступеньку социальной лестницы. Это корни преступности и проституции. Ведь деньги, таким образом, достигаются легким путем. Здесь же можно говорить и о тех, кто попадает на крючок к мошенникам. Человек подсознательно испытывает дискомфорт из-за своей «бедности». И когда ему предлагают быстро обогатиться, он бессознательно тянется к этому. Поэтому мы можем говорить, что вся деятельность мошенников как бы бессознательно санкционируется государством, внушающим своим согражданам миф о том, что плохо быть бедным.)

Известен принцип т. н. дробления информации, применяемый в целях повышения внушаемости аудитории. Например, если рассмотреть первую полосу какой-нибудь крупной газеты или первые минуты новостного блока телепередач, мы заметим, что изначально перед нами представлена как бы «выжимка» (основные события) того, о чем будет рассказано. Таким образом, аудитория уже как бы подготовлена.

Фрагментарное разнесение информации по разным полосам направлено на то, чтобы индивид с самого начала не был способен их объединить и понять проблему. При этом (как бы «до кучи»; т. е. для лишения информации главного смысла) используется техника сенсационности.

Например, быстро сменяемые сюжеты в новостях приводят к тому, что человек просто физически не в состоянии выделить для себя главные моменты получаемого материала и сделать какой-либо критический анализ его. Внимание индивида как бы рассеивается. У человека тем самым снижается уровень психологической защиты и критичности, а значит, резко возрастает порог внушаемости. Вследствие чего вовремя поданная реклама как бы способствует проникновению сразу же в подсознание. И пусть человек, испытавший на себе такую форму воздействия, сразу не побежит покупать тот или иной товар или голосовать за ту или иную партию или депутата. Но мы можем быть уверены: когда подойдет необходимость этого, человек будет руководствоваться именно тем, что уже находится в его подсознании. Ведь именно наше бессознательное «повинно» в совершении нами каких-либо действий, а равно и возникновении у нас каких-либо мыслей, желаний, эмоций.

Что находится в нашем подсознании? Все, что когда-либо было нами или услышано, или увидено. Не считая т. н. филогенетической памяти (или коллективного бессознательного), мы можем говорить о том, что все, что когда-то прошло перед индивидом практически в неизменном виде (за незначительным исключением, когда включаются ряд психозащит, как то вытеснение и проч.) откладывается в нашем подсознании.

Иного, как говорится, не дано.

Существует множество различных принципов манипулирования массами, в большинстве своем основанных на таких категориях психики, как внушение, заражение и подражание.

Средства современных средств массовой информации приносят свои методы воздействия (манипулирования) на массы. Причем результативность их в нынешнем обществе достаточно высока.

Однако прежде чем начнем рассматривать методы воздействия на аудиторию, используемые в СМИ, рассмотрим шесть наиболее распространенных принципов, встречаемых нами в жизни.

Перечислим их.

Принцип последовательности.

Быть последовательным — естественное желание любого человека. Быть последовательным в своих взглядах — значит являться уважаемым человеком. На это-то и рассчитан принцип манипуляции, когда, вынудив человека первоначально удостовериться в своих обязанностях (например, заполнить самолично форму договора или написать стихок о том, какая хорошая фирма или великолепен тот или иной товар), тем самым «гарантированно» получают «нового клиента». Для человека очень важно ощущать себя последовательным. И если он сделал первый шаг, то почти обязательно сделает и второй.

Принцип авторитета.

Если с какой-нибудь просьбой к нам обратится не просто какой-то человек (тем более неизвестный нам), а наделенный какими-то знаками отличия и общественного признания (например, академик, генерал, губернатор — обращающийся лично к вам), в большинстве случаев можно говорить, что вы последуете его просьбе. Это принцип авторитета.

Недалеко отсюда и принцип благосклонности. Нам легче поверить внешне привлекательному (даже красивому) человеку, чем имеющему какой-либо внешний дефект.

Если нас о чем-то попросит красивая актриса или фотомодел, это намного большая гарантия того, что мы откликнемся на ее просьбу, нежели на просьбу какого-нибудь бомжа или пьяницы, валявшегося в грязи. Руку мы быстрее подадим поскользнувшейся Шерон Стоун (для женщин — выберите любого актера-мужчину), чем грязному, оборванному и полупьяному нищему. Это происходит как бы независимо от нашего сознания, бессознательно.

Еще один из принципов — принцип взаимного обмена.

Или «правило признательности». Этот принцип широко используется в крупных супермаркетах, когда нам бесплатно предлагают попробовать какой-либо товар, тем самым бессознательно вынуждая нас (в качестве признательности) в дальнейшем (или тут же) купить этот самый товар.

Принцип заразительности.

Если большое количество народа покупает какой-либо товар, мы как бы бессознательно стремимся сделать то же самое. Здесь же происхождение и популярность различных рейтингов, проплаченных хлопков в зрительном зале во время выступления деятелей эстрады и шоу-бизнеса и т. п. Везде в таких случаях индивид как бы первоначально и бессознательно ориентируется на массовое поведение других людей.

И наконец, еще один принцип — это принцип дефицита. Он основан на том, что человек начинает что-то покупать в случае, если эту вещь может потерять или, наоборот, выгодно приобрести. Риск чего-нибудь лишиться прямоком воздействует на наше подсознание, вынуждая совершать зачастую ненужные покупки. В советское время многое считалось дефицитом, в т. ч., например, книги. Многие помнят то время, когда за нужную книгу необходимо было предварительно сдать пару десятков килограммов макулатуры или оказаться перед выбором приобретения этой книги только у спекулянтов-перекупщиков. И это притом что книги выходили миллионными тиражами. Сейчас же, когда вы можете найти практически любое издание в магазине (а сами книги находятся в свободной продаже), тиражи книг редко превышают 5 тыс. экз. Парадокс? Нет. Ведь многие тогда покупали книги «просто так», только из-за того, что появлялась возможность «достать». Сейчас же в этом исчезла необходимость.

И как бы то ни было, все это как раз наглядно демонстрирует принцип дефицита, принцип манипулирования нашим сознанием. Сознанием масс. И большинство из нас, к сожалению, поддается этим манипуляциям.

Глава 6. Манипулирование посредством СМИ

Следует обратить внимание, что в современном обществе манипуляция массами с помощью средств массовой информации оказываются, на наш взгляд, наиболее действенной по суггестивным воздействиям на аудиторию.

Связано это как минимум с несколькими факторами, основными из которых выступают практически всеохватываемость территории воздействия, а также историческая предрасположенность к вере средствам массовой информации, пришедшая к нам из советского прошлого, а к лицам, родившимся позже, — филогенетическим путем.

Итак, подойдем к методам манипулирования посредством СМИ, рассмотрев способы суггестивного воздействия на массы. Причем следует обратить внимание на то, что все эти способы «работают» и при манипулированиях в обычной жизни (то есть когда СМИ как будто уже и ни при чем) — в общении индивидов друг с другом и проч.

1. Принцип первоочередности.

Данный метод основан исключительно на специфике нашей психики, которая устроена таким образом, что склонна принимать на веру информацию, поступившую в обработку нашим сознанием первой.

Даже то, что позже мы можем получить более достоверную информацию, часто не исключает ни факта подсознательного недоверия к ней, ни того обстоятельства, что наше бессознательное будет посылать в сознание «благоклонные» импульсы от информации, полученной первой.

Видимо, в данном случае срабатывает некий эффект восприятия первичной информации как истинной, тем более что сразу как будто и понять ее противоречивый характер невозможно. А позже уже достаточно трудно изменить сформировавшееся мнение.

Подобный принцип достаточно успешно используется в политических технологиях, когда в адрес конкурента (посредством СМИ) засылается некий обличительный материал (компромат), тем самым: а) формируя у избирателей негативное мнение о нем; б) заставляя оправдываться. Причем

уже в данном случае идет воздействие на массы путем распространенных в обществе стереотипов о том, что если кто оправдывается — значит, виноват (причем, заметим, видимо, все же стереотипов достаточно ложных, но тем не менее оставляющих о данном индивиду негативный след).

2. «Очевидцы» событий.

Довольно распространенный обман, применяемый с целью воздействия на аудиторию в нужных манипуляторам целях, когда находятся якобы очевидцы событий, которые с необходимой искренностью сообщают информацию, заблаговременно переданную им манипуляторами, выдавая ее за свою собственную.

Имя подобных «очевидцев» зачастую скрывается якобы в целях конспирации или же называется ложное, что наряду с фальсифицированной информацией тем не менее зачастую достигает эффекта у аудитории, т. к. воздействует на бессознательное индивида, вызывая в нем накал чувств и эмоций, в результате которых цензура психики ослаблена и способна пропустить информацию, не определив ее ложную сущность.

3. Образ врага.

Подобный метод манипулирования зачастую наиболее успешный, так как в данном случае путем искусственного создания угрозы и вследствие этого накала страстей массы уже как бы изначально погружаются в состояние, схоже с ИСС (измененными состояниями сознания). В результате ими легче управлять, так как необходимость исполнения приказов продиктована собственной безопасностью индивидов; попутно также формируется положительный имидж представителей властей. Что, опять же, практически способствует приемлемости со стороны властей любых действий, бессознательно интерпретируемых у масс как «забота» о них.

В советские времена ложно формируемый образ врага позволял значительную часть ВВП (валового внутреннего продукта) расходовать на оборонное ведомство, искусственно создавая в стране дефицит определенных товаров для населения.

4. Смещение акцентов.

В данном случае способ подачи материала может показаться весьма любопытным. То есть происходит некое сознательное смещение акцентов в подаваемом аудитории материале, и что-то не совсем желательное для манипуляторов преподносится на втором плане, а наиболее явно высвечивается необходимое им.

5. Использование «лидеров мнений».

В данном случае какие-либо манипуляции массовым сознанием происходят исходя из распространенного убеждения между манипуляторами, что при совершении каких-либо действий покупательного или подражательного характера индивиды ориентируются на т. н. лидеров мнений. В качестве лидеров мнений могут выступать различные фигуры, ставшие культовыми или достаточно авторитетными для определенной категории населения.

Причем чаще всего дело обстоит так, что для отдельных секторов масс-медиа-аудитории существуют и свои лидеры мнений. Например, для кого-то может стать авторитетом какой-нибудь знаменитый спортсмен, для кого-то — поп-певец или рок-музыкант, для кого-то — писатель.

Известно, что подобную форму манипулирования достаточно активно используют и в СМИ, и в обычной жизни. А в период выборов эта форма становится наиболее желанна для манипуляторов, когда известные актеры, писатели и музыканты, поспешно принятые в ту или иную партию, рекомендуют голосовать исключительно за нее (ну, т. е. за себя, что уже означает и за нее, и за всех тех, кто помимо этих известных деятелей шоу-бизнеса и различных богемных институтов принадлежит к данной партии).

6. Переориентация внимания.

В данном случае становится возможным преподать практически любой по накалу эмоциональной составляющей материал, но при этом не вызвать ожидаемой бури страстей. И становится возможным это исходя из правила переориентации внимания, когда необходимая для сокрытия информация как бы отходит в тень словно бы случайно втягиваемых событий, служащих отвлечению внимания.

В этом случае становится возможным преподнести практически абсолютно любой материал, не опасаясь его нежелательной (негативной) составляющей.

7. Эмоциональное заражение.

Технология манипулирования в данном случае основана на таком свойстве психики индивида, как эмоциональная заряжаемость.

Известно, что в процессе жизни человек выстраивает определенные защитные барьеры на пути получения нежелательной для него информации. Но подобное становится возможно относительно вынесения в качестве защитных механизмов неких составляющих сознания, то есть, например, разума. Тогда как для того, чтобы обойти подобный барьер психики, необходимо, чтобы манипулятивное воздействие было направлено на чувства; т. е. уже на то, что находится больше в ведении подсознания. В данном случае, «зарядив» нужную информацию необходимыми эмоциями (эмоциональной составляющей получаемой информации), становится возможным барьер разума преодолеть и вызвать в индивиде взрыв страстей, заставив его переживать по какому-то моменту услышанной информации. Далее вступает в действие эффект детонирования, или эмоционального заражения, который получает наибольшее распространение в толпе, где, как известно, порог критичности изначально ниже, а интеллектуальная составляющая отдельного индивида становится заметно ниже, подчиняясь общей глупости, свойственной индивидам, заключенным в массы.

Подобный эффект манипуляции достаточно активно применяется во время различных реалити-шоу, когда участники словно бы изначально говорят на повышенных тонах и демонстрируют порой значительное эмоциональное возбуждение, что заставляет смотреть за перипетиями демонстрируемых ими событий, сопереживая главным героям.

Подобное воздействие на эмоциональную составляющую масс-медиа-аудитории происходит при выступлении по телевизору ряда политиков, импульсивно выкрикивающих свои способы выхода из кризисных ситуаций, в которых, по их мнению, постоянно находится держава. Подобный способ использовали и используют некоторые дикторы на телевидении, которые благодаря данному методу манипулирования

воздействуют на чувства индивидов, и происходит эмоциональная заряжаемость аудитории, а значит, возможность подобных манипуляторов заставить обратить внимание на подаваемый материал.

8. Показная проблематика.

В данном случае методика манипулирования сознанием масс не только оказывается весьма эффективной, но и достаточно распространена в современных масс-медиа. Суть ее сводится к следующему: в зависимости от подачи одних и тех же материалов можно добиваться различных, порой противоположных мнений у аудитории. То есть какое-то событие можно искусственно «не заметить», а чему-то, наоборот, уделить повышенное внимание, да еще на разных каналах телевидения.

При этом, конечно же, сама истина уже отходит на второй план и зависит от желания (или нежелания) высвечивать ее.

Известно, что ежедневно в стране происходит множество событий. Естественно, освещение всех их невозможно уже чисто физически.

Однако зачастую происходит так, что какие-либо события демонстрируются достаточно часто, много раз и на различных каналах, тогда как что-то другое, что наверняка тоже заслуживает внимания для донесения информации об этом до аудитории, уже сознательно не замечается.

Стоит заметить, что подача информации посредством подобной манипулятивной техники зачастую приводит к искусственному раздуванию несуществующих проблем, за которыми не замечаются действительно опасные тенденции. Например, одной из серьезных проблем современной России следует назвать фактическую смертность посредством приема алкоголесодержащих жидкостей довольно значительно населения сел и деревень. То есть, другими словами, пьет и спивается очень большая категория мужского населения. Пока несколько уступает им, но имеет столь же великое число приверженцев, наркомания. Какая-то часть населения фактически так же уже становится безнадежно потерянной для социума из-за развития сектантства. Первые две проблемы создают реальную демографическую угрозу в стране, средства массовой информации которой направлены на сознательное

смещение акцентов в сторону проблематики значительно меньшей, но необходимым определенной манипуляторам из сильных мира сего.

9. Недоступность информации.

Данный принцип манипулятивных технологий еще называют информационной блокадой. Становится возможно подобное, когда определенная часть информации, нежелательная для манипуляторов, сознательно не допускается в эфир. Ведь известно, что телевидение позволяет выступать в роли массового манипулятора (особенно значительна аудитория федеральных каналов). Поэтому если какую-либо информацию необходимо скрыть от аудитории, то для этого достаточно не пустить ее распространение через эфир федеральных каналов (желательно вообще не пустить на телевидение).

В современных СМИ к информационной блокаде, видимо, следует отнести реальное положение дел, происходящих в ряде территорий, входящих в состав страны и за ее пределами из числа бывших республик бывшего Союза, а также многочисленных материалов, представляющих реальное положение на территории страны, ну и многое другое.

10. Удар на опережение.

Вид манипуляции, основанный на заблаговременном выбросе негативной для основной категории людей информации или компромата для конкурирующей группировки в сфере политвыборов, когда данная информация вызывает максимальный резонанс, чтобы потом, ко времени последующего поступления информации и необходимости принятия непопулярного решения, аудитория устала от протеста и уже так не реагировала. А в политтехнологиях происходит жертвенность незначительным компроматом, после чего манипуляторы добиваются эффекта нереагирования аудитории при поступлении на продвигаемого ими политического деятеля нового компромата. Народ в данном случае уже устал реагировать.

11. Ложный накал страстей.

Способ манипулирования масс-медиа-аудиторией, когда используется ложный накал страстей за счет преподнесения

якобы сенсационного материала, в результате чего психика индивида не успевает должным образом среагировать, создается ненужный ажиотаж и преподносимая манипуляторами информация оказывается в фаворе при оценке ее индивидами. То есть в данном случае заметно снижается критичность, выдвигаемая цензурой психики, а значит, манипуляторы достигают ожидаемого результата.

Другими словами, создается ложный лимит времени, за который получаемая информация должна быть оценена, что зачастую приводит к тому, что она практически без купюр (со стороны принципа реальности, т. н. тестирования реальности) попадает в бессознательное индивида, после чего оказывает влияние на сознание, искажая сам смысл полученной информации, а также занимая место для получения (и соответствующей оценки) информации более правдивой и, может быть, на самом деле необходимой индивиду.

Причем в большинстве случаев мы говорим о воздействии на масс-медиа-аудиторию, когда задействуются механизмы оценки информации в толпе, в которой чаще всего принцип критичности затруднителен уже и сам по себе, а тут он еще и нарушается в результате ложной сенсационности и связанной с ним поспешности в необходимости принятия какого-либо решения, то есть, другими словами, в адекватной оценке полученной информации.

12. Эффект правдоподобия.

В данном случае основа для возможной манипуляции состоит из известной составляющей психики индивида, когда он склонен верить информации, не противоречащей его внутреннему «Я». Т. е., другими словами, если посредством СМИ (телевидение, радио, пресса) мы сталкиваемся с информацией, с которой внутренне не согласны (это как-то противоречит информации, уже находящейся в нашем бессознательном), то мы сознательно перекрываем подобный канал получения информации.

В другом же случае, если наталкиваемся на информацию, не противоречащую нашему пониманию подобного вопроса, то мы продолжаем получать информацию посредством задействованных органов чувств. И тогда в данном случае есть разгон для манипуляции над нами, т. к. манипу-

ляторы сознательно будут вклинивать в как будто и правдоподобную для нас информацию часть ложной, которую словно бы автоматически мы воспринимаем за настоящую.

Эффект правдоподобия может достигаться разумными способами, и, по всей видимости, процентов 70 – 80 – 90 необходимо подавать информации правдоподобной, или уже известной аудитории или той, которую она может проверить. И тогда 30 – 20 – 10 % подаваемой вами ложной информации как бы уже растворится в правде и будет вполне положительно воспринята.

Также в соответствии с подобным принципом манипулирования возможна и изначальная подача заведомо неблагоприятной для манипулятора информации (якобы критика самого себя), за счет чего повышается вера у аудитории, что данный масс-медиа-источник достаточно честный и правдивый. Ну, а уже позже в подаваемую информацию вкрапывается информация, необходимая для манипуляторов.

Также следует учитывать, что и на какую-то информацию индивид способен натолкнуться из любопытства, словно бы бессознательно убеждая себя, что всегда сможет сделать шаг назад.

Далее, если в этой информации найдется нечто, не противоречащее каким-либо его убеждениям или внутренним установкам сознания, то он может и ознакомиться с информацией в целом. Это уже достаточно для того, чтобы при последующей встрече с подобным источником у данного индивида создавалась некая бессознательная положительная эмоция в душе, в результате которой уже наметилась как бы вера подобному средству информации. Ну и значит, уже получается, у такого индивида будет снижен порог восприимчивости к любой информации, получаемой из данного источника; в т. ч. и информации ложного характера.

13. Эффект «информационного штурма».

В данном случае следует говорить о применяемых манипуляторами способах, направленных на немотивированно огромное количество поступающей на аудиторию информации, в результате чего среди потока ненужной и бесполезной информации теряется истина. Да и сами индивиды, подвергавшиеся подобной форме манипулирования,

просто устают от потока информации, а значит, уже какой-то анализ ее становится заметно снижен, а значит, у манипуляторов появляется возможность скрыть информацию, нужную им, но нежелательную для демонстрации широким массам.

14. Обратный эффект.

В данном случае происходит такое количество негативной информации в адрес какого-либо деятеля, что эта информация достигает прямо противоположного эффекта, и вместо ожидаемого осуждения подобный деятель начинает вызывать жалость. А значит, манипулятивные технологии вновь оказываются действенными.

15. Будничный рассказ, или зло с человеческим лицом.

Рассматриваемый нами тип проведения массовой манипуляции становится возможен, когда информация, которая может вызвать нежелательный эффект, произносится весьма обычным тоном, словно бы ничего странного и тем более страшного не происходит. В результате подобной формы преподнесения информации некая критическая информация при проникновении в сознание слушателей как бы теряет свою актуальность. Таким образом, как бы сламливается критичность восприятия психикой индивида негативной информации, своего рода привыкание к ней.

При длительном характере подобного вещания психика масс-медиа-аудитории значительно притупляется, что практически исключает эмоциональную составляющую, характерную ранее при прослушивании (просматривании и прочитывании) различного рода криминальной информации (информация об убийствах, жестоких изнасилованиях, терактах и проч.).

При освещении каких-либо митингов или демонстраций, подавленных властями с большим количеством жертв и пострадавших, эффект от подобной информации заметно снижается при подаче материалов дикторами обычными, ровными голосами, словно они рассказывают о некоем обычном и особо ничем не примечательном сюжете. При этом злодеяния на самом деле могут быть прямо противоположными характеру подачи материала.

16. Односторонность освещения событий.

В данном случае манипулятивность применяемой методики направлена на односторонность освещения событий, когда дается высказаться лишь одной стороне процесса, в результате чего достигается ложный (скрытый, манипулятивный) эффект при возможной интерпретации подаваемых в материале событий, фактически подобную интерпретацию исключая.

Таким образом, заинтересованным во лжи манипуляторам вновь удастся скрыть правду, представив вместо нее обман, в который эти жулики и заставят поверить массы.

17. Принцип контраста.

Этот вид манипуляции становится возможен, когда необходимая информация подается на фоне другой, изначально негативной и отрицательно воспринимаемой большинством аудитории.

То есть на фоне черного всегда будет заметно нечто белое. А на фоне взяточников и бюрократов в правильном контексте можно преподнести лицо с заведомо направленными на созидание поступками, даже если он не будет обличать стяжателей, а, например, всего лишь проходит информация о положительности данного человека.

Подобный принцип вполне распространен и у политтехнологов, когда детально разбирается возможный кризис («кризис» всегда можно найти; все зависит от того, как подать материал) в лагере конкурентов, тогда как на фоне всего этого безобразия демонстрируется правильный характер действий используемого манипуляторами кандидата в депутаты.

18. Одобрение мнимого большинства.

Применение данной методики манипулирования массами основано на таком специфическом компоненте человеческой психики, как допустимость совершения каких-либо действий (поступков) после изначального одобрения какими-либо другими индивидами. То есть уже можно говорить о том, что в психике стирается некий барьер критичности (и по отношению к самому себе, и в отношении получаемой информации), после того как эта информация вызвала одобрение у других людей.

Сам индивид в большинстве случаев (мы говорим о представителях массы) зачастую достаточно неохотно берет на себя обязательства приемлемости каких-либо руководящих действий со своей стороны. Т. е. стать руководителем для большинства значительно труднее, чем становиться подчиненным. Одно дело пользоваться какими-то накатанными схемами и совсем другое — реализовывать собственные лидерские амбиции. И в первую очередь как раз из-за ложной опасности получить какие-либо критические замечания со стороны других. Тогда как в данном случае, после получения некоего одобрения (особенно когда поддерживает вас определенное количество других индивидов), у вас словно вырастают крылья и вы способны на совершение ряда поступков, на которые ранее, быть может, и не решились бы. Нечто подобное, видимо, происходит и в толпе, когда согласие других (по сути — ваших «подельников», ну или соратников, акценты тут расставляются в зависимости от того, какие будут совершены толпой деяния) снижает какую-либо критичность (цензуру) психики у индивида и он способен в буквальном случае совершить подвиг по отношению к себе. (Т. е. совершить поступок, на который ранее, быть может, и не решился бы.)

Притом что следует, видимо, говорить и о том, что какая-либо результативность подобного принципа со стороны манипуляторов становится возможной исходя из той же специфики, которая заставляет индивидов объединяться в группы. Что такое группа, или масса? В первую очередь это массовое исчезновение страха. По принципу: когда мы вместе, нам уже ничего не страшно.

И точно так же, находясь в группе, индивид бессознательно склоняется к мысли, что если что-либо одобряется большинством, то значит, это больше хорошо, чем плохо. Ну а то, что, быть может, он еще не понял, что это хорошо, говорит лишь о том, что данный индивид еще не разобрался. А значит, мы уже можем говорить, что вероятность того, что «начиная разбираться» индивид примет решение, до него уже принятое большинством, будет весьма высока. Просто потому, что исторически психика склонна к тому, чтобы этому социуму верить. А потому и большинство подобных методик становятся возможными.

Данный метод манипуляции также используется на телевидении (когда в каком-либо ток-шоу зрители начинают хлопать и диким образом выражать свой восторг тому, что сейчас начнется рекламная пауза) и на выступлении каких-либо деятелей перед аудиторией, когда изначально проплаченная «группа поддержки» периодически начинает выказывать всяческое одобрение выступающему, и в случае, когда актеры выдают себя за простых людей, рекламируя какой-либо продукт на телеэкране. Поэтому желательно подобные моменты со стороны манипуляторов выявлять и на них не поддаваться, памятуя о том, что в большинстве своем манипуляции — бессознательно есть обман с целью выполнить какие-либо требования манипуляторов.

19. Экспрессивный удар.

При реализации данный принцип должен произвести эффект психологического шока, когда должного эффекта манипуляторы добиваются намеренным транслированием ужасов современной жизни индивидов, что вызывает первую реакцию протеста (за счет резкого повышения эмоциональной составляющей психики) и желание во что бы то ни стало наказать виновных. При этом, что уж говорить, акценты при подаче материала могут быть вполне сознательно смещены в сторону ненужных манипуляторам конкурентов или против информации, кажущейся им нежелательной.

В данном случае достигается и еще один эффект, когда на фоне произведенного эффекта подается какая-либо необходимая манипуляторам информация, которая уже практически беспрепятственно проникает в бессознательное, а уже оттуда, через какое-то время, и в сознание. Причем здесь все тоже как бы становится объяснимо, и потому что психика индивида в состоянии эмоционального напряжения (шока) не может адекватно оценивать всю получаемую информацию эмоции берут вверх над разумом, и потому что практически все, что находится в нашем бессознательном, так или иначе оказывает влияние на сознание.

20. Ложные аналогии, или диверсии против логики.

Данная манипуляция весьма опасна, т. к. фактически устранивает истинную причину в каком-либо вопросе, заменяя ее ложной аналогией. Например, происходит неправильное со-

поставление различных, как бы уже и взаимоисключающих следствий, которые в данном случае выдаются за одно. То есть никоим образом не прослеживается логическая составляющая в ряде вопросов чуть ли не противоположного характера, но манипуляторами это уверенно выдается за якобы одну причинно-следственную цепочку. Простой пример из серии «кухарка может управлять государством» какой-либо известный спортсмен избирается депутатом, а политтехнологи усиленно пробивают идею (посредством создания ассоциативной цепочки), что если он смог добиться значительных результатов в спорте, то сможет достигнуть подобного в борьбе за дело трудящихся масс.

21. Искусственное просчитывание ситуации.

В этой ситуации для решения каких-либо задач манипуляторами выбрасывается на рынок множество различной информации, тем самым отслеживается интерес общественности, и информация, не получившая актуальность, в последующем исключается, а оставшаяся преподносится с помощью многочисленных манипулятивных техник для полного достижения манипуляторами запрограммированного успеха.

22. Манипулятивное комментирование.

Посредством необходимого манипуляторам акцента освещается то или иное событие. При этом любое нежелательное для манипуляторов событие при использовании подобной техники зачастую может принять и противоположную окраску. Как говорится, все зависит исключительно от того, как вы преподнесете тот или иной материал, с какими комментариями.

23. Эффект присутствия.

Ссылка на присутствие на каком-либо событии позволяет направить манипулятивную методiku на максимальное достижение необходимого результата. По типу: очевидец всегда прав. А психика масс-медиа-аудитории в данном случае делает открытой пропускную систему поступления подобной информации, фактически без какого-либо анализа ее, полностью доверяя лицам, находящимся в гуще событий.

24. Допуск (приближение) к власти.

Подобный вид манипуляции имеет достаточное качество различных форм, и может затрагивать практически все без исключения стороны жизни, и имеет, по всей видимости, исторические перспективы своего существования (т. е. доставшиеся психике современного человека филогенетическим путем).

Основан принцип на порой чуть ли не кардинальном изменении индивидом своего прежнего мнения в результате допущения подобного индивида к каким-либо представителям власти (пусть и некогда ругаемой), знаменитым исполнителям музыкальных композиций (даже и в неприемлемом для подобного индивида жанре) и проч. Главное в этом случае — соблюдение условия действительного статуса знаменитости и желание его каким-то образом (пусть и временно) приблизить к себе подобного индивида. Здесь играет роль чисто психологический признак роли знаменитости в обществе, а значит, наш индивид уже отдает себе отчет, что снизошедшая до него знаменитость обществом принята и вознесена и что сам факт обращения к нему уже как бы возносит также его (в т. ч. и повышает внутреннюю самооценку нашего индивида), и словно бы в качестве благодарности человек бессознательно готов выполнить любую просьбу знаменитости.

25. Повторение.

Подобный способ манипулирования отчасти достаточно прост и уникален. Необходимо всего лишь многократное повторение какой-либо информации, чтобы подобная информация осела в памяти аудитории и в дальнейшем была ею использована.

При этом манипуляторам следует максимально упростить текст и добиться его восприимчивости в расчете на низкоинтеллектуальную публику. Как ни странно, практически только в таком случае можно быть уверенным, что необходимая информация не только будет донесена до слушателей, но и будет правильно ими воспринята. Многократным повторением простых фраз как раз и можно добиться подобного эффекта. Передаваемая информация сначала прочно закрепляется в подсознании слушателей, а потом и будет влиять на их сознание, а значит, на совершение поступков, заложенных в преподносимой информации.

26. Правда наполовину.

Этот метод манипуляции известен достаточно давно и заключается в том, что публике преподносится только часть достоверной информации, в то время как другая часть, объясняющая возможность существования первой части, манипуляторами утаивается. В результате чего в обществе образуются негативные эмоции, направленные на достижение манипуляторами собственных целей и задач.

Например, в 80-х — начале 90-х гг. недобросовестными манипуляторами активно муссировалась информация, что якобы многочисленные республики СССР кормят Москву, поэтому необходимо срочное отделение их. При этом налицо была явная полуправда, потому как уже как бы искусственно упускались из виду многочисленные субсидии в виде бесплатных природных ресурсов, которые направлялись в эти страны. В результате чего такие республики, как Украина, Молдова и т. п., стали независимыми государствами, но быстро скатились за черту бедности, пример чему — населившие крупные города России гастарбайтеры.

Существует также еще определенное количество манипуляций психикой масс посредством средств массовой информации, перечисление которых уже в какой-то степени и излишне, потому как, на наш взгляд, вопрос в должной мере уже освещен и понятен. От себя мы могли бы добавить, что каждому человеку следует более внимательно относиться к себе и при поступлении к нему какой-либо информации включать в первую очередь разум, а не чувства, для анализа подобной информации.

Часть 2. Психоанализ и манипуляции массами

Глава 7. Подсознание. Результирующая действительность и манипулятивные функции

Второе столетие мир существует с научным открытием Зигмунда Фрейда о природе бессознательного. И если до сих пор случаются споры по поводу неких постулатов психоаналитической теории Фрейда, то следует заметить, что основные расхождения наблюдаются вокруг ряда выводов основателя психоанализа (которые кто-то принимает целиком и полностью, а кто-то — с некоторыми, на его взгляд, необходимыми коррективами), но уже мало найдется людей, начисто отвергающих существование бессознательного. (Причем еще до Фрейда к схожим с ним результатам — пусть и не таким структурированным, как у него, — пришли некоторые философы и ученые. А само открытие Зигмунд Фрейд приписывал своему другу и учителю Брейеру.)

1

Однако если на миг попытаться абстрагироваться от затянувшейся тяжбы между сторонниками и противниками учения Фрейда и лишь только принять во внимание, что, по всей видимости (в т. ч. и подсознательно), все и так принимают, — то уже задача данной работы нам видится как в некоем подтверждении существования бессознательного (без чего само бессознательное вполне может и обойтись), так и, скорее всего, в раскрытии ряда характеризующих позиций его направляющей (руководящей) сути.

Действительно, можно без сомнения утверждать, что всеми нашими мыслями и поступками (мысли, вероятно, уже как нечто предшествующее поступкам) управляет бессознательное. (То, что Фрейд предлагал обозначить, имеется в виду некая корректирующая, буквенная, составляющая, «Оно», или «ит», в английско-латинской транскрипции). Никакого нет смысла сейчас вдаваться во всю теоретическую базу основ психоанализа (тем более об этом достаточно

писал и сам Фрейд, и его последователи). Мы лишь попытаемся вынести на суд читателей кое-какие свои мысли о бессознательном.

Прежде всего, давайте еще раз условимся, что аксиому Фрейда о существовании бессознательного мы принимаем полностью. И тогда уже в наших дальнейших изысканиях будем исходить (и отталкиваться) исключительно от нее. А еще, быть может, говорить о бессознательном как о некоем целостном составляющем чего-то достаточно неделимого, неосознаваемого, но... реально существующего. (Т. е. рассматривать его как некую действительность и при этом полностью принимая все постулаты Фрейда, сейчас все же несколько обходя стороной эдипальные, предэдипальные, как-то оральные, анальные и генитальные, фазы развития, и где-то обходя стороной и комплекс кастрации, и либидо, эрос, инстинкт смерти, танатос и т. п.) И уже, вероятно, продиктовано это может быть исключительно тем, что мы совсем не собираемся проследивать образование бессознательного. И потому, просто-напросто, обратимся к бессознательному как к некоему факту. Отрицать существование которого бессмысленно.

И тогда уже, исходя из позиции существования бессознательного, напомним, что любые поступки окружающих нас людей следует интерпретировать с позиции теории, предложенной Фрейдом. Например, если мы замечаем, что кто-то начинает изменять свое отношение к вам, то наиболее логичным попытаться проследить (понаблюдать, проанализировать) подобный ход действий человека с позиции его мыслей. Всегда должна быть какая-нибудь точка отсчета, от которой можно отталкиваться не только ему, но и вам. Быть может, есть смысл попытаться вернуться к ней, где несложными, а где и хитроумными комбинациями вынудив этого самого интересующего вас индивида еще раз «проиграть» в своих мыслях, своей памяти, своем бессознательном прежнюю ситуацию; но вот только с одним отличием: эффект от этого должен быть необходим вам. И даже ничего страшного, если от этого немного исказится сама «правдивость» ситуации. В свете уже написанного смеем вас уверить, что вообще само понятие «ложности» или «правдивости», зависит в первую очередь от того, как:

- а) об этом будет думать этот индивид;
- б) как сделаете вы так, чтобы он «правильно» подумал.

Причем, чуть вдаваясь в философское понятия вопроса, заметим, что, на наш взгляд, понятий истинности и ложности как бы заранее не существует. Ибо они в первую очередь, а то и исключительно, зависят от субъективности и еще больше — от относительности как самого вопроса, так и вашего мнения; или, если быть точнее, о т. н. «нужности» самого вопроса. И тогда уже стоит сделать шаг к тому, чтобы ключ к разрешению подобных — в какой-то мере и абстракт-будущих — вопросов был исключительно ваш. А значит, и последнее слово останется за вами. Тем более что большинство людей достаточно легко «перенастроить» в нужное (вам) русло. И сделать это возможно, зная механизмы воздействия на подсознание.

Таким образом, мы подошли к вопросу манипулирования сознанием (в т. ч. и бессознательным), и почти исключительно вторгаясь в область неких психических процессов, а то и вообще ключевых характеристик действительности.

И тогда уже именно отсюда следует, что, вторгаясь в область управления психическими процессами мы неким таинственным образом можем использовать своего рода «перенаправление» мыслей (а значит, и самих действий) в нужном (уже нас) направлении. Что поистине бесценно. Ибо мы, таким образом, получаем в свои руки оружие, способное приводить к беспроигрышной и всецело программируемой (как и контролируемой) нами ситуации. Тем более в качестве экспериментирующих ситуаций можно — в дальнейшем — создавать любые (как бы заранее невыгодные вам) позиции, с конечной (и заранее известной) целью — повернуть все в вашу пользу. Т. е. это уже своего рода игра, заключающаяся в том, чтобы:

- а) дать «противнику» некую фору;
- б) дожидаться, пока ситуация начнет принимать «нежелательный» для вас оборот;
- в) исправить (выровнять) ситуацию;
- г) выйти «в отрыв»;
- д) закрепить свою победу, в т. ч. и как бы «резервируя» подобный «программируемый» результат на будущее, лишая, таким образом, «противника» не только сопротивления, но и каких-либо даже мыслей об этом.

Причем следует иметь в виду, что практически любой индивид подсознательно готов к поражению. Здесь первостепенное значение имеет некая установка (ориентация на миф), или, другими словами, в вашу пользу играет своего рода нуминозный опыт, или память предков, если хотите, человечества в целом.

Т. е., несмотря и на некую «запрограммированность на успех» (опять же у некоторых людей с ярко выраженными лидерскими качествами), практически все так или иначе но подсознательно ожидают своего рода «форс-мажорной» ситуации (уже тут начиная убеждать себя, что, мол, всегда в любом вопросе бывают исключения, вспомним бытующие в народе поговорки типа: «нашла коса на камень», «и на старуху бывает проруха», когда поражение возможно как бы по не зависящим для вас обстоятельствам), вследствие которой они (подсознательно) «готовы проиграть». (Тем более что для того чтобы унять свое «восстающее» против этого «Я» — есть немало способов «оправдать» поражение. Причем, опять же, лидерские качества находятся почти в симбиотической связи со своего рода творческими способностями, и уже тогда — если допустить, что это так, — фантазийность вариативности идей, нацеленных на поиск оправдывающих все и вся решений, может быть чуть ли не безгранична. И тогда уже какое-то одно-два из них — сознание «Я», совесть «Сверх-Я» — принимает, пусть и с показным «скрипом в сердце».)

Так что, если хотите, за развитие подобного рода «инсценировки сюжета» всех последующих (а то и первоначальных, ведь вполне можно начать как раз с этого, не дав «противнику» какой-либо форы, и с первых своих шагов «строить» общение «строая» в русле нужного вам поведения) действий интересующего вас индивида предрасположена сама природа. Своего рода, на руку играет некая «философичность бытия». И мир от этого не рухнет, и Земля не начнет вращаться в другую сторону. И оттого что вы сможете направлять а быть может, и только слегка корректировать действия других людей, даже не изменится ваша совесть. Тем более что на каком-то этапе (через весьма незначительное время) подобные ваши «способности» перейдут исключительно в ведение бессознательного. А значит, все будет происходить как бы «автоматически» и уже даже независимо от вас.

2

Если попытаться подойти к интерпретации направленности содержания психики (своего рода проецирования того, что заложено в подсознании, на мотив поведения индивида в окружающем мире), то уже вполне бесспорно, что истоки (этой самой «руководящей роли») следует искать именно в бессознательном. Причем и основная роль отводится именно подсознанию.

Что же оказывает влияние на подсознание?

Ну, во-первых, как мы уже отмечали, т. н. нуминозный опыт. Опыт человечества. Опыт предков. Своего рода коллективное бессознательное (на существовании которого настаивал Юнг, да, чуть позднее, и сам Фрейд). Кроме того, оказывает немалое значение и специфика существования мифов (которым и Фрейд, и Юнг уделяли немалое внимание). Ведь что такое миф? Это некая кем-то и когда-то (т. е. относительно давно, хотя бывают и специально насаждаемые мифы, своего рода «подделки») придуманная легенда, которая, переходя из поколения в поколение, на каком-то этапе своего существования уже стала прочно ассоциироваться с природой земного бытия. (Попросту — «застревает» на подсознательном уровне, т. е. то, о чем говорят: «засесть в головах» людей.) В данном случае — уже современных людей. И уже хотим мы того или нет, но этот самый миф будет оказывать подсознательное влияние на совершаемый характер наших поступков. (Причем, опять же, свое воздействие он как раз уже оказывает именно на стадии принятия решений, каким-то незамысловатым образом и уже участвуя в образовании самой «нужной» мысли и — главное — оказывая на нее порой результирующее влияние.) А в случае если возникает хоть какое-то, пусть и незначительное, сопротивление в нашей психике по поводу этого вмешательства — столь явного по своей сути, — то, далее, возникает некий дискомфорт, в зависимости от стадий образования которого мы начинаем ощущать что-то вроде накапливающихся в нас противоречий, выходом которых — в зависимости от состояний нервной системы — служит рождение какого-нибудь стресса: это может быть или порой ярко выраженная агрессия (формы направления которой иной раз совсем непредсказуемы), или,

наоборот, упадок сил, настроения, своего рода депрессивные состояния. И иного, как говорится, не дано.

Во-вторых, на подсознание оказывает влияние, опять же, сама форма (способ) образования бессознательного. Ведь так или иначе, все, что когда-нибудь было нами услышано или увидено (т. е. любая информация с печатных и электронных изданий, информация, полученная посредством теле- аудио- и видеоносителей), так или иначе, но откладывается в бессознательном. И уже в последующем все это неким таинственным образом «смешивается», «перемешивается», и, обогащаясь коллективным бессознательным, рождает (опять же, все вновь помноженное на уже чисто природные, индивидуальные черты данного индивида, как-то: интеллект, талант, творческие способности...) некий первичный слой бессознательного, который как раз и участвует в образовании тех мыслей, которые затем будут перенаправлены в «соответствующие органы индивида» (в данном случае, вероятно, ЦНС — центральную нервную систему) для их последующего осуществления в виде принимаемых решений, или, уже скорее, свершения этих самых решений, т. е. образования поступков. И иного, как говорится, не дано.

Теперь попытаемся коснуться этой самой «результатирующей роли бессознательного».

Мы выяснили, что подсознание имеет первостепенное значение в принятии решений, возникающих в человеческой психике. Что же это значит? И вот уже как раз тут мы должны обратить внимание (главным образом это имеет значение в общении с другими людьми), что характер поведения человека, его слов и поступков, как мы уже выяснили, будет зависеть почти исключительно от бессознательного. (В какой-то мере, рассматривая, конечно же, психику более-менее «нормального» человека; потому как, на наш взгляд, не совсем адекватное поведение индивидов, имеющих какое-то отклонение в психике, зависит, конечно, от бессознательного, но уже на это бессознательное оказывают влияние, и зачастую самое непредсказуемое целый ряд других характеристик, как то: «большое воображение», явная мнительность, раздвоение личности и иные позиции, относящиеся, например, к симптоматике психопатий, что в итоге может приводить к порой непредсказуе-

мым последствиям.) И тогда уже, прежде чем выразить свое отношение к какому-либо действию, порой, быть может, и «странному», на ваш взгляд, интересующего вас индивида, следует попытаться проанализировать (чтобы «управлять» психикой, без анализа, а значит, неких аналитических способностей, не обойтись) или, иными словами, проинтерпретировать поведение этого самого индивида с позиции психоанализа психоаналитического учения Фрейда.

И быть может, в этом случае ваше первоначальное мнение об этом человеке несколько изменится. А значит — если будет на то желание, — вы сможете попытаться вторгнуться в область (сферу) принятия решений этим индивидом, с целью повлиять (опять же при желании) на мотив его поведения.

Практически любого человека (за малым исключением специалистов-манипуляторов) можно как «повернуть» («перепрограммировать») в свою пользу, так и обратить против себя.

Вероятно, в чем-то подобном и заключается искусство манипулирования людьми. Искусство, так великодушно подаренное человечеству гениальнейшим австрийским исследователем профессором Зигмундом Фрейдом.

Глава 8. Подсознание. Миф как управление реальностью

В данном случае мы попробуем в какой-то мере приоткрыть завесу над одной из характеристик бессознательного, проследив влияние подсознания на действительность (текущую жизнь) индивида и попытавшись определить зависимость между его сегодняшним (нынешним) поведением и тем, что у него находится в бессознательном.

Т. е. зададимся вопросом: насколько в действительности бессознательное (и в большей мере его содержание) влияет на характер реальных поступков индивида?

И тогда уже мы должны попытаться выяснить: за счет чего так происходит? Почему роль бессознательного постулируется в реальную действительность, ставя эту самую действительность в некую зависимость от содержания бессознательного?

Здесь, вероятно, следует еще раз вернуться к содержанию бессознательного. И в большей мере — к формированию его. А заодно попытаться ответить на вопрос: можно ли каким-нибудь образом проследить зависимость между содержанием бессознательного и характером поведения индивида в нынешнем времени?

Как известно, в содержании бессознательного принимает участие несколько своеобразных структурированных единиц, представляющих своего рода пласты бессознательного. Это: нуминозный опыт, опыт предков, т. н. коллективное бессознательное (то, что доходит до нас в роли мифов, легенд, саг...); т. н. сказочная культура, то, что формирует дальнейшее мировоззрение людей, проникая в их подсознание в период раннего детства); информация, поступающая в бессознательное из книг, с теле-, видео- и аудио-носителей, радио, получаемая в процессе коммуникации, да и вообще жизни индивида в социуме (т. н. совместного сосуществования людей).

Роль каждого из трех перечисленных нами составляющих бессознательного бесспорна и неоценима. Можно даже предположить, что они все вместе находятся в некоем симбиотическом взаимодействии, периодически переходя одно в другое, дополняя друг друга и, в конечном итоге, так или иначе, оказывая результирующее влияние на поведение индивида. И, вероятно, уже отсюда, — определяя характер и направление как поступков, так и свершаемых действий.

Однако несколько вернувшись к заглавию данной работы, попытаемся проследить, какое влияние на мотивы поведения людей оказывают некие мифические составляющие его коллективного бессознательного. В какой-то мере сами мифы — не что иное, как продукт коллективного бессознательного. И тогда уже мы находим, что именно в их формировании принимает непосредственное участие весь т. н. нуминозный опыт предшествующих поколений. А сформированный таким образом миф «начинает работать» и в наши дни. Вернее, как раз здесь его влияние становится практически неоценимым. Можно даже заключить, что в тех или иных приоритетах, как мы доселе считали сознание, на самом деле «первую скрипку» задает именно бессознательное. Именно там, в подсознании, рождающийся мотив совершения какого-либо действия ощущает на себе воздействие мифологи-

ческого прошлого, и таким образом, само уже новое совершенное действие будет напрямую зависеть от составляющего мифического образа.

Как формируется этот самый мифический образ?

Все на самом деле достаточно просто. Из чего состоит психика современного человека? Можно сказать (и в первую очередь это заметил еще Фрейд), что современный человек и первобытный суть одно и того же. И единственно, чем первый может отличаться от второго, — неким культурным слоем, пластом, который успело заполнить (или, скорее, дополнить) его бессознательное. Т. е. новый, культурный, современный человек — это тот же самый первобытный варвар, но только с множеством сформировавшихся во время эволюции табу (норм и запретов), из которых, живя в современном обществе вынужден сдерживаться, живя по установленным (как им самим, так и этим же самым обществом) запретам. Всецело при этом подчиняясь этой системе запретов. А так — в его бессознательном первенствуют все те же основополагающие принципы удовлетворения желаний: т. е. вкусно и много поесть (а то и съесть кого-то), удовлетворить сексуальные инстинкты (кого-то «поиметь») и поспать. Это первично. А уже заработать денег, пообщаться с друзьями-товарищами, посмотреть фильм, прочитать книгу и т. п. — вторично. (Большинство из которого, опять же, не иначе как суть возможности исполнить три первоначальных желания.)

И тогда уже то, что когда-то находилось рядом с первобытным человеком, то, что каким-то образом уходило (вытеснялось) у него в подсознание (или бессознательное) — это все со временем и превращалось в мифы, легенды, сказания. И таким образом, передаваясь через генетическую память и через коллективное бессознательное (что, в принципе, суть одно и то же), дошло до наших дней.

Можно даже сказать, что современный человек не может без мифов. Они ему нужны и необходимы. И именно эти мифы, находясь и базируясь исключительно в бессознательном, оказывают самое непосредственное влияние на поведение современного человека, задействуя, быть может, какие-то тайные механизмы его души, находя какие-то рычажки управления (взаимодействуя с его бессознательным), и когда подобное происходит — можно говорить о том, что пусть как-то и не-

осознанно (т. е. просто-напросто непонятно для себя) человек совершает те или иные поступки, делает тот или иной выбор в приоритете выбора. Конечно же, зачастую и не осознавая всего в полной мере сам, но всецело (и зачастую независимо для себя) подчиняясь единому порыву свершения чего-то. И тот, в руках кого находятся подобные «рычаги» управления бессознательным (например, как через использование уже существующих мифов, так и с помощью формирования каких-либо новых), получает возможность манипуляции или управления. Управления другими людьми.

Глава 9. Критический аспект цивилизации

В одной из своих программных работ («Недовольство культурой») Зигмунд Фрейд достаточно четко расставил акценты влияния на подсознание (а отсюда и поведение людей) цивилизации или, быть может, лучше сказать, цивилизованности. Он пришел к заключению, что психика современного человека, по сути, ничем не отличается от психики первобытного. За исключением одной маленькой детали (которая может быть как плюсом, так и минусом, в зависимости от того под каким углом зрения смотреть). Речь идет о культуре. Именно о той самой культуре, которая, безусловно, являясь одним из достижений цивилизации в некоторых случаях, к сожалению, несет в себе и ярко выраженный негативный акцент, способствуя развитию целого ряда заболеваний (отклонений психики), свойственных т. н. современному человеку.

Мы не будем рассматривать все формы подобных «отклонений» и в какой-то мере остановимся на одной из них. Речь идет о страхе.

Сам по себе страх также имеет как минимум несколько разновидностей, и уже тогда — желая еще более структурировать характер данной работы — обратим внимание на страх, выражающийся в появлении целого ряда негативных аспектов в психике (затрагивающих в какой-то мере и физиологическое состояние) и развивающийся при необходимости появления в общественных местах.

Скажем сразу, что любое скопление народа вызывает особого рода измененные состояния сознания (которые Зигмунд Фрейд описал в работе «Психология масс и анализ чело-

веческого Я», достаточно подробно рассмотрев специфику как массообразования, так и поведения человека в массе, в толпе). Действие, бессознательно вынуждающее индивидов сосредоточиваться в группы, — страх. Ну, или уже получается — стремление от этого страха избавиться.

Попробуем разобраться в природе подобного страха. А так как страх, это для индивида своего рода проблема, то попробуем наметить пути выхода из возникшей проблемы.

Итак, рассмотрим возможные причины образования подобного рода фобических состояний.

В наше время уже нет никаких оснований ставить под сомнения выводы, полученные З. Фрейдом еще более столетия назад, о необходимости искать истоки всего, что случилось с индивидом уже в зрелом возрасте, — в детстве. Вернее, даже в раннем детстве.

И тогда перед нами вновь замаячит тень Эдипова комплекса, т. е. желания инцестуозной связи маленького мальчика с матерью, и его первом страхе, заключающемся в существовании «грозного» отца, который может за подобную «связь» (даже саму мысль о ней) подвергнуть ребенка (сына) кастрации. А значит, уже отсюда — тайном желании «убить» отца. Как мы помним, Эдипов комплекс появляется у ребенка в достаточно раннем возрасте (во времена Фрейда — 5–6 лет, в наши дни в отдельных случаях этот срок следует снизить до года-полутора лет), после чего практически полностью вытесняется в подсознание, и с тех пор находится уже исключительно в бессознательном, лишь иногда (в отдельных случаях) проявляя свое негативное воздействие.

Однако если рассматривать природу возникновения страха еще шире, то нам следует отправиться на несколько тысячелетий назад, к первобытно-общинному строю, когда страх (вместе с чувством вины) возник у первых первобытных людей после убийства (и, вероятно, съедения) своего первобытного отца, старейшины, главы племени, запрещавшего им удовлетворение тех же самых инцестуозных желаний в своем племени (см. работу Фрейда «Тотем и табу»). Затем этот страх точно так же «вытеснился» в бессознательное, которое, как известно, не имеет срока давности. Т. е. в отличие от сознания (например, память как одна из наиболее распространенных форм выражения), где хранится только

информация, поступившая в течение жизни индивида в бессознательном (или подсознании) хранится все то, что было накоплено человечеством веками.

Итак, более менее разобравшись с первоистоками возникновения страха, попробуем коснуться возможных причин его образования в наши дни, причин образования страха у современного человека.

И уже здесь сама причина прослеживается достаточно четким образом. Ибо на психику современного человека действуют все те (накопленные цивилизацией) системы норм и запретов, которые в совокупности со своеобразными принятыми т. н. моделями поведения индивида в обществе образуют своего рода табу, распространяющиеся на все, что выходит за эти самые принятые и распространенные нормы жизни в социуме.

И тогда уже индивид поставлен как бы в жесткие (достаточно жесткие) нормы существования в цивилизованном обществе, любая попытка выхода из которых (зачастую даже мысль об этом) наказывается появлением страха. Причем развивающийся таким образом страх (получая своеобразную пищу в виде «потворствования» индивида уже т. н. «осколочным» следствиям страха) накапливается (в т. ч. и в подсознании), тем самым загоняя человека в еще более жесткие рамки получившего «внезапную» свободу бессознательно.

Каковы же способы разрешения наметившихся противоречий?

На наш взгляд, наиболее результативным способом (и, так сказать, возможностью достижения сравнительно быстрых результатов) может быть т. н. возвращение индивида к первобытным моделям поведения.

Т. е. речь попросту идет о том, чтобы постараться «сбросить» с себя оковы цивилизации, постаравшись на какое-то время превратиться в того самого первобытного человека.

И не надо уже думать ни о какой культуре! В данном случае она только загоняет человека в рамки, формируя личность исключительно интеллигентного человека (что в иные моменты, может быть, и неплоха) и тем самым лишь только способствуя дальнейшему развитию проблемы. Т. е. того же

страха, который не только мешает жить, но и уже подчиняет индивида своей воли, делая его своего рода заложником цивилизации. Или, если угодно, культуры.

Р. С. Речь о возвращении к «культуре» первобытно-общинного человека не стоит понимать буквально. Да и требуется соблюдать своего рода «технику безопасности», ибо быть хамом, негодяем и мерзавцем значительно легче, чем высоконравственным человеком. Поэтому в данном случае речь может идти как о моделировании некоторых жизненных ситуаций в своего рода неформальной обстановке, так и проявлении всего того, чего бы вы никогда не сделали, исключительно в тот период, когда с вами никого нет рядом; т. е. когда вы находитесь исключительно наедине с самим собой.

Ну и, конечно же, следует не забывать, что необходимость в подобном рода поведении (т. е. возвращении к первоистокам) — своего рода вынужденная мера, оправданность которой (при должном соблюдении «правил игры») на каком-то этапе жизни отпадет сама собой.

Ну а пока требуется «играть».

Глава 10. Сила внушения, архетипы и коллективное бессознательное

Почти невозможно ошибиться при утверждении о том, что каждый из нас находится во власти внушения, продиктованного архетипическим составляющим коллективного бессознательного. Причем иной раз составляющая этого нуминозного опыта человечества столь велика, что наше невольное сопротивление внушению никак не может повлиять на сознание; и тогда уже бессознательное практически полностью подчиняет нас своей силе. Но зачастую происходит это столь искусно, что большинство и не подозревает, чем продиктованы их те или иные поступки.

А само сопротивление как таковое становится бессильным — потому что если человек не подозревает об оказываемом на него воздействии, то чему же он должен сопротивляться? Все принимается им как должное.

Да и вообще в какой-то мере в том и великое значение бессознательного, что воздействие на человека происходит неосознанно. И поступки, совершенные им, — как ему кажется — становятся возможны по его воле и согласию. Вывести человека из подобного заблуждения практически невозможно. (Человека, не знакомого с теорией глубинной психологии.)

Нисколько не пытаясь в данном случае излишне вдаваться в понятие суггестии (внушения), мы лишь позволим себе коснуться этого понятия в контексте связи внушения и бессознательного.

И тогда уже — в двух словах — напомним, что же представляет т. н. коллективное бессознательное.

Как известно, теорию о коллективном бессознательном выдвинул Юнг. (Напомним, что разделение бессознательного на личное — коего придерживался З. Фрейд — и коллективное (Юнг) было одной из причин расхождений этих двух гениальных ученых. Причем в последних работах Фрейд все же признал существование коллективного бессознательного, назвав это филогенетическими схемами, или осадками). И т. н. коллективное бессознательное — не как то, что можно понимать под опытом предков, опытом предшествующих поколений (своего рода генетическая память). Т. е. Юнг в некотором роде расширил понятие «содержание бессознательного». И установил, что все, что когда-либо было пережито (пройдено) поколениями людей, находится в нашем бессознательном. Причем в случаях некоторых форм массового сосредоточения людей (при каких-либо обрядах, практически в неизменном виде дошедших до нас из прошлого) мы можем говорить о т. н. «подключении» к источнику массовой психики, коллективному бессознательному. Таким примером может служить церковь. И сила суггестии в данном случае проявляется самым надлежащим образом, ибо, попадая в храм Божий, каждый индивид не только получает возможность приобщиться к коллективному бессознательному, но и всецело подчиняется (вот вам и внушение!) заведенным нормам и порядкам. И при этом вполне явно проявляется еще и психотерапевтическая роль нахождения индивида в церковном сообществе. Ибо в этом случае человек (сливший-

ся с массовым, коллективным бессознательным) получает возможность изжить (пусть только на время) свои страхи, беспокойства, волнения, состояние беспомощности. И проявляется так оттого, что в основной массе индивидам легче быть вместе. Спокойнее. И уже на знании этой особенности человеческой психики построены принципы управления массами, разработаны законы суггестии.

И сила внушения проявляется в той степени, насколько манипуляторам удастся воздействовать на архетипы бессознательного, на те образы из (мифологического) прошлого, с которыми каждый из нас себя ассоциирует.

И в этом нет ничего удивительного. Человеческая психика устроена таким образом, что, находясь в массе (в толпе), человек получает возможность изжить свои страхи, чувствуя как бы защищенность со стороны себе подобных. Вполне естественно следует, что за это он должен чем-то платить. Как раз такой платой и будет возможность подчинения тем механизмам и свойствам толпы, о которых писали и Бехтерев, и Сикорский, и ЛеБон, и Фрейд...

Р. S. Мы только в общих чертах коснулись вопроса проявления внушения, приняв за основу возможность суггестии при некотором приобщении к коллективному бессознательному (в котором, вероятно, происходит негласное кодирование при взаимодействии с «родственными» архетипами: отца, дитя, воина, матери и т. п.). Однако вполне можно отыскать истоки (возможности) внушения и в ранних фазах развития, и в Эдиповом комплексе, находя и объясняя с помощью, например, развития того же чувства вины (провоцируя подобное у «нужных» нам людей) возможности индивида к подчинению. Например, стремясь заглушить чувство вины, он, по всей видимости, будет стараться сделать то, что от него требуется (своего рода наркотический эффект — стремление получить то, что требуется, чтобы побыстрее прекратить ломку). И тогда уже в этом и во многом другом как раз и кроется сила внушения и влияния его на индивида. А коллективное бессознательное можно рассматривать как одну из форм достижения подобного результата.

Глава 11. Ошибочность восприятия

1

Мы живем образами. Выдуманными, воображаемыми образами, таящимися в подсознании и (оттуда) периодически извлекаемыми в сознание, тем самым давая возможность индивиду принять новый облик.

Сколь верно подобное утверждение?

На первый взгляд кажется явная абсурдность ситуации. Если каждый из нас живет образами, что почти наверняка — в чужом образе, то это означает, что никто не живет собственной жизнью?!

Но насколько было это не покажется странным, на самом деле так все и происходит. Так, или примерно так. Отличие лишь в том, что то, что ошибочно мы принимаем за «чужой» образ, на самом деле и есть наш собственный. Просто никто не знает (и на самом деле это так), каков образ наш собственный.

Социум, если позволите, культурная среда, цивилизация, почти непременно (и, к сожалению, независимо от нас) накладывает свой отпечаток на формирование бессознательного. Заполняя его всем тем, что встречалось индивиду в процессе жизни.

В детстве это сказки (вначале прочитанные кем-то, позже — самостоятельно), мультфильмы, кукольные постановки...

В подростковом возрасте — книги, кинофильмы...

Все это «сдабривается» доброй долей рассказов сверстников и родственников, услышанных (подслушанных) и, иной раз, «додуманных». (Т. е. неправильно, не совсем верно интерпретированных.) Кроме того, нисколько не хотелось бы исключать и филогенетические схемы (коллективное бессознательное). И уже помимо т. н. опыта предков, предшествующих поколений наше бессознательное заполняет то, что когда-либо было нами «услышано» и «увидено» (почти нельзя исключать и допустимость кинестетической связи).

В итоге каждая новая информация (поступившая в сознание или — минуя его — в бессознательное) будет характеризоваться рождением каких-либо образов — новых. Или же входящих точки соприкосновения с уже существующими.

И уже отсюда наши поступки и поведение будут отличаться некоторой схожестью. Соответствием с той маской, которую «носим» мы сейчас. И при возникновении непохожей (на какую-либо из прошлых) ситуации мы будем дифференцировать свое поведение в соответствии с уже имеющимися установками. Установками, формирующими стереотипы. И уже отсюда возникает утверждение, о почти невозможности принятия самостоятельных решений. Это исключается самой природой существования бессознательного. В ином случае психика индивида должна быть девственно чиста. Не подвержена никаким (былым) воздействиям извне. Что уже изначально исключается у современного человека. И даже если бы наш индивид рос бы отдельно от цивилизации, то почти непременно он бы вынужден был подвергаться воздействиям извне. (Даже Маугли научился повадкам животных.) Иначе бы этот индивид не выжил. Ведь в какой-то мере только в приспособляемости к окружающей среде заключается способность (а точнее — возможность) к выживанию. Сохранению жизни вида.

2

В какой-то мере еще раз следует обратить внимание, что в подобной (вышеперечисленной) схеме восприятия окружающей действительности совсем нет чего-то странного, а тем более предосудительного. Это своего рода современная действительность. И это стоит помнить тогда, когда мы собираемся как-то негативно отреагировать на информацию, озвученную собеседником. Как раз тут следует помнить, что все то, что он говорит (или сказал), на самом деле не совсем то, что намеревался. И как вроде бы бросающаяся в глаза парадоксальность ситуации как раз означает то, что намерения, вроде бы и прочитываемые у данного индивида, на самом деле (порой значительно) отличаются от истинных целей. А отсюда — почти напрямую зависят от бессознательного, которое сформировалось у него в процессе онтогенеза.

Т. е., другими словами, его нельзя в чем-то обвинять. Высказывать недовольство. Обижаться самому.

Информация, поступившая от (такого) индивида, своего рода продукт эпохи. Информация, смысловая нагрузка коей,

почти исключительно продиктованна содержанием бессознательного. Заполнения — его. И заключающаяся в той его специфической особенности, которая — чуть ранее — влияла на само формирование бессознательного.

P. S.

Почти обязательно следует обратить внимание на некоторые исключения, явно встречающиеся и характеризующиеся тем, что ряд индивидов ничуть не подвержены механизмам перенесения, проецирования собственного бессознательного на окружающих.

Быть может, даже можно заключить, что их бессознательное имеет несколько иные формы формирования, где нет ни влияния коллективного бессознательного (филогенетических механизмов), ни каких-либо воздействий, оказываемых средой. А значит, все даже выглядит в какой-то мере спонтанно (сама суть формирования) и необъяснимо.

Но так случается редко.

Глава 12. «Маска», или подмена образа

Прежде всего следует обратить внимание, что речь в данной работе пойдет о некой «специфической» категории людей. Т. н. невротических личностях. Хотя, быть может, в какой-то мере все нижеперечисленное свойственно индивидам и с пограничной психикой, и с вовсе (до сей поры) не замеченными «вывертами» сознания. Т. е., пользуясь медицинской терминологией, относительно здоровых. Впрочем, есть ли такие?

И тогда уже (прежде чем приступить к объяснению модели поведения нашей «специфической» публики) нам следует уяснить для себя: что же такое т. н. маска?

Несмотря на столь длинное вступление, ответ достаточно прост: маска — именно тот образ, который каждый из нас являет при необходимости появления в обществе. Возможности коммуникационного контакта. А то и вовсе — жизни, существования в социуме. Причем в большей мере это не только оправданная мера, но и зачастую необходимая.

Попытаемся раскрыть тему подробнее.

Как известно, каждый индивид являет собой некую неповторимую личность, со своими (сформировавшимися за период жизни) особенностями. Теми особенностями, которые не только позволяют отличить одного человека от другого (как личность), но и иной раз служат причиной конфронтации (и возникающих противоречий) внутри социума. И тогда уже на помощь приходит маска, представляющая собой некий зачастую вымышленный образ, проецируемый индивидом из своих представлений о мире на самого себя. Именно благодаря (выручившей нас) маске возможно не только наладить своего рода коммуникационный контакт, но и достигнуть какого-либо положения в обществе, повысив тем самым свой статус.

И уже здесь нам бы хотелось обратить внимание, что зачастую именно от изначально правильно выбранных приоритетов зависит дальнейшая судьба индивида. Его позиционирование в обществе, в которое он способен будет влиться как раз в соответствии с тем (выбранным им) образом, значение которого он для себя определил. Ибо он уже и живет, и действует, и думает в соответствии со значимостью (и значительностью) той роли, в которую он вошел. Т. е. можно сказать, что рассматриваемый нами индивид будет искусственно играть определенную роль, базирующуюся на его каких-то представлениях о месте человека в коммуникационной среде, и уже отсюда — он способен достигать порой и значительных высот в своем стремлении к совершенству.

Причем мы несколько не хотели сказать, что это плохо. Даже наоборот. По нашему мнению, каждый человек должен иметь в своем арсенале маску (а то и несколько), которую в зависимости от жизненных ситуаций он должен использовать.

Кстати, словно в подтверждение вышеприведенных слов, можно будет вспомнить и теорию Юнга об архетипах и коллективном бессознательном (то, что чуть позже Фрейд назвал филогенетическими схемами), и теорию Фрейда (поддержанную Юнгом) о мифах. Быть может, это каким-то образом объясняет то, что определенная маска (которой вы временно подменили свой настоящий образ), срабатывая на подсознательном уровне, способствует установлению коммуникационного контакта. Примерно здесь же кроется и объяснение симпатии (и антипатии), дружбы, любви, привязанности и т. п. То есть всех тех моментов, которыми характеризуется наша жизнь. (Кста-

ти, популярность тех или иных актеров так же может объясняться тем, что выдуманный ими образ оказался «родственным» какому-либо архетипу бессознательного поклонника.)

К тому же т. н. маска на самом деле и важна, и необходима. Ее роль, например, практически неопределима для неуверенных в себе людей. Искусственно создавая некий антураж (и внешней атрибутики здесь как раз не надо бояться), подобная личность способна будет занять свое (достойное) место в обществе. Причем в иных случаях это может быть действительно необходимая мера. Вынужденно необходимая.

И тогда уже останется только один вопрос — найти нужную вам маску. Маску, которая не только позволит создать новый образ, но в иных случаях и вообще поможет выжить в этом мире.

Глава 13. Бегство от культуры

1

В начале прошлого века З. Фрейд опубликовал одно из своих программных произведений: «Недовольство культурой». В данной статье Фрейд попытался вскрыть те механизмы возникновения симптоматики психических заболеваний (расстройств), которые, по его мнению, являлись следствием развития цивилизации, культуры. Переходом от первобытного строя — к современному.

Нисколько не желая пересказывать уже высказанное Фрейдом, заметим, что прошло почти столетие после опубликования упоминаемой нами работы — а ничего и не изменилось.

Да и, по сути, измениться вряд ли могло. А то и даже еще больше человек стал загонять себя в рамки (излишней) цивилизованности, культуры. Тем самым как бы провоцируя развитие тех заболеваний, на которые ссылался Фрейд. Например, невроз.

Другими словами, человек (искусственно) вводит в свою жизнь ряд ограничений, которые, по всей видимости, отличают его от своего первобытного собрата, являются признаком, позволяющим судить о культурности данного индивида.

Причем образованность, грамотность и т. п. в данном случае выступают в роли синонимичных понятий — именно культуры. «Воспитанности» данного индивида. Причем если интеллектуальным трудом (наиболее распространенная модель, позволяющая судить о принадлежности к культурному сообществу) занималось не одно поколение отдельно взятого человека, то мы уже вправе говорить о неких филогенетических схемах передачи этой самой культуры. И рождаясь, человек в подобной семье, практически неминуемо будет попадать в соответствующим стереотипом поведения. Продиктованные, опять же, предыдущими поколениями.

Такому человеку достаточно сложно будет выйти за устоявшиеся рамки поведения. Да, в принципе, это и не нужно делать.

Но вот только плату иной раз он за это должен заплатить достаточно весомую. Неврозы, страхи, истерия... А то и развитие неких психопатологических симптомов.

Т. е., иными словами, человек вынужден нести своего рода кару. Расплату за... цивилизованность.

Однако следует обратить внимание: достаточно любопытной деталью является то, что не все из индивидов подпадают под действие последствий т. н. цивилизованности. Определенная категория людей попросту выпадает из «черного» списка.

Трудно сказать, можно ли им в этом завидовать.. Но как бы то ни было, необходимо попытаться обозначить подобных людей.

В первую очередь, это люди, как бы уже изначально страдающие каким-либо расстройством психики. Потом, люди, в какой то мере не предрасположенные к интеллектуальному труду, с достаточно устойчивой «черствостью» психики. Люди, лишённые возможности проявления ярко выраженных эмоций. Желающие казаться нейтральными. А на самом деле зачастую попросту слегка туповатые.

На подобных людей цивилизация не действует. Никак. А ставящаяся во главу угла толерантность (одна из форм оправданий собственного безразличия), как ни странно, способствует, дальнейшей приспособляемости подобных индивидов. А иной раз — и значительной (их) жизненной активности. (Зачастую вследствие способности не реагировать на обстоятельства.)

■ С. А. Зелинский

Одним из способов проверить принадлежность к тем или иным субъектам может являться наблюдение за тем, как поведет себя человек, если узнает, например, о смерти кого-то из близких.

И уже тогда — в одном случае (ситуация близка тем, на кого, по сути, и была обращена упоминаемая нами работа Фрейда) будет нарастать внутренний протест. Самобичевание. Поиск виновности — внутри себя. Обвинение в собственных (и, на взгляд подобного индивида, непременно совершенных) ошибках.

В другом же — случившееся будет лишь очередной новостью. Неприятной, по сути. Но не более того. Т. е. почти ничего в данном случае не будет выходить за рамки самолюбования. А тем более даже намек на какую-либо (собственную) виновность. Это как бы уже изначально исключается. (Как говорится что случилось то случилось. Зачем же из за этого переживать?..)

Как ни странно, но людей с подобным мнением — большинство. В какой то мере можно заключить, что мир вообще состоит из подобных субъектов. Ничтожных в своей бесчеловечности. Людей с подмененными (личностными) качествами. С искривленным пониманием добра и справедливости. И уже тогда — лишь только на небольшой горстки поистине великих людей (способных на переживания, проявления чувств, выражение эмоций) этот мир и существует! (В ином случае рабочие бы червь сожрали сами себя, лишив цивилизацию будущего.)

2

Однако нам, по всей видимости, стоит поговорить о возможности наличия некой альтернативы, для того чтобы эта самая горстка культурных людей способна была оставаться такой же. Выжить.

Т. е. не разобщиться, разделившись на множество отдельных субъектов, поглощенных развитием собственных болезней, расстройств психики, а значит, и желанием избавиться от них.

И в этом случае для подобных индивидов (испытывавших всяческие душевные волнения от собственного «окультуривания») следует предложить уже упоминаемую нами необходи-

мость на какое-то время возвратиться к первоисточкам цивилизации. А значит, выражать свои чувства так, как то делали первобытные люди. Предки. Попытаться отпустить собственное бессознательное. Дать волю собственным, природным (архаичным) инстинктам.

И тогда будет лишь только одна опасность: «заиграться».

Но и зато вознаграждение поистине неоценимо огромное — выживание!..

Глава 14. Душевный садомазохизм

По определению Эбингена и Фрейда, садизм — это причинение боли (а отсюда и страданий) кому-либо, а мазохизм — наоборот, получение этой самой боли или страданий.

На наш взгляд, следует достаточно четко разделять садомазохизм (Фрейд в ст. «Три очерка по развитию сексуальности» полагал, что садизм и мазохизм достаточно неразрывно существуют в одном и том же человеке. Единственно — какое-либо одно «качество» может быть представлено в несколько большем виде, хотя вполне допустимо и своего рода «равновесие»), на физический (т. е. непосредственно осуществляемый при сексуальных отношениях) и душевный. Как раз о последнем и пойдет речь.

Прежде всего заметим, что т. н. душевный мазохизм (более предпочтительно нам все же говорить именно о нем) распространен не у всех людей, хотя и встречается довольно часто. Но, как бы то ни было, наиболее к нему предрасположены люди интеллектуальных профессий. А быть может, если еще более очертить круг, то можно предположить, что т. н. наибольшей «предрасположенностью» будут подвержены люди творческих профессий. Хотя, допускаем, что в чем-то можем и ошибаться.

Но уже, как бы то ни было, заметим, что, по всей видимости, как одно из непрременных условий образований (или наличия) у какого-либо индивида душевного мазохизма — это его первоначальная склонность к неврозу.

Другими словами, получается, что невроз а за ним и различные формы невротических состояний (т. н. неврозности) как бы являются следствием образования душевного мазохизма (или садомазохизма, если угодно).

Что же в этом случае он из себя представляет?

Мы уже выяснили, что мазохист — это человек, «желающий» испытывать на себе боль. В данном случае слово «душевный», стоящее перед обозначением такого рода перверсии, практически означает, что боль, которую он будет испытывать, совсем даже не физического (что в иных случаях еще как-то можно если не стерпеть, то по крайней мере прекратить по первому желанию), а душевного характера. Причем душевный мазохизм — а значит, и душевная боль (по своим ощущениям) — значительно «нестерпимее» физической. И уже почти наверняка ее нельзя так сразу (как в случае воздействия на тело, или физическую оболочку) прекратить. Тем более тут верно и то, что даже после прекращения непосредственного контакта (в данном случае воздействия на психику), сама боль все равно остается. А значит, уже можно говорить о степени «долговечности» подобного контакта. И в случае с душевным мазохизмом сила воздействия на психику (сила испытывания душевных мук, страданий, терзаний) может не только значительно варьироваться (почти всегда автономно, т. е. независимо от «установок» самого человека), но и даже нарастать в конце; уже после того как первопричина если и не устранена (наличие ее как раз и поддерживает «огонь»), то уже значительно удалена по времени от начала возникновения.

Подобное не подлежит никакому сомнению, как и то, что индивид, хотя бы раз-два почувствовавший себя в роли садомазохиста, будет непременно пытаться испытать подобное «удовольствие» еще и еще. И это не только верно, но и, по всей видимости (должны же быть точки соприкосновения), «роднит» оба направления подобной перверсии. Причем можем даже допустить, что в данном случае душевный мазохизм наиболее длителен по самому своему существованию у данного индивида (садомазохиста), т. к., как мы уже отмечали, базируется на уже существующем у него неврозе, от которого, быть может, и избавиться невозможно (а лишь удастся на какое-то время «заглушить» проблему).

Так что же все-таки из себя представляет душевный мазохизм?

Попробуем разобраться.

Возьмем первопричину возникновения. Как мы уже выяснили это невроз. Именно он «питает» его, способствует возникновению и препятствует извлечению от него же. Однако

сводить существование мазохизма только к неврозу было бы, пожалуй, слишком просто. И по крайней мере означало бы, что избавление от одного неминуемо приводило бы и к исчезновению другого. Но это не так. А значит, теперь уже можно говорить о том, что в каких-то случаях садомазохизм может быть и никак не связанным с неврозом. Существовать отдельно и независимо от него.

И тогда он становится по-настоящему опасен. Тем более что, как мы уже заметили, человек, раз испытавший боль, становится «заложником» этой самой боли и стремится испытывать ее еще и еще. И при этом (что тоже достаточно любопытно) всячески стремится избавиться от своей подобной перверсии.

И уже тут мы подошли к тому, чтобы начинать различать наше сознание (а стремление избавления, по всей видимости, именно сознательное; а оттого и в какой-то мере бессильное) от подсознания. Бессознательного.

Бессознательное значительно сильнее, если так можно выразиться, — «объемнее» и уж никак не способствует самой природой существования избавлению от него. Можно даже сказать, что оно (бессознательное) вечно. Ибо получает не только ежедневную «подпитку» (в виде ежесекундно поступающей информации, прерываемой только естественным сном индивида), но и базируется как на (пройденном) жизненном пути индивида, так и, если иметь в виду существование коллективного бессознательного, на опыте предшествующих (данной жизни индивида) поколений.

И тогда уже это та «сила», с которой совсем нереально справиться, совладать. И что уж точно, достаточно ошибочно не принимать ее всерьез.

Рассмотрим, как же образуется наше бессознательное.

Все то, что происходит в результате нашей жизни в социуме (встречаемые нами люди, общение с ними, какая-то получаемая информация, причем не только вербальная, но и посредством знаков, символов, жестов и т. п., прочитанные книги, просмотренные теле- и кинофильмы, театральные постановки, различного рода представления, т. е. всего того, на что так или иначе реагирует — и, отмечает — наш глаз, равно как и остальные органы чувств), непосредственно никуда не исче-

зает и отправляется напрямиком в бессознательное. Даже если нам кажется, что мы «не помним» этого. Т. е. уже собственно память будет выполнять некую вспомогательную (и совсем не главную) роль. Но если учитывать, что все, так или иначе, будет сохраняться в памяти (и на самом деле откладывается именно там), то можно вполне признать за памятью некую первостепенную функцию; хотя стоит отметить и роль мозга (своего рода — основа основ); и тогда уже именно ему (в полной мере) мы и должны быть за все «благодарны».

И вот как раз это бессознательное в данном случае и «отвечает» за то, что индивид «старается» испытать чувство душевной боли, мук, страданий, терзаний (что, собственно, и несет в себе мазохизм), а «садист», наоборот, «стремится», чтобы все вышеперечисленное мазохист получил. В полной мере и без ссылок на авторитеты. (Причем вполне может так случиться, что один и тот же человек в одном случае способен «доставлять» кому-нибудь подобное страдание, а в другом — наоборот, меняется с ним ролями. Причем уже заранее сложно предположить, что же ему нравится на самом деле больше.) К тому же так может получиться, что наш индивид, доставляя кому-то страдание, раскаивается в этом и уже почти тотчас же испытывает чувство вины. Вины, которая несет в себе быть может, точно такое же, если не большее, страдание. А значит, уже можно говорить о том, что этот индивид становится не только садистом, но и почти одновременно с этим — мазохистом. И тогда уж точно объединяются в одном и том же человеке две так характеризующие его черты — два разноплановых направления одной и той же перверсии.

Но, вероятно, за получением боли должно скрываться что-то еще? Какой-нибудь смысл, иначе зачем?! Ведь не может быть так все неоправданно расточительно? И наше предположение еще более верно уже хотя бы и потому, что за получением (испытыванием) боли почти тотчас же (или, вернее, через какое время, за которое достаточно «смакуется» сама эта боль и индивид несколько раз «прогоняет» ее через себя) после того как индивид достаточно насладится болью он старается от нее избавиться! И вот именно в этом новом стремлении мы и видим первопричину желания получения боли. И тогда уже окажется почти наверняка, что испытывать боль (мучение, страдание, истязание души) мы хотим только для того, чтобы когда-ни-

будь начать от нее избавляться. А в стремлении к избавлению и будет заключаться наш «творческий подъем» (не потому ли чуть ранее мы говорили о некоей «предрасположенности» к душевному мазохизму — садомазохизму — людей творческих профессий), а когда мы — через время — оцениваем «результативность» подобного хода, то уже подсознательно стремимся испытывать эту боль вновь и вновь. И тогда уже само наше творчество становится «заложником» необходимости (получается — более чем оправданной) подобной перверсии; тем более что тогда уже она нам и не кажется таким «извращением», а становится чем-то близким и родным; так что впредь нам хочется (выбор бессознательный — а значит, неосознанный) испытывать эту боль еще и еще! Хотя бы только для того, чтобы (когда-нибудь) начать от нее избавляться.

Глава 15. Эмоциональное состояние

1

Вызовет ли у кого, сомнение, что эмоциональное состояние является важной характеристикой психического здоровья? Да и на самом деле, стоит появиться какому даже маломальски незначительному событию — и уже можно говорить о том, что психическое равновесие (существовавшее доселе) будет нарушено. Причем, как известно, зачастую сама суть новости (положительная она или отрицательная) не играет такого уж значения. Здесь имеет место само событие. Как факт. А также неготовность индивида к осознанию (восприятию) его. Т. е., другими словами, если какое-либо событие (свершившееся, или только ожидаемое) застало нашего индивида врасплох (по своей неожиданности), то мы уже можем говорить о воздействии на его психику. И «первый удар» практически непременно скажется на эмоциональном состоянии индивида. Причем уже от того, насколько человек предрасположен к различным психическим или невротическим отклонениям (быть может, даже находясь в пограничной, а то и в стадии какого заболевания), будет зависеть характер его последующих поступков. (После того как новость дойдет до его сознания.)

Важность эмоционального состояния несравненно выше и значительнее, чем кто бы мог предположить. Именно отсюда (вследствие какого негативного воздействия, оказываемого на психику) перебрасывается мостик к началу различного рода нарушениям психического здоровья, будь то депрессивные состояния (наиболее распространенные при такого рода «атаках» на психику) или какие-либо изменения сознания (вплоть до серьезных психических нарушений). Хотя и следует, вероятно, предположить, что подобное все-таки больше свойственно индивидам, уже находящимся до того в состоянии нарушения психического здоровья.). И быть может, уже потому важно не только знать о возможности нарушения эмоционального состояния, но и всячески избегать возникновения различных негативных причин (могущих столь нежелательно сказаться на психике). А если подобное произошло — постараться, например, разбавить «ударную волну», рассредоточив ее на несколько составляющих.

2

Роль эмоционального состояния действительно даже сложно оценить. Например, практически непреложен тот факт, что для определенной категории людей важность соблюдения равновесия в эмоциях чуть ли не вообще залог существования. И при каких-либо воздействиях на психику таких людей изменения в их эмоциональном состоянии могут приводить к последствиям, которые не каждый из них способен пережить (т. е. грамотно — безболезненно — на них отреагировать). Например, у них могут развиваться различного рода отклонения, не позволяющие им адекватно воспринимать реальную действительность. Такие индивиды видят окружающую жизнь исключительно в серых тонах. А какое-либо новое событие вызывает в их душе различного рода беспокойства, тревогу, даже может приводить к возникновению страхов и иных, еще более нежелательных последствий, так или иначе мешающих нормальному существованию в социуме. У индивидов, испытавших нарушение (сбой) в эмоциональном состоянии, может быть затруднена жизненная адаптация, проявляться

неспособность к работе, учебе, развиваться нарушение некоторых физиологических процессов, что выразится в возникновении различного рода психосоматических заболеваний.

И тогда уже следует (таким индивидам) как минимум опасаться каких-либо «новых» событий в их жизни. А значит, важно оградить их существование от разного рода изменений и всячески стремиться к сбалансированному существованию и восприятию действительности.

P. S. Кстати, одной из форм предохранения (а на каком-то этапе и реабилитации) от нарушений эмоционального состояния может являться физическая деятельность. Объясняется это тем, что физическая нагрузка вызывает выброс в кровь эндорфинов. А значит, это в какой-то мере и будет являться тем сглаживающим воздействием, которое способно приводить к «распылению» (разбросу) потока эмоций.

Глава 16. Чувство вины, тревожные состояния и беспокойства

Безусловно, должны быть действительно серьезные причины, чтобы объединить эти три — на первый взгляд отличающиеся друг от друга понятия — под одной (пусть и не слишком прочной) крышей. Однако, как ни странно, они есть. Более того, вполне можно даже предположить, что между виной, тревогой и беспокойством имеется самая прочная (пусть на первый взгляд и незримая) связь. И именно взаимный (и, быть может, последовательный) переход от одного к другому вынуждает нас признать правомерность как всех трех состояний души, так и найти между ними взаимосвязь.

Итак, первая в нашем списке — вина. В какой-то мере, вина или, правильнее было бы говорить, чувство вины, на наш взгляд, является сильнейшим раздражителем (и провокатором на раздражения) психики. От нее очень трудно избавиться. С ней нелегко «договориться». Ее можно только попытаться чем-то «заглушить». Но вот в том-то и дело, что, так или иначе, осуществляя эти самые попытки, направленные на «заглушение» (и где-то в подсознании вдруг мелькнет обманчивая мысль об избавлении) чувства вины, мы тем самым — уже через время — вынуждены констатировать свое полное бессилие.

Из-за чего происходит наступление чувства вины? Согласно Фрейдю, первопричину следует искать в Эдиповом комплексе, и, быть может, чуть ранее — в предэдипальной стадии развития, связанной с оральной фазой и всеми теми садистскими желаниями, которыми переполнен в то время младенец.

Здесь же можно говорить и о том, что этот (уже взрослый) ребенок так навсегда и остался в состоянии Эдипова комплекса. Выходом из него, как мы помним, может быть «нахождение» какого-то нового сексуального объекта, и таким образом происходит переключение внимания с отца и матери — на него.

Однако если по каким-то причинам подобное становится неосуществимым, то (возможно) тогда ребенок замыкается в себе, и уже независимо от того, сколько ему лет, он будет — теперь уже постоянно — испытывать чувство вины, например, (подсознательно), за свои инцестуозные желания. Причем постепенно (с возрастом) причина, «за что мы страдаем», как бы стирается из памяти (на самом деле воспоминание уходит лишь из оперативной памяти, прочно оседая в подсознании, откуда в последующем и «руководит» процессом образования чувства вины), а на поверхности остается лишь ощущение чувства вины. И индивид практически уверен, что нет (и не может быть) от него спасения.

Хотя надо заметить, это самое «спасение» человек все же ищет. Например, подспудно догадываясь, что причина появления чувства вины кроется где-то внутри (в глубине психики, в бессознательном), индивид пытается воздействовать на эту самую психику, стремясь ввести себя в некое измененное состояние сознания — ИСС (например, употреблением алкоголя или наркотических средств). И на какое-то время — надо признать — ему это удастся. Т. е. удастся разорвать цепь: бессознательное — сознание — чувство вины. На миг (период ИСС) психика становится иной — и чувство вины, безусловно, исчезает. Но вот расплата зачастую наступает довольно быстро, да и переживается индивидом достаточно тяжело. И тогда уже необходимо или вновь вводить себя в ИСС (измененное состояние сознания), что грозит вылиться в тот же «запой», или же мучиться, искупая вину. Т. е. принимая, так сказать, «расплату». Ибо само недавнее чувство вины (от ко-

тогого столь «малодушным» способом наш индивид пытался избавиться) теперь не только представлено вновь, но и уже оказывает (новое, дополнительное) воздействие на психику с удесятеренной силой.

И возможно ли вынести тогда все это?!

Нет. Невозможно. Потому и начинаются те самые тревожные состояния, потому как тревожность, по всей видимости, является непременным следствием (по крайней мере, достаточно «плавно» перетекает из него) чувства вины. И тогда уже становится более чем заметна взаимосвязь между первыми двумя понятиями, вынесенными нами в заглавие.

Что же такое тревожность?

Причину тревожности, скорее всего, следует искать в том же самом Эдиповом комплексе.

Индивид испытывает чувство вины за свои инцестуозные желания и начинает понимать, что от этого самого чувства вины ему никак не избавиться. А значит, где-то в подсознании зреет ком того или иного общего неудовольствия ситуацией. Безысходность которого и вызывает состояние тревожности. Он вроде как и хочет изменить ситуацию, да ничего не получается.

И тогда уже эта самая тревожность перерастает в беспокойство. Беспокойство, как нечто значительно большее, чем и вина, и тревожность, но имеющее точно такие же (одинаковые у всех трех) корни.

Причем и от тревожности, и от беспокойства не так-то просто избавиться. В какой-то мере следует даже признать, что наш индивид должен смириться, сжиться с этими своими состояниями. И навсегда обречен страдать.

Хотя нет. Есть, пожалуй, один способ, позволяющий если не «излечиться» (от подобных чувств виновности, тревог и беспокойства), то по крайней мере извлечь из этого хоть какую-то выгоду. Заставить, так сказать, работать не во вред себе, а на себя. И этой «волшебной палочкой» (если уместна подобная метафора) будет являться то «защитное состояние» психики, которое Фрейд понимал под сублимацией. Т. е. сублимация — своего рода проекция, переключение внимания со своего бессознательного (являющегося неким таинственным образом раздражителем сознания и вызывающего в нем те самые невротические состояния, к которым мы относим и

тревожность, и беспокойство, и чувство вины) на что-то, так сказать, потусторонне отвлеченное. Ну, например, на художественное творчество.

И тогда уже наш индивид, начиная творить, переносит, например, на страницы своей книги (запечатлев это в образах героев, т. е. наделяя уже их теми чувствами и состояниями, от которых хотел избавиться) свои страхи и беспокойства. (Как еще одно следствие, чувство вины может вызвать ощущение страха; а состояние тревожности — не только постоянное беспокойство, но и некую раздражительность; иной раз переходящую и в ярость, и в безумие, и в самые настоящие параноидальные состояния. Т. е. наряду с невротическими расстройствами психики уже в полной мере заявляют о себе и психопатологические состояния, от которых уже избавиться не то что сложнее, а, быть может, и вовсе невозможно.)

Вот так вот. А началось все с Эдипова комплекса...

Глава 17. Оправданное «страдание», или душевный мазохизм

Несколько «загадочная» тема данной работы на самом деле уже изначально не должна никого смущать подобным названием; ибо речь идет не больше не меньше, как о попытке разъяснения одного достаточно распространенного факта. Однако именно подсознательная его основа иной раз и не позволяет его проникновению в наше сознание; а ведь зачастую только то, что уже появилось в сознании (из подсознания, или бессознательного, минуя цензуру — защиту — предсознание), может быть нами более-менее ясно осознано.

Однако вначале мы сделаем небольшое отступление. Как известно, почти всю «мотивацию» наших поступков следует искать исключительно в бессознательном. И уже тогда именно бессознательное, та область, в которой заключается первопричина наших (мотивированных, немотивированных) дальнейших действий.

Структурная схема нашей психики, предложенная в начале прошлого века Фрейдом, подразумевает наличие трех составляющих: бессознательного, предсознания и сознания. Из них наиболее понятно, наверное, сознание. Но в процент-

ном отношении сознание занимает довольно незначительную часть и на самом деле почти ничего не объясняет в модели поведения (мотивации поступков) человека. Самое основное — это бессознательное. Как мы уже знаем, бессознательное — это наши потаенные желания, действительно страстные — и оттого скрываемые — устремления, т. е. все то, в чем иной раз мы боимся признаться даже себе. Тогда как предсознание — цензура, и ее основная функция — не пропускать в сознание весь тот негатив, который находится в бессознательном.

Это в двух словах. Теперь вернемся к попытке объяснения нашей теории.

Итак. Как бы это ни показалось парадоксальным, но для того чтобы действительно чего-то добиться в нашей жизни (в основной своей части все это, вероятно, касается интеллектуальных устремлений), необходимо не только периодически, а быть может, и постоянно, в зависимости от развития оных, заглушать все наши желания (в данном случае не вызывает сомнений синонимичность понятий «желание — удовольствие»), сознательно (подсознательно) идя на душевный мазохизм (в результате которого человек уже изначально испытывает определенную долю неудобства), но и понимать, что весь этот дискомфорт оказывается не иначе как «оправданно-необходимым»!

Основной разъясняющей позицией, по всей видимости, может быть то, что, стоит нам поддаться силе искушения (берущей свое начало, как мы уже знаем, в бессознательном), как почти тотчас же начинает ослабевать вероятность достижения интеллектуально поставленных (ранее) целей. И тогда уже именно отсюда следует, что нам необходимо сознательно (или, если угодно, бессознательно) идти на внутренний дискомфорт (т. е. рассматривая это уже как вынужденную меру), в результате которого вполне искусственно (и, как окажется, более чем оправданно) будут заглушаться все (в перспективе имеющие место быть) стремления к получению удовольствия.

Необходимость подобного связана с тем, что научная и литературная деятельность требует определенного аскетизма в работе. И в каком-то роде для достижения результата индивиду просто необходимо оградить себя даже от мыслей о каком-либо варианте возникновения (а тем более реализации, удовлетворения) соблазнов. Таким образом, не только психическая

■ С. А. Зелинский

энергия будет прямым образом направлена (подчиняясь нам) на решение поставленных перед нами целей и задач, но и испытываемая в душе неудовлетворенность (а все виды порока непременно связаны с получением удовольствия) будет способствовать возникновению той «рабочей злости», сублимировав которую в нужное нам русло мы получим известный, запрограммированный для нас результат.

Теперь рассмотрим основное подтверждение вышеизложенной теории на практике.

Представим себе, что некий индивид наряду с достаточно «свободным» образом жизни (обладая некими интеллектуальными способностями) занимается еще и творческой (или научной) деятельностью.

По прошествии какого-то времени подобного «совмещения» у нашего индивида стали появляться вполне справедливые мысли о том, что он не успевает написать столько, сколько, быть может, хотел раньше.

И вот здесь вполне возможны два варианта дальнейшего развития событий. Первый — смириться с этим; а значит, продолжать научную или творческую деятельность, периодически прерывая ее потворствованием своим жизненным инстинктам, т. е. отдавая на откуп бессознательному. Естественно, в сопутствующих этому измененных состояниях сознания он не мог (или практически не мог) долго работать. А значит, со временем все чаще и чаще будет требоваться вынужденная (и в данном случае оправданная) пауза.

По второму же из возможных вариантов развития сюжета, этот индивид сознательно (или подсознательно) вступает в конфронтацию с бессознательным, вполне искусственно начиная заглушать его. Включаются механизмы запрета, цензуры, или «Сверх-Я». Теперь бессознательному нет выхода наружу, а значит, индивид уже может все свое свободное время отдавать только творчеству. (Творчество это или научная деятельность — в нашем случае суть одна.)

Более того, возникший в таком случае дискомфорт (в т. ч. и чувство нервозности, появившейся тревоги и т. п.) этот индивид использовал во благо своей работе, сублимируя развивающийся невроз (то, к чему, по всей видимости, и могло привести его поведение) в творчество или научную деятельность. А периодически

сопутствующие (в его теперешней жизни) некие дискомфортные позывы (в т. ч. и появление бессознательного чувства вины как следствие реакции на душевный мазохизм) теперь служили тому, что за свою работу он брался с удесятеренной силой; ибо, по всей видимости, это было единственной возможностью унять душевные страдания и обрести то душевное спокойствие, к которому, вероятно, все из нас и должны стремиться.

Р. С. Нелишне, на наш взгляд, упомянуть, что в этом втором варианте индивид стал своеобразным заложником своего уже нового состояния, обрекая себя на периодическое вызывание онога.

Что в итоге вынуждало работать организм «на износ».

Но, с другой стороны, это была, вероятно, вполне оправданная жертва.

Глава 18. «Навязывание» образа

Со временем совершенствования различных форм литературно-художественных произведений читатели поставлены в достаточно жесткие рамки вынужденного принятия навязываемых им образов (образа жизни посредством образов главных героев).

Причем манипулятивные механизмы воздействия на психику с помощью книг известны достаточно давно. С помощью чтения у населения можно формировать определенные установки сознания, в результате чего манипуляторы весьма успешно способны добиваться практически любых результатов. А читатели вынуждены подстраиваться под то, как говорит герой, что он делает и т. п. После чего вполне можно предположить, что и читатель уже после будет делать примерно то же самое, что делает полюбившийся ему герой. Да читателю уже словно ничего и не остается. Ведь любая получаемая нами информация откладывается в подсознании. И в большинстве случаев именно она в последующем будет диктовать некие условия последующего поведения читателей, являя мотивационную составляющую их.

Это хорошо знали идеологи Компартии Советского Союза. Потому и выходила тогда в большинстве случаев вполне идеологическая проза, которая с художественной точки

зрения в некоторых случаях была весьма спорной, но вот воздействие на массы имела колоссальное — как раз в контексте формирования особого советского образа жизни. И писатели, ставящие свое «дарование» в угоду правящему режиму, вполне могли рассчитывать на все «земные блага».

Сейчас большинство из них уже никто не помнит. Хотя до сих пор известны или те, мастерство которых сразу пробивало брешь социалистической системы (после чего их уже не печатали), или те, которые они вынуждены были подстраиваться под навязываемые сверху стандарты, создавая наряду с великими творениями и чисто конъюнктурные вещи, благодаря чему и имели возможность печататься. Остальные же уезжали из страны, получив вместе со свободой и необходимость, так великолепно описанную И. Бродским в одном из его эссе, выживать в условиях капиталистического рынка.

В какой-то мере некоторым писателям достаточно нелегко удержаться от «поучительства». Но стоит только предположить, что многие люди, быть может, и вели себя иначе в каких ситуациях, и говорили бы что-то другое, и совершали (а быть может, и вовсе не совершали) какие-либо другие поступки, но если и собирались они сделать нечто подобное, то почти тут же из их бессознательного выплывал тот или иной образ героя (одобренного Политбюро), и человек уже совершал нечто в соответствии с тем, что от него ждали. А если не совершал, то в зависимости от характера маргинального поведения, мог быть соответствующим образом наказан.

И быть может, остается только «сожалеть» (в контексте темы нашей работы) о подобной силе бессознательного. А иногда кажется, что, быть может, и вовсе лучше не знать ни о чем подобном. Но уже раз знаем, то следует более внимательно относиться ко всему происходящему да надеяться, что нам будут попадаться «умные» книги, а писателям — «умные» читатели.

Глава 19. «Любовные» взаимоотношения. Конфликт и время

Прежде всего, следует учитывать, что какие-либо любовные отношения — суть манипулирование со стороны одного из участников. Причем порой роли меняются. А сами

взаимоотношения между мужчиной и женщиной, вероятно, могут проходить по различным «сценариям». Можем предположить, что для исследования больше интересен конфликт во взаимоотношениях, нежели «идиллия», тем более что такой практически и не существует. (Если мы имеем в виду истинную «правдивость» во взаимоотношениях с обеих сторон, что не только является почти не существующим исключением, но и если все же бывает, достаточно недолговечно, потому как наверняка когда-нибудь возникнет момент, когда былая «идиллия» закончится. Если все же брак более-менее стабилен, то уместней, скорей всего, говорить о некоей иной подоплеке такого «союза», которая, вероятно, и выступает главной цементирующей основой подобного — иллюзорного — брака. Хотя мы были бы и рады, если бы могли ошибаться. И в иных случаях наверняка допустима ошибка.)

Однако сейчас мы рассмотрим все же вопрос конфликта. И тогда уже обратим внимание на тот факт, что со временем заметно спадает эмоциональное напряжение случившегося конфликта. А кажущееся вам манипулирование над вами со стороны супруга (супруги) в данном случае может показаться и вовсе эфемерным. Ну то есть несуществующим. Действительно, многие ли кто смогут действительно припомнить свое истинное эмоциональное состояние в какой-либо ситуации, произошедшей даже год назад? А десять, двадцать, тридцать лет? Ведь в любом случае остаток тех ваших «впечатлений» будет достаточно призрачен вследствие такой инстанции психики, как «сопротивление» (проникновению нежелательных фактов в сознание) и «вытеснение» (когда что-либо неприемлемое для психики заранее вытесняется из нее). И поэтому если нам предстояло бы оценивать ситуацию, произошедшую много лет назад, то наверняка истинный смысл происходящего искажен. Это непреложный факт любых воспоминаний.

Кроме того, следует заметить, что существуют особые биологические периоды, когда через определенный промежуток времени (обычно это пять лет) вы практически полностью изменяетесь, становитесь другими; чаще всего — мудреете.

Другими словами, со временем мы как будто переходим на следующий этап развития. Цикличность, как мы заметили, составляет пять лет. Через это время человек как бы «дру-

гими глазами» смотрит на все ранее происходящее с ним. И что самое главное — он совсем иначе оценивает и свое отношение к происходящему.

И уже здесь мы могли бы предположить, что наверняка и если бы вы вспомнили конфликт пяти-, а то и десятилетней давности, — то наверняка бы признались себе в ином отношении к «былому развитию событий». Вероятно, это так.

Но, как мы уже заметили, зачастую прошлое (когда-либо случившееся с нами) мы на самом деле должным образом вспомнить и не можем. (По уже упоминаемым ранее причинам.) А значит, уместно говорить о некоей эфемерности происходящего.

Судите сами. Поставьте себя на место себя же — но как будто вы рассматриваете произошедший конфликт, случившийся когда-либо в прошлом. Наверняка вы и не вспомните то эмоциональное состояние, которое вам доводилось испытывать тогда. И что уже наверняка, сейчас вы бы заметили, что «тогда» — поступили бы «несколько» (а то и «совсем») иначе. И это факт. Непреложный факт, который следует только признать. И если раньше это был «конфликт» (казалось вам, что конфликт) то, что останется от этого «конфликта» сейчас? Вопрос. Хотя скорей всего и совсем ничего не останется. Как говорится, этот конфликт «самоликвидируется». И что уже наверняка — тот самый недавний (а тем более «давнишний») конфликт уже не будет представлять для вас того накала, как это было когда-то.

И тогда уже мы могли бы заметить, что, по всей видимости, именно в этом ключе нам и следовало бы рассматривать все когда-то происходившее с нами. Так же как и то, что происходит с нами сейчас. И это важно. Необычайно важно. Важно добиться того, чтобы какая-либо нынешняя конфликтная ситуация утратила для вас то значение, которое вы уделяете этому сейчас. А для этого просто взгляните на происходящее «другими глазами». С позиции времени, которое если еще и не прошло то как бы «прошло», (должно пройти) в нашем воображении, в нашем сознании.

Т. е., другими словами, мы должны добиться того, чтобы любая нынешняя конфликтная ситуация утратила для нас степень напряженности. А за этим уже следует и разрешение конфликта. А значит, и сама «проблема» уже не будет казаться оной.

Глава 20. Невротизм — внутри каждого из нас

На первый взгляд кажущаяся странность заглавия способна, по всей видимости, вызвать немало кривотолков среди противников столь претенциозного суждения. Поэтому на всякий случай мы заверим читателя, что несомненно уверены в том, что существует определенный процент людей, которые как бы выпадают из различного рода статистик. На них не распространяются какие-либо догмы или шаблоны поведения. Хотя это и достаточно небольшой процент индивидов. Все остальные вполне могут смириться с тем, что являются тайными или явными невротиками (об откровенно больных людях, имеющих то или иное психическое заболевание, мы сейчас не говорим). И попробуем на страницах нашего эссе разобрать вопрос, почему же практически в каждом из нас есть та или иная степень невротизма. Почему иные люди стараются намеренно игнорировать наличие его в себе, а кто-то, словно бы и наоборот, пытается явно высветить, нисколько не считая сей факт пороком.

Да это пороком и не является. Причем в некоторых случаях с этим остается только смириться. А иногда можно и попытаться изжить (или хотя бы заглушить) подобную зависимость.

Речь идет действительно о зависимости. И в какой-то мере о слабости. Причем данный вид слабости словно бы сам заинтересован в том, чтобы не перерасти в противоположное качество. И тогда мы можем говорить, что подобный невротик тщательно, как ему кажется, пытается завуалировать свою невротическую зависимость. Не скрыть. Нет. Скорее всего, он даже не осознает, что так-то уж необходимо что-то скрывать. Просто оказывается так, что такой индивид как бы ставит остальных перед фактом. Фактом признания его таким. Пытаясь завуалировать свой невротизм какой-нибудь формой индивидуальности (выдавая его за данную форму). И словно бы прося принимать его таким, как он есть. Нисколько не пытаясь измениться.

Может, стоит говорить о том, что измениться невозможно?

Нет. Так говорить нельзя. Ибо измениться возможно абсолютно в любом возрасте. Причем, как и везде, важно желание индивида. Желание истинное, а не дань моде или улучшению отношений с близкими. Нет. В том-то и заключается вопрос, что, говоря о подобном невротизме, большей частью

следует иметь в виду скрытный, латентный невротизм. Невротизм, который, в отличие от обычной формы невроза, практически не влияет на конформность с окружающими. Да вообще, быть может, и не оказывает какого-то существенного влияния на жизнь. В том плане, что окружающие наверняка и не способны будут распознать в таком человеке невротика. Хотя, по сути, это самый настоящий невротик и есть. Просто он умело заменяет свой гнев на проявление скрытой агрессии к окружающим в виде, например, выполнения какой-либо механической (и в большинстве случаев ненужной или не так важной на тот момент) работы, как-то: уборка квартиры и проч. То есть мы не говорим о том, что убирать квартиру не нужно. Скорее, что вполне возможно было бы выполнить подобную работу и в другой момент. Но, почувствовав съедающее такого индивида изнутри напряжение, он старается найти выход своим эмоциям в выполнении работы. И это лучше, конечно же, чем подобный выход произойдет в виде агрессии на члена семьи или близкого (постороннего) человека.

Невротизм внутри каждого из нас. Попробуем позволить себе повторить название. Однако почему же становится возможным подобное утверждение? Не есть ли это ошибка? Нет. Ошибки здесь никакой нет, если рассматривать невротизм отдельной личности не как симптоматику заболевания, а лишь как некую общепринятую норму. То, с чем просто необходимо смириться. И, что уж точно, чему невозможно противостоять.

Или возможно? Ведь, по сути, как лечится невроз (скорее, он не лечится, а заглушается или смещается на что-то другое), так и невротичность вполне обычного человека можно снизить, а то и совсем избавиться от нее. Причем становится возможно это различными способами и методами, один из которых — самоизлечение посредством осознания индивидом того, что происходит с ним и в результате этого выработка определенных норм поведения, могущих разрушить привычную схему существования невроза вырваться из загнанных рамок и тем самым добиться избавления от страдания. Избавления от невроза.

Еще одним способом является так называемая сублимация, то есть переключение невроза внутри личности с собственных переживаний на какое-либо занятие творческого характера. Искусство, живопись, литература... В иных случа-

ях это может быть копание огорода, мытье машины и проч. чисто механическая работа, которая помогает элементарно переключиться индивиду на новый объект. В результате чего можно быть уверенным, что на какое-то время симптоматика исчезнет. Потом же начнется все по новой. Независимо чем вы занимаетесь, невротическая зависимость вновь опутывает вас, и все как бы начинается по новой. Вы бессознательно ищите новый объект. На какое-то время переключаете на него ваш невроз. А потом все возвращается на круги своя. Причем, по всей видимости, уже можно было бы говорить, что избавиться от невроза и вовсе невозможно (мы сейчас не рассматриваем медикаментозное лечение), если бы... если бы не учитывали силу разума. Силу интеллекта. При должном развитии разум индивида действительно оказывается способен переломить ситуацию. Правда, в этом случае почти следует смириться с тем, что такой индивид с этих самых пор должен находиться в некоем анамнезе, сомнамбулизме, нереальности. Другими словами, вполне искусственно, нарочно такой индивид должен как бы не совсем отдавать отчет реальности. Не воспринимать ее всерьез. Не подвергать излишней критичности то, что происходит с ним или вокруг него.

И здесь не идет речь о развитии какой-либо психопатологии, при которой в некоей нереальности индивид пребывает все время. В нашем случае индивид намеренно пускается на подобный обман. Обманом подобное, впрочем, не считая. Зачем, если речь идет о способе выживания.

Подытоживая вышесказанное, мы можем сказать, что в определенной мере с невротизмом внутри каждого из нас можно бороться. Но мы должны знать, какую за это несем плату. И каждый должен делать для себя выбор сам. Реагировать на реальность, нервничать, переживать, отыгрываясь своими психотическими состояниями на окружающих (напоминая социопатов или психопатов), или же искусственно абстрагироваться от окружающих проблем? Тем более зачастую выходит так, что решение большинства проблем от нас и не зависит. Да и разрешается часто все само, и в иных случаях еще лучше, чем вы бы того желали. Хотя и не всегда это так. И совсем не значит, что нужно со всем смириться.

Нет. Необходимо просто отдавать отчет реальности и, может быть искусственно, периодически, играть в свою игру. Ну, или надевать маску. Кому как больше нравится.

Глава 21. Стереотипичность мышления как фактор негативности филогенетического наследства

Что такое стереотипы? Стереотипы мышления?

Стереотипы — это некая запрограммированная составляющая жизни подавляющего большинства индивидов. То, от чего сложно (а некоторым — и невозможно) избавиться. И на что обращают внимание писатели, с удивительной (как кажется «несведущим») тонкостью «предсказывая» поведение других людей.

Можно предположить, что стереотипы в какой-то мере помогают жить, позволяя проходить отдельные моменты этой самой жизни как бы «автоматом».

Кроме того, стереотипы (точнее, их отсутствие) позволяют отличить «больного» человека (больного психически) от «здорового». Первый как раз характерен тем (и это явно бросается в глаза), что выбивается из частотокола «обыденности», свойственной большинству индивидов. Стереотипичность в восприятии таких людей явно нарушается совершением ими поступков, оценка характера которых резко противоречит установленным нормам.

А то, что отлично от других, вносит дополнительную бессознательную тревожность в умы масс, этой самой стереотипичностью как раз обладающих, и привыкших соотносить со своим поведением поведение других.

Если кто-то делает что-то «не так», это завораживает, привлекает, но и может вызвать ярость. Причем не только от непонимания, но и от невозможности самим поступить «так же». (Вот почему в тех же школах, армии, чуть реже институте, детсаду и т. п. в т. н. дисциплинарных пространствах, в основном подвергаются нападкам и гонениям те, кто противопоставляет себя массе отличаясь от нее внешностью, привычками, интеллектом и проч.)

Однако в стереотипичности мышления (далее мы не будем разделять стереотипичность мышления стереотипами), таится самое настоящее зло.

Это зло бессознательно оказывает свое вредоносное влияние на психику индивида, ограничивая в иных случаях его внутривличностный рост.

Происходит это потому, что индивид (развитием каких-либо своих качеств отличающийся от одноликой, т. е. подверженной влиянию стереотипов, массы) вынужден находиться в постоянной борьбе с самим собой. Его сознание сковано устоявшимися стереотипами, прочно засевшими в подсознании и оттуда руководящими жизнью такого индивида, делая иной раз за него выбор в тех или иных решениях. И тогда уже задача для такого индивида — освободить свое сознание от столь вредоносного воздействия.

Но это, заметим, в большинстве случаев оказывается нелегко (а в иных случаях — и действительно невозможно).

Например, случай со спортсменами. В сознании большинства бытует мнение (а «мнение» — это и есть то, что мы называем сформировавшимися стереотипами), что спортсмен то значит интеллектуально несостоятельный человек.

Несмотря на периодические опровержения подобных (более чем ошибочных) выводов, многие вполне искренне убеждены в этом. И в то, что ассоциативная связь «спортсмен — дурак» по меньшей мере несостоятельна (и недоказательна), такие люди верить не хотят. Да и не могут, если разобраться. Потому как те же стереотипы (прежде чем они стали таковыми) имеют четко выраженную филогенетическую составляющую. И произошли, вероятно, от «предположения» когда-то давно какого-то одного человека. Быть может, это «предположение» нашло какой-то отклик в представлении об этом предмете у другого человека. Ну, а потом, словно снежный ком, искаженное представление стало обрамлять фантазийную составляющую подсознания индивида, закрепляясь в памяти и передаваясь — филогенетически — другим поколениям.

Таким образом, любые опровержения предположения о взаимосвязи развития глупости и занятий спортом стереотипически сформировавшимися гражданами вызывают резко отрицательный протест. И редко когда действительны сомнения. (Заметим, что в большинстве случаев мозг — на наш

■ С. А. Зелинский

взгляд — настолько засорен навязанными ему штампами и стереотипами, что явно напрашивается вывод: за этой обсессивной симптоматикой явно кроется какая-то патология.)

Притом что, кстати, хорошо известно, что официальная медицина опровергает наличие каких-либо параллелей между физическими упражнениями и развитием интеллекта. А некоторые ученые (Н. П. Бехтерева, например) открыто заявляют, что для усиления работоспособности, интеллектуальной деятельности необходимо чередовать ее с физическими нагрузками. Обязательно чередовать.

Кстати, немало примеров опровергают устоявшиеся стереотипы: спортсмен — интеллектуально ограниченный человек. Можно привести целый ряд имен, когда бывшие спортсмены (участники, призеры и чемпионы крупнейших российских и международных соревнований) становились кандидатами, докторами наук и академиками). Из огромного списка фамилий мы можем привести несколько, опровергающих как будто бы и устоявшийся стереотип (Ю. Власов, олимпийский чемпион по тяжелой атлетике, — доктор технических наук; Г. Шатков, олимпийский чемпион по боксу, — доктор юридических наук; Киселев, двукратный финалист олимпийских игр, — доктор технических наук, профессор; Вл. Кличко — олимпийский чемпион по боксу — доктор педагогических наук; А. Карелин — трехкратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе, — доктор педагогических наук...).

Вообще заметим, что стереотипы (существование их) словно предусматривают и последующее их опровержение. И чем прочнее миф вбит в подсознание масс, тем удивительнее обнаружившаяся «несостоятельность» его.

И уже подытоживая нашу мысль, позволим еще раз повторить: стереотипы — это зло. И так же, как от любого зла, — от них необходимо избавляться.

И чем быстрее (и скорее) это произойдет — тем больше личность (освобожденная от влияния навязываемых обществом «штампов») сможет раскрыть потенциал, заложенный природой. И иного — не дано.

Глава 22. Дружба как форма разрешения внутренних противоречий

Прежде чем приступить к психоаналитическому анализу дружбы, по всей видимости, следует уяснить для себя, что же понимает большинство из нас под таким понятием, как «дружба».

И уже тогда дружба, на наш взгляд, — это некие партнерские отношения между людьми, желательно одного пола. (Если рассматриваемые нами «друзья» разного пола, за исключением случая, когда оба партнера одного пола — гомосексуалисты, подсознательно будет вмешиваться сексуальный аспект.)

Уточнив для себя понятие дружбы, постараемся теперь подойти к данному вопросу с психоаналитических позиций. И уже тогда некогда привычное понятие «дружба» может быть представлено в несколько иных рамках понимания вопроса.

Другими словами, в дружбе (т. е. в отношениях между людьми одного пола, возьмем для удобства, что они будут мужчинами) начнут проявляться те позиции психоаналитической концепции Зигмунда Фрейда, которые изначально (из-за своего базирования исключительно в бессознательном) вроде как и незаметны взгляду стороннего наблюдателя.

Прежде всего, конечно, стоит отметить существование в дружбе таких позиций психоаналитической теории, как проекция и перенос. Не вдаваясь в сущностные детали отличий двух типов защит психики, заметим, что проекция — это проецирование наших внутренних желаний на другой объект. А перенос — перенос личностных оценок кого-либо из близких родственников (воспитывавших младенца) на другое лицо. Т. е. и в том и в другом случае наблюдается некий обман. Только если в первом болезни собственной психики мы находим в других людях (доказывая и убеждая, что эти болезни — это «их» болезни), то во втором, в случае переноса, мы бессознательно переносим на личность аналитика, друга, товарища и т. п. характер и мотивационную сущность поведения собственного отца, например. Или — старшего брата, дяди, сестры, матери... Т. е. перед нами такое же, как и в случае проекции, желание выдать желаемое за действительное. (При этом реальная правда, в большинстве случаев, может существенно отличаться.)

В применении к теме нашей работы и перенос и проекция незримо (т. е. бессознательно) будут присутствовать в отношениях между нашими «друзьями».

При этом один из них невольно будет переносить на другого какие-либо положительные черты характера своих близких родственников, воспитывавших его. (В данном случае мы говорим о т. н. положительном переносе. В иной ситуации — при переносе отрицательном, когда мы переносим какие-либо негативные аспекты опыта прошлого — дружбы, конечно же, не возникнет; также, говоря о близких родственниках, мы предусматриваем обычные, нормальные, среднестатистические семьи. В случае же, если индивид воспитывался, например, в детском доме, интернате и проч., вместо словосочетания «близкие родственники» можно применить такие слова, как, педагог, воспитатель и т. п.)

Если мы говорим о проекции, то и здесь, исходя из того, что мы наиболее дружны с людьми, чем-то или в чем-то схожими с нами, мы как бы бессознательно будем наделять своего друга чертами, в первую очередь присущими нам. И уже из-за этого почти наверняка будем чувствовать семантическое родство душ.

Не останавливаясь на проекции и переносе (надеясь, что более-менее точно мы изложили собственную мысль), мы перейдем к латентному садомазохизму, на наш взгляд также достаточно ярко просматриваемую в дружбе.

Прежде всего выясним, что же нам следует понимать под таким понятием, как латентный садомазохизм. Прежде всего, латентный означает скрытый. Скрытый как от самого индивида, так и скрытый его нежеланием делать нечто заметное для окружающих, которое будет в какой-то мере касаться каких-то особенностей его собственной психики.

Под садизмом мы будем понимать навязывание собственной власти другому. (Эта власть, например, может проявляться через нанесение боли другому индивиду, и уже через боль — демонстрации собственного влияния на его.) Тогда как мазохизм — это подчинение. Подчинение власти другого.

В контексте нашей работы латентный садомазохизм будет представлен в «дружбе», как неосознанное желание одного (мазохиста) посредством своей зависимости приобщиться к власти другого. Для садиста тоже есть «свой интерес». Инди-

вид, ориентированный подобным образом, будет тешить собственное самолюбие посредством реализации комплекса власти (по всей видимости, существующего в каждом индивиде, хотя бы в форме эволюционного процесса, выживания одного вида, особи, через демонстрацию силы другому).

Вероятней всего, мы можем предположить, что если партнерство в дружбе более-менее равноценное, то каждый из партнеров может иметь признаки латентного садомазохизма. Или же и садизм, и мазохизм в таких партнерах будет не только сочетаться, но и — в отдельные моменты — доминировать каким-либо одним признаком.

Латентная гомосексуальность, на наш взгляд, также может быть выражена в дружбе и базироваться, например, на бессознательном желании одного — возможности сексуальных отношений с другим. (Подобная мысль, вероятно, имеет право на существование в контексте высказывания Фрейда о бисексуальной природе психики индивида). Заметим здесь, что желание гомосексуального контакта может и не осознаваться ни одним, ни другим. Хотя бы потому, что подобное желание бессознательно, т. е. скрыто от сознания. (Базируется же оно на Эдиповом комплексе, когда ребенок, мальчик, испытывая неосознанное желание к матери, точно так же может испытывать такое же желание и к отцу.)

Упомянув об Эдиповом комплексе, мы просто вынуждены обратить внимание, что, на наш взгляд, в дружбе также заметен результат влияния Эдипова комплекса.

Подобное становится особенно заметным, если мы вспомним, что одним из способов освобождения от Эдипова комплекса будет возможность как-то нивелировать фигуру отца. Став с ним «на один уровень», например.

И тогда уже, что касается дружбы, влияние Эдипова комплекса может быть понятно именно в контексте нашей первоначальной интерпретации дружбы как партнерских отношений. Подсознательно перенося на «друга» образ отца, такой индивид будет (опять же бессознательно) тешить свое самолюбие именно возможностью стать с «предполагаемым отцом» (перенос, как мы уже поняли, здесь тоже представлен) на один уровень. И тем самым (как мы замечали ранее) высвободиться из-под его влияния. А значит, и освободиться от Эдипова комплекса. (В ином случае, как мы помним, психика индивида

будет оставаться инфантильной. А сам он — все время находиться под влиянием Эдипова комплекса, а значит и влиянием своего отца.)

И, наконец, последней (из рассматриваемых нами форм психоаналитической теории Фрейда, явно замеченных нами в дружбе) будут некие невротические реакции. А попросту невроз.

Невроз, если кто, на первый взгляд, и подсознательно отрецивается от его наличия в себе, вероятней всего, находится в психике подавляющего числа (если не всех) индивидов. Причем наличие невроза уже как бы дает повод для каких-либо манипуляций с другой стороны. Да и самим существованием невротических реакций продиктована мотивационная составляющая наших поступков. Будь-то желание посмотреть художественный фильм (в зависимости от жанра просмотр кинофильма можно интерпретировать как отыгрывание бессознательных, ранее вытесненных, а потому травматичных для психики конструкций от различных форм фобийной зависимости до психопатологических девиаций) или посещение футбольного матча (здесь спектр возможного избегания отклонений в психическом здоровье значительно шире — от избавления от внутренней тревожности — за счет объединения в массу и до снятия подцензурных барьеров и активации принципа удовольствия посредством реализации филогенетической составляющей нашей психики).

Именно невроз или желание избавления от него, или же вынужденное «пособничество» ему, является одной из составляющих дружбы.

И уже тогда мы, конечно же, можем рассматривать дружбу как «партнерство». Но только в том случае, если роли в этом партнерстве будут распределены таким образом, чтобы один индивид, рисуя в своем воображении несколько вымышленный образ другого (то, что мы можем назвать иллюзорным миром и что наверняка базируется исключительно в подсознании), мог отыгрывать посредством этого какие-то свои переживания, страхи, беспокойство... Т. е. внутреннюю неустроенность или, другими словами, неврозность.

И здесь круг как бы замыкается. Ведь желание увидеть в образе «другого» свои черты это проекция — то, с чего мы, собственно говоря, и начали нашу психоаналитическую интерпретацию «дружбы».

И уже, по всей видимости, это еще раз доказывает, что в дружбе, в возможности самой дружбы представлены различные составляющие психоаналитической теории Фрейда. И в зависимости от характеров индивидов что-то просто выражено четче, чем другое.

Да и к тому же, вероятно, саму дружбу и, конечно же, прежде всего возможность возникновения ее будет недопустимо обосновывать только наличием вышеперечисленных моментов. Вполне допустимы и иные аспекты, базирующиеся на психоаналитической концепции Фрейда.

И уже тогда мы будем считать, что коснулись лишь того, что, метафорически выражаясь, как бы лежало на поверхности, будучи скрыто — на самом деле — в глубинах психики. В тех самых глубинах, в которые мы и попытались заглянуть в желании разобраться в таком понятии, как дружба.

И в какой-то мере мы свою задачу выполнили.

Глава 23. Страх. Неуверенность. Депрессивные состояния

1

Как уже становится понятно из названия, объединение, быть может, и кажущихся различными характеристик в одну на самом деле продиктовано наличием общего корня страха, неуверенности и депрессивных состояний.

И тогда уже было бы интересно проследить некую связь между тем, что подвигло нас к некоему объединению, и, собственно, общей первопричиной, объединяющей в последующем три обозначенные нами характеристики.

Попробуем остановиться на этом подробнее.

Прежде всего, попытаемся обозначить то, что, на наш взгляд, объединяет все три вышеизложенные характеристики, берущие начало из бессознательного. Именно бессознательного. Ибо, видимо, это как раз и есть то, что является неким единым знаменателем и страха, и неуверенности, и — уже как следствие — депрессивных состояний.

И тогда уже все они происходят из развития в индивиде некой ограниченности, продиктованной, вероятно, именно развитием неких фобийных зависимостей.

Что по сути есть страх? Можно сказать, что он имеет место в каждом индивиду. Он мучает, испепеляет, наносит в иных случаях и вовсе непоправимый вред здоровью. А иногда исчезает. И получается, что кому-то из нас удастся выработать более-менее удачный способ противопоставления ему. И уже вследствие этого появляется какая-то уверенность, что возможно препятствовать развитию дальнейшего патологического восприятия несуществующей реальности. Ведь страх, так или иначе, заставляет нас общаться с реальностью, которой нет. Не существует. И видна она только в исключительных случаях. Болезни, например. Или общения с собственным бессознательным.

Где-то здесь и развитие неуверенности. Можно сказать, что неуверенность и страх находятся в некоем родстве. У них схожие корни образования. Похожие негативные последствия перенесения. В чем-то идентичная симптоматика.

И уже получается, что если нам неким чудодейственным образом удалось заглушить в себе чувство страха, например, сублимируя его во что-то, то уже можно надеяться, что исчезнет и мучившая нас неуверенность, которая в иных случаях может приходить и на смену страху, словно бы замещая его. А может, как мы уже заметили, и исчезать вместе с ним.

И тогда уже депрессивные состояния, как следствие страха и неуверенности, тоже могут исчезнуть, так как будет уничтожена первопричина, основа того, из чего в последующем они развиваются.

2

Рассмотрим примеры проявления вышесказанного.

В нашем примере объединять индивидов будет наличие какой-либо общей для всех трех нарушений здоровья симптоматики.

Ну, например, той же неуверенности.

Как известно, проявление неуверенности может быть достаточно различно. Это и гнев, и немотивированная агрессия, ярость, злоба, а также закомплексованность (трусость) и проч. негативы одного из индивидов. Или, скажем, приступы истерии другого. Причем предположим, что ни одному из рассмат-

риваемых нами индивидов не будет известна причина подобной симптоматики. Как неведомо и то, отчего в одном случае это может проявляться ярче, а в другом — сведено почти что до минимума.

И уже тогда следует, вероятно, обратить внимание на то, при каких жизненных ситуациях проявляется та или иная зависимость индивида. Ибо любая форма депрессии и страха — это зависимость. И тогда возникнет немного странный вопрос: так ли уже необходимо от этой зависимости избавляться?

Быть может, покажется странным, но встречается ряд индивидов, которые совсем и не хотят избавляться от присутствующей им формы патологии. Заметим, что это, вероятно, возможно в том случае, когда индивид по каким-то причинам рассчитывает, что он таким образом является носителем некой тайны, помогающей ему как в отношениях с окружающими, так и, быть может, в жизни в целом. Так ли это?

Как ни странно, в каких-то случаях действительно так. Подобная симптоматика весьма позитивно влияет на творчество. В данном случае индивид, желая избавиться (или несколько заглушить) от мучивших его приступов страха, неуверенности и как объединяющего их — депрессии, сублимирует свое состояние в творчество, создавая иной раз и шедевры.

Но даже если он занимается просто графоманией, и в этом случае случается терапевтический эффект. Что весьма и весьма неплохо. Разве что такой индивид подсознательно не будет стремиться избавиться от своих состояний. Предполагая, что в случае избавления (и улучшения психического состояния) у него пропадет и способность творить. Что для любого творческого человека сродни настоящей трагедии, а где-то и потере смысла жизни.

3

Таким образом, если вернуться к теме нашего эссе, то следует обратить внимание на следующие моменты. Прежде всего, что от подобных негативных состояний психики все-таки возможно избавиться. Можно или заглушить их, сублимировав в некий позитив, или же хотя бы избавиться на время. А при повторном возникновении индивиду уже будут

известны способы противостояния, борьбы, а значит, и неуверенность его в какой-то мере уже будет носить ложный (и управляемый) характер. А у данного индивида появляется возможность управлять собственным состоянием. Что, как минимум, весьма неплохо.

Глава 24. Мир и иллюзия

Иллюзия. Наш мир — иллюзия. Можно по праву сказать так. А можно и не согласиться с этим. Перед нами две точки зрения. Два полюса. Причем, как ни странно, согласны мы и с одной и с другой. Почему? Потому что они обе имеют право на существование.

Рассмотрим чуть подробнее.

Вариант первый: иллюзия — реальность. Констатация факта. Мир с существующей реальностью в виде иллюзии. Которая в чем-то нужна, а кому-то даже и необходима, но при этом явно существует невозможность ни признать, ни опровергнуть сей факт, способный самим своим существованием запутать желающего разобраться в данном вопросе индивида. А потому скорей предположить второе, что иллюзия есть частный вымысел, фантазия, да и одним этим уже покончить с этим.

«Как бы не так!» — воскликнут внезапно появившиеся третьи. Никак не может быть, чтобы существование или не существование иллюзии закрывалось от силы несколькими предложениями какого либо размышляющего субъекта. А потому, мол, просим возможности выслушать и нас.

В итоге уже и понятно, что все затянулось. Ну ведь и на самом деле любопытно узнать, что же такое иллюзия. Так ли уж необходимо ее существование в нашем мире или же следует при всяком удобном случае отказываться от нее, ссылаясь... ну, хотя бы ссылаясь и вовсе на невозможность существования. Невозможность существования иллюзии. Так-то вот.

Ч. 1.

Вопрос существования иллюзии, видимо, необходимо рассматривать в ключе оправданной приемлемости многих сверхъестественных явлений в мире или уже существования наряду с реальным миром мира сверхъестественного.

За явным желанием непризнания подобного в голове какого-либо ученого нам сразу хотелось бы заметить, что в данной работе мы не готовы затрагивать рассмотрение столь обширной темы, и если затронули ее, то лишь, наверно, предлагая считать саму иллюзию происходящей из сверхъестественного мира.

Причем необходимость подобного верна так же, как и наличие уверенных свидетельств о доказанности или недоказанности, а потому заметим, что перед нами, скорей всего, именно игра человеческого воображения, и самое главное — некие не до конца изученные возможности мозга.

И это вполне удивительный факт. Число сторонников мира материального и нематериального на самом деле всегда одинаково. Причем может наблюдаться некая динамика, объясняющаяся тем, что кто-то теряет свои ряды, а кто-то приобретает. Но сама суть неизменна. Что уже не дает окончательного права в выборе определенного начала. Хотя и тут можно сослаться на то, что некоторая часть населения искренне заблуждается. Но вот действительно вопрос — какая из этих двух частей?

Мы же, с вашего позволения, несколько оторвемся от данной темы, вернувшись, собственно, к самой иллюзии. И тогда уже вопрос — почему для большинства именно уход от какой-либо реальности есть приближение будущего, да и, по сути, само настоящее? Вернее, настоящего для них, конечно же, не существует. Настоящее у них проходит как бы в счет другого. В счет некоего иллюзорного будущего, которое на самом деле, что можно заметить, существует. Пусть и большинству из нас недоступно. Почему? Да потому, что намного выгоднее этот мир. Причем сама выгодность его в т. ч. и в существовании, в которое до конца они и сами не верят, а значит, если вдруг на самом деле ничего этого и не окажется, то в какой-то мере это даже и лучше, ибо возвратиться тогда все на круги своя. Стремлением уйти в иллюзорный мир проникнуть существование большинства индивидов, особенно в странах с

неразвитой экономикой. При этом важна изначально общая грамотность населения, и получается, что для модели демонстрации наиболее подходит именно Россия как страна с идеально сосуществующими условиями.

Народ как бы стремится вырваться из мира реальности. Притом что западная идеология (реклама и проч.) накладывает на индивида необходимость следовать каким-то западным стандартам, что в данном случае как бы подстраховывает индивида на случай, если он еще надумает о чем-то задуматься. И в скором времени перед нами новый, обновленный человек. Человек, на самом деле больше ориентированный на мир иллюзорный, чем на какой-то настоящий. И подобное происходит в масштабах всей страны. Всякие монстры и наделенные сверхсекретными способностями средневековые рыцари заполняют существование среднестатистического индивида (пока, большей частью, среднего и старшего подросткового возраста), помогая ускользнуть им от мира реальности, где большинство из них и на самом деле никто не ждет, ибо там надо учиться, и работать, и столкнуться с реальностью, которая наверняка будет большинству из зомбированных сограждан незаметна. А жаль.

Но ведь мы можем сказать, что и взрослые точно так же намеренно уходят в мир искажающей реальности. И самых эффективных проводников здесь два: телевидение (с киноиндустрией) и книжная продукция. Книги и кино. И то и другое способно показать мир таким, какой он должен быть во внутреннем желании того или иного индивида. За прочтением книги или просмотром кинофильма мы как бы отыгрываем подсознательное желание, высвобождаясь от внутренних тревог и волнений.

Можно заметить, что большинство из тех, кто проявляет желание посмотреть фильм или прочитать книгу, уже изначально ориентирован на тонкую, чувственную психику. А потому в случае с ним это уже будет другой фильм и другая книга. Другой будет эмоциональный ряд, иное общее впечатление посредством вовлеченности индивида в процесс чтения или просмотра кинофильма.

Конечно, можно сказать, что мир иллюзорный, может быть, и необходим. По крайней мере, не должен он носить какой-то изначально негативного оттенка вследствие отнесения

индивидов с замеченной предрасположенностью к существованию иллюзии в разряд людей второго сорта.

Конечно же, это ошибка. Можно предположить, что мир иллюзий не только существует, но и необходим. Странно, но это так. И уже спешим заметить, что возможно это хотя бы из невозможности доказательства существования обратного. А потому, скорее всего, наиболее оптимальным будет считать для каждого и что-либо необходимое ему. Без общей возможности когда-либо прийти к единому знаменателю в отрицании сего факта или же в доказательстве его. Такие дела.

Глава 25. Взгляд со стороны

В вопросе развития собственной критичности индивида практически не учитывается одно обстоятельство, которое на самом деле меняет саму видимость проблемы для индивида на противоположную.

Порой самое удивительное, что без этого самого обстоятельства взгляд на проблему бывает часто ложный. Но ложным он может быть лишь при правильной оценке намеченной проблемы. Притом что самой проблемы и действительно вполне может не существовать. Ну, или она не настолько серьезна, как кажется.

Что же это за обстоятельство? И действительно ли так уж необходимо учитывать нам его?

Все дело в том, что при возникновении какой-либо проблемы индивид оценивает ее практически исключительно с собственных позиций. Так же как зачастую только по его мнению какая-либо жизненная неурядица вырастает до масштабов проблемы. Тогда как вполне возможно, что для кого-то другого все это никакой проблемой и не является. Почему? Да потому, что уже этот индивид смотрит на какие-либо критические (негативные) обстоятельства другого индивида как бы со стороны. И исключается с позиции современного мировоззрения. А значит, и с другой плоскости восприятия.

И как раз это, на наш взгляд, самое важное. Ибо что есть «взгляд со стороны»? Здесь необходимо говорить как минимум о нескольких характеристиках подобного явления.

Прежде всего, «взгляд со стороны», это, как мы уже заметили, взгляд с иной плоскости восприятия действительности. Когда лицо, которого не коснулась подобная проблема, подходит к необходимости разрешения ее без той эмоциональной составляющей, которую привносит в проблему индивид, которого эта проблема непосредственно коснулась. А что такое отсутствие эмоциональной составляющей? Это не что иное, как то, что мы называем «трезвым взглядом» на вещи. Когда сама проблема уже как бы оказывается голой. От нее отшелушивается все лишнее.

Причем это не значит, что сама проблема обостряется. Отнюдь. Скорее надо говорить о том, что и проблемы зачастую уже в этом случае можно не заметить.

Проблема оказывается незаметна в том случае, если взглянуть на нее с другой плоскости восприятия. А также если проблема как-то связана с другими индивидами (большинство т. н. проблем, зачастую из-за каких-либо контактов с социумом), но на нее во что бы то ни стало необходимо взглянуть как раз с позиции другого индивида (а лучше не одного).

По всей видимости, многие встречались с кажущимся непониманием со стороны окружающих. Иной раз вы даже не можете рассказать о собственных проблемах другим, будучи уже изначально убеждены, что вас не поймут. Причем уже здесь как будто совсем упускается из вида, что не поймут-то как раз потому, что при взгляде со стороны вашей т. н. проблемы и не существует. Ну, или она кажется настолько смехотворно мала, что это все равно что ее действительно нет.

Ну, и при этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Каждый индивид наделен своим внутренним миром. В свою очередь, внутренний мир каждого индивида состоит из бессознательного и сознания. Причем по масштабам превалирует именно бессознательное, включающее в себя помимо собственного жизненного опыта индивида еще и прошлое предыдущих поколений, начиная с появления

первых людей на Земле. (Здесь, видимо, следует согласиться с Ле Боном и учитывая опыт предшествующих поколений, следует все же говорить об опыте той или иной расе. Ибо вполне понятно, что в бессознательном европейца прослеживается филогенетическая связь его с предками, в результате чего ему становится значительно легче адаптироваться к современному цивилизованному миру, нежели в примере с его африканским собратом.)

Уже подытоживая, следует отметить, что, конечно же, не во всех случаях какая-либо проблема теряет свою актуальность при взгляде на нее «со стороны». Но практически неизменно остается факт, что попытка оценки проблемы с иной плоскости восприятия поможет лучше понять саму проблему, а также наметить пути решения ее.

Глава 26. Об известности

Прежде чем мы начнем говорить об известности, хочется задать несколько вопросов.

С чего начинается известность? Может ли кто назвать истоки зарождения ее? Возможно ли просчитать процесс возможности возникновения известности?

Скажем сразу, что ответы на подобные вопросы существуют, и, к сожалению, вызывают двойственное чувство. И прежде всего потому, что в современном мире к известности все чаще можно прийти чисто механическим (манипулятивным) путем. Например, посредством ежедневного анонса на телевидении в течение какого-либо длительного времени. Это действительно чисто механический путь, который приводит к результатам как будто независимо ни от чего. Просто потому, что телевизор смотрит подавляющая часть населения, а волею неволей показываемая «картинка» анонса (уже практически и независимо от того, что рекламируется) будет откладываться в подсознании. А как известно, то, что находится в бессознательном индивида через какое-то время начинает проникать и в сознание. Здесь уже как будто все ясно.

В зависимости от креативности подхода можно несколько ускорить процесс путем вовлечения неких дополнительных деталей. Например, если наряду с картинкой (т. е. в данном случае мы говорим о получении информации посредством зрения) еще и будут вклиниваться речевые манипуляции. Да еще и с учетом архетипического влияния т. е. путем подключения к процессу коллективного бессознательного.

Вкратце о коллективном бессознательном можно сказать, что, по мнению швейцарского ученого К. Г. Юнга, в бессознательном индивида находится весь опыт предшествующих поколений. В таком случае уже в нашем примере, если нашу картинку сопровождает речь (выступление) различных — даже не обязательно очень многочисленных — деятелей-экспертов в области нужного нам направления, то это бесспорно усиливает эффект «голового» изображения. Скажем, если мы добиваемся известности какого-либо писателя, то для нас целесообразно будет помимо демонстрации его самого и (или) его книг включить и выступление о нем каких-либо специалистов-филологов, литературоведов, критиков, известных писателей... (Причем необходимо действительно учитывать реалии. Когда кто-либо неизвестный, представленный профессором литературы, будет воспринят так же, как и известный писатель. Причем первый даже несколько лучше, чем второй. Ибо у известного писателя могут быть как поклонники, так и противники. А профессор литературы изначально воспринимается как некий непререкаемый авторитет. Для обывателя, разумеется.)

Итак, мы предположили, что если нам необходимо быстро и «наверняка» сделать известным какой-либо товар, то мы можем действовать подобным образом. (Словно бы для нагрузки и, что называется, для большего эффекта можем усилить воздействие на массы путем подключения СМИ и т. н. «сарафанного радио».) Однако телевидение — это процесс хоть и действующий наверняка, но, во-первых, достаточно дорогостоящий, а во-вторых, практически исключаящий по настоящему творческий процесс, потому как методика уже настолько апробирована, что можно говорить о шаблонности, где необходимо будет только менять сам товар (практически независимо, что это будет) да вгонять это в уже запрограммированные на результат лекала.

Соответственно, из-за механистичности процесса мы не можем говорить об обретении известности путем непосредственного качества «товара». Ибо сам товар в данном случае будет не важен ни по маркировке, ни по качеству.

А как же быть в том случае, если хочется действительно сделать что-либо известным? Какие механизмы манипуляции массами включаются в данном случае?

Быть может, к сожалению, но мы, конечно же, должны говорить о манипуляциях. Никакими иными способами не будет достигнут массовый эффект обретения известности. Отдельными индивидами — да. Но в массовом порядке?

Что заставляет нас сделать выбор в пользу того или иного товара?

Чтобы избежать совсем уж излишних ассоциаций с коммерциализацией, возьмем в качестве продукта все того же писателя.

Как его имя может стать известным как можно большему числу читателей? Ну если, разумеется, мы сознательно исключим телевидение и СМИ? Что тогда останется?

Люди. То есть то самое «сарафанное радио»! Когда мы сами передаем друг другу мнение о недавней покупке. Причем для того чтобы не только была достигнута повсеместность, целесообразно, конечно как можно в больших местах расставлять материал писателя. Ну и, конечно, в этом случае и сам материал непременно должен быть надлежащего уровня. Потому как если по ТВ можно рекламировать любую книгу или автора и его начнут покупать хотя бы из-за того, чтобы самому составить мнение о нем (ну или потому что «модно», например), то в обретении известности посредством передачи отдельными людьми мнения друг другу все иначе. Ну и при этом, это разумеется, процесс более длительный.

Глава 27. Зомбирование. Миф или реальность

Следует сказать, что зомбирования не существует. Ну, или еще вернее, это из областей, в которых специализируются все кому не лень, от психопатов до писателей-детективщиков и парапсихологов.

И тогда уже стоит оговориться, что мы взяли данный термин исключительно в целях, которые станут понятны с раскрытием данной темы. И тогда уже заметим, что несколько раз мы порывались было заменить слово «зомбирование» каким-либо синонимом слова «манипуляция», и если до сих пор что-то мешало это сделать, то в исключительных целях: на наш взгляд, именно зомбирование наиболее точно выражает то, что происходит со всеми нами, индивидами. Причем, как ни странно (видимо, сразу стоит оговориться), в данном случае нет конкретных виновных. Повинен прогресс, цивилизация.

Поясним.

В связи с развитием компьютерных технологий, геной инженерии и проч. стало возможно большинство из того, о чем пытливым мозг человечества прошлого мог только мечтать. И почти тут же отдельные индивиды (динамику можно с легкостью проследить, но, по всей видимости, она практически одинакова во всех цивилизованных странах) стали обращаться в соответствующие ведомства с жалобами на т. н. зомбирование. Ну, или этот термин придумали позднее. Не суть. Видимо, в данном случае более важен общий смысл жалоб.

Что же казалось людям? Причем если отбросить действительно сумасшедших индивидов (хотя еще достаточно спорный вопрос, кого считать таковыми), то перед нами выявится нечто общее: людям стало казаться, что они оказались объектами каких-либо исследований со стороны... Ну тут уж фантазия различна. Причем мы вполне согласны с утверждениями некоторых специалистов, что в данном случае имели место быть и массовая истерия, психопатия и проч.

Но хотелось бы вернуться к началу. Из-за чего это все-таки стало возможно?

Мы уже указали, что произвольным виновником является НТП (научно-технический прогресс). Причем вопрос в том, как нам рассматривать общий мир, в какой плоскости, под каким углом зрения. Ведь можно сказать, что в какой-то мере именно от этого зависят и наши последующие выводы. При этом что если посмотреть под другим углом, то вполне допустимо, что будут уже совсем другие результаты.

Итак. Мы уже о чем-то договорились. Дальше. Представим себе, что все именно так. Что мир, вернее, все, из чего состоит окружающий мир, живет по своим законам. И если

какое-либо согласование возможно, то нет никого, кто был бы способен этим как-то управлять. Ну или существует некий высший разум, Бог и проч., но это некто один. Недоступный и неподвластный. Что почти тоже как несуществующий. Но сейчас мы не об этом.

Представьте себе, что вся планета — изначально единый механизм. Механизм заведен, работает, и никто не знает, может ли он когда-нибудь остановиться, сломаться, ну и вообще что произойдет далее. Итак, допустим, что никому из нас это действительно неизвестно. Далее. Внутри этого механизма есть еще более мелкие и даже мельчайшие. Есть своя жизнь. Сменяются эпохи. Люди рождаются и умирают. Происходят войны, стихийные бедствия, и все это из года в год, из столетия в столетие, из эпохи в эпоху. Неизменно. Это обычное условие существования Земли.

И прежде всего потому, что мир населяют миллиарды индивидов. Около 6 млрд из которых — люди.

А на самом деле столько и не нужно. В данном случае, чтобы объяснить свою мысль, нам достаточно и много меньше индивидов.

Далее все происходит исходя из манипулирования массажи и в какой-то мере рассмотрено нами в других работах, а также в работах Ле Бона, Фрейда, В. Медведева и других ученых.

Итак. Что же в итоге получается?

А все, как ни странно, просто и даже, может быть, увлекательно. Хотя на самом деле весьма печально.

Жизнь на нашем земном шаре происходит как бы сама собой, повинуюсь своим законам. На различных сферах все происходит по-разному. Наверху — работают лидеры государства, кабинет министров и проч. Далее лестница исходит вниз, и заканчивается все совсем уж простыми, а то даже и простейшими членами общества. Что самое интересное — возможно, когда кто-либо из индивидов перебирается снизу наверх или обратно. В отдельных вариантах это допустимо. В массовом порядке — невозможно. Ну или практически невозможно. Перед нами недавний пример — Февральская революция 1917 года, она же февральский переворот. Хотя и там произошли исторические искажения.

Далее. Допустим все же, что истина в некотором случае едина и неизблема. Никакие кардинальные пертурбации невозможны. А значит, уже будет верно, если рассмотрим ту ситуацию, когда, с одной стороны, есть телевидение (как, соответственно, есть и люди, работающие на телевидении), а с другой стороны, есть все остальное.

Почему телевидение? Да потому, что именно телевидение в данном случае и есть самый главный (основной) манипулятор.

Глупо было бы говорить о единой службе, дающей какие-то секретные установки в плане «что и как». Глупо и невозможно. Да и оставим подобные теории для сериалов и шпионских блокбастеров.

Мы же сейчас только говорим о том, что люди из телевидения подчинены единому желанию: создать некий продукт, который бы смотрели зрители. Желание понятно и объяснимо. Ибо если будет как можно больше зрителей, то, соответственно, этот продукт будет стоить большие деньги. А деньги, как известно, на телевидении зарабатывают с помощью рекламы. И в итоге окончательным вариантом будет являться то, что продукт для зрителей должен быть таким, чтобы о нем не только знали и долго помнили, но и чтобы о нем рассказывали другим и проч. В желании, чтобы эти другие тоже каким-то образом увидели этот продукт или — подключились. Подключились ко всемирному разуму. Разум = телевидение. Подключение... В общем, тут уже все понятно. И ведь до невозможности просто.

Глава 28. Цензура психики. Зло или благо

Так получается, что на пути бессознательного, в коем, как известно, скрываются все тайны и пороки, стоит некая защитная функция психики индивида, в буквальном смысле мешающая всей гадости из бессознательного вылезти наружу, в сознание.

Рождение культуры современного человека, по мнению Фрейда, также полная заслуга данной структуры психики. И в этом великий ученый был бесспорно прав.

Можно только предположить, что получилось бы в результате того, если бы каждый представитель современного общества в какой-то момент поддался влиянию собственного бессознательного и стал бы реализовывать все свои желания. А суть желаний, как известно, не изменилась со времен доисторического человека: убить, съесть, изнасиловать. Дай только волю — и суды задохнулись бы от дел, а изоляторы — от клиентов. Притом что потенциальными клиентами в этом случае являлись бы и сами судьи, и также работники изоляторов. (Быть может, у первых в сравнении со вторыми специфика работы более предрасполагает к формированию Сверх-Я — или т. н. цензуры психики.)

Насколько может быть полезным сдерживание собственных позывов для индивида? Влияет ли это на психику, в частности на предрасположенность к развитию какой-либо симптоматики, а то и на деструкцию ее?

Да, влияет. Ибо совершенно точно можно говорить о том, что любые сдерживания, подавления собственных бессознательных позывов не иначе как наносят вред психическому здоровью индивида. Приводя порой и к серьезным расстройствам психики. А уж стрессы и прочий мелкий негативный фактор — это уж случается непременно.

Что же подобному может противопоставить современный цивилизованный человек? Ведь поддаваться позывам собственного бессознательного — явно способствовать нарушению законодательства всех цивилизованных стран, а также потворствовать морально-нравственному разложению общества. Культурного общества. Ведь на пути всего этого уголовно-наказуемого хаоса когда-то и стала культура. В результате чего подобные мысли индивида о реализации сексуально-канибалистических желаний стали носить характеристику преступных и подавляться. А уже в результате подавления мы получили различные неврозы и психозы. И стали бороться уже с этим. (Это ведь легче, чем бороться с подрывом государства и его устоев.)

Кстати, какие-то выходы из ситуации не только возможны, но и законопослушные индивиды сами их придумывают, не только делая неизменными атрибутами цивилизованного

общества, но и явно делая их мерилami развития и совершенствования на пути цивилизованности.

К каковым «полезным» знаменателям, в частности, относится любой продукт творчества, и как раз сублимации бессознательного различных авторов в творчество мы обязаны рождению великих шедевров в живописи, литературе, музыке, и проч., проч., проч., начиная от авиамоделирования игрушечных самолетов и заканчивая крупнейшими конструкторскими находками в создании космических летательных аппаратов и самолетостроении, начиная от написания небольших заметок и заканчивая многотомными научными исследованиями. То есть мы можем говорить о том, что абсолютно все виды творчества, включая науку и искусство есть результат сублимации в творчество собственного бессознательного и индивидов. Ну а если подобной, по каким-то причинам, реализации не получилось, психика так устроена, что выплескивать подобные желания приходится все равно. Ну или сознательно заглушать их.

В первом случае перед нами одна из причин уголовно-наказуемых деяний. Во втором причина развития симптоматики нервных заболеваний и психических расстройств.

Глава 29. Интуиция как фактор разрешимости противоречий

Не вдаваясь в этиологическое значение слова интуиция, попробуем заметить, что для любого индивида, на наш взгляд, любое интуитивное предвидение ситуации есть неременное благо и возможность разрешения возникающих конфликтов его души.

Подобное становится возможным исходя из предположения, что интуиция — это наше бессознательное. Известно, что бессознательное являет собой некий коррелят взаимоотношений индивида с жизнью, с социумом, с окружающей средой. То есть на процесс формирования бессознательного влияет любая информация, полученная индивидом посредством органов чувств. Все, что он когда-либо услышал, увидел, о чем подумал и что осознал неременным и практически обязательным образом остается в нем, откладываясь в бес-

сознательном и в последующем участвуя в формировании его мыслей, поступков, каких-либо слов и вообще — жизненном поведении.

Помимо этого личное бессознательное каждого индивида насыщается коллективным бессознательным. На последнее влияет опыт предшествующих поколений. Все, что было когда-либо пройдено человечеством, неким таинственным образом никогда не исчезает, обогащая бессознательное каждого из нас. Таким образом, каждому последующему поколению уже становится значительно легче в развитии и совершенствовании адаптационных возможностей как внутри отдельной личности, так и человеческого общества в целом.

То есть, на наш взгляд, интуиции выдвигается поистине главная роль разрешения любых ситуаций индивида опытом других людей и жизненным опытом самого индивида. Потому и в каких-либо поступках, делах, свершениях намного целесообразней полагаться на интуицию, нежели чем пытаться разрешить какой-либо конфликт с использованием мыслительной деятельности. Мыслить, конечно, надо. Но следует помнить, что любая мысль зачастую приводит к разрешению конфликта в настоящем (и учитывая только настоящее); тогда как посредством интуиции разрешаются конфликты с учетом времени в целом. Когда через год, два, десять, тридцать и более лет вам не будет мучительно больно за то, что сделали вы когда-то что-то не так, как на самом деле оказалось надо. И соотношение целесообразности конкретного момента с целесообразностью ситуации в целом на самом деле сникает в пользу последнего. Потому что именно после, когда отброшены все эмоции и их составляющая, индивид поистине может оценить то или иное совершенное им когда-то. Тогда как если он станет сразу полагаться на разум, то этот разум может быть попросту затуманен какими-либо чувствами, эмоциями, застоявшимися мыслями, в результате чего будет совершена ошибка. Причем это становится верно, даже несмотря на кажущееся желание отрицания и обвинения подобного утверждения в противоречие логике.

Секрет в том, что логика оказывается совсем ни при чем, когда касается вечности. Логика даже может быть в подобных случаях вредна и опасна. Потому что вводит индивида в некое ошибочное состояние, после чего в итоге оказывается, что он

ошибся, а время назад уже не вернуть. Как следствие, наступает раскаяние, а в иных случаях и развитие чувства вины. Вины за совершенное когда-то. Причем в таких случаях индивид уже как будто совсем не обращает внимания на свое же оправдание в необходимости подобного выбора в прошлом. Как раз через время забываются чувства, сопутствующие тогдашнему принятию решения, и как бы остаются только голые факты. Факты, которые в данном случае целесообразней точно так же отмечать, потому как способны они будут лишь запугать индивида. И если оценивать ту или иную ситуацию, то необходимо обращать внимание также и на эмоциональное сопровождение прежних мыслей. А лучше всего изначально полагаться в выборе именно на интуицию. Потому что как раз она более способна привести к правде, чем это стало бы возможно, основываясь на каких-либо иных параметрах, участвующих в принятии решения (на мыслительную деятельность, например). Да и в последующем, при оценке той или иной ситуации по прошествии какого-то времени, не будет столь мучительно больно. Да и к тому же все будет более чем оправданно. Ведь интуиция насыщается исключительно бессознательным, являясь одной из ее производных. А бессознательное, как показывает практика, не может ошибаться. Слишком сильно и властно оно для психики индивида, чтобы допустить ошибку. Слишком властно.

Говоря об интуиции и ее роли в деле влияния на индивида, на наш взгляд, также необходимо сказать о том, что помимо всего прочего интуиция также подкреплена и соответствующим обеспечением знаниями, что уже становится понятно из всего вышеизложенного, потому как знания, помимо всего прочего, накапливаются в бессознательном, которое для любого индивида поистине бесценно.

Глава 30. Жизненные пространства, их роль и особенность в жизни индивида

Говоря о жизненных пространствах, нам хотелось бы сказать не о том, что все понимают под жизненными пространствами, т. е. не о том, что у каждого индивида существует своя

территория, на которой он чувствует себя вольготно, и покушения на эту территорию воспринимает весьма негативно, причем все происходит на бессознательном уровне. Это понятно и так и, быть может, как минимум пока не требуется дальнейшего рассуждения по этому поводу.

Другой вопрос — возможность выбора жизненных пространств, жизненных территорий. Говоря об этом, вероятно, можно говорить о некоем жизненном программировании. Когда словно изначально что-то заставляет индивида поступить так, что в результате этого строится его дальнейшая жизнь, принимая своеобразный виток в сторону, быть может, от того, что было бы возможно, если бы не совершил он тот самый поступок, в котором если и не раскаивается, то лишь по причине непонимания того, что привело его к такой жизни.

На самом деле, конечно, не все так тревожно. Существует мнение, что на каком-то витке спирали жизнь все равно принимает те очертания, которые свойственны ей. А индивид, ранее отступивший от «генеральной линии», неким чудодейственным образом возвращается обратно. Тем самым словно бы доказывая теорию о перемещении жизненных пространств или же, наоборот, в отдельных случаях опровергая ее.

И уже ничего как будто тогда не изменяется. И с этим ошибочным мнением индивид живет дальше совсем как будто не понимая того, что происходит.

Хотя не всегда сценарий событий развивается именно так. Бывает словно бы наоборот индивид интуитивно нащупал соответствующую модель поведения, идет по ней (в соответствии с ее параметрами и полученными вводными данными), а потом оказывается, что это-то как раз чуть ли не самое то, что ему всегда и было необходимо. И он уже ничего не желает менять. Пока не убеждается, что подобные условия диктуют ту самую ограниченность, от которой он, быть может, всегда стремился избавиться.

И тогда он вынужден или придумывать что-то новое и фактически продолжать борьбу, или же смириться, свыкнувшись с маской неудачника; причем уже в этом случае и все его мысли словно бы притягивают совершаемые им поступки, на которые проецируется душевный негатив.

Хотелось бы заметить, что т. н. жизненные пространства на самом деле не всегда являются тем необходимым, что может быть для индивида. В иных случаях можно вести речь о приспособляемости индивида к различным условиям. То есть подстраиваемости под них.

И в этом случае в его сознании чаще всего наступает приемлемость к различного рода неудачам. Которые, впрочем, он может всерьез и не воспринимать. Потому как не все в состоянии провести правильный анализ своей жизни (хотя бы не в прошлом, а в настоящем). И заметить порой напрашивающиеся выводы.

Говоря о вопросе жизненных пространств, их месте и роли в жизни индивида, нам следует также сказать и о том, что в большинстве случаев именно от правильного восприятия действительности зависит недалекое будущее индивида. По большому счету, везде в природе существуют соответствующие знаки (сама природа подает их), обращая внимания на которые (прежде всего — хотя бы замечая их) можно говорить об облегчении существования. Причем знаки не всегда могут выражаться в определенных и доступных восприятию символах. А даже скорее представлять нечто, значение чего в полной мере возможно осознать только в результате предварительного анализа, когда многое сопоставляется, а из памяти индивида, как из волшебной шкатулки, извлекается что-то по-настоящему ценное, включающее весь жизненный опыт как его, так и предыдущих поколений (фрейдовские филогенетические схемы).

И тогда он становится обладателем поистине бесценной информации, способной привести к разрешению не одного вопроса. В том числе и сделать правильный вывод, попадая в ту и иную жизненную ситуацию. И подобное, наверное, бесценно.

Глава 31. Взгляд на себя

1

Вопрос, рассматриваемый в нашем эссе, при определенных раскладах может показаться весьма любопытным. Дело в том, что чаще всего большинство индивидов смотрят на мир через призму собственного восприятия; в результате чего ви-

дят немного не тот мир, который на самом деле есть в реальности.

Становится возможным подобное в результате ряда причин, благодаря которым подобные индивиды подчиняют свою жизнь выполнению порой несуществующих целей и задач. Тем самым часто обрекая себя на страдания.

На самом деле ситуация складывается таким образом, что чаще всего индивид в полной мере и не способен осознать какую-либо ошибочность или правоту на пути становления личности. Связано это в первую очередь с тем, что свою собственную личность каждый индивид воспринимает почти исключительно с позиции своего Я. Тогда как известно, Я отдельного индивида вполне способно отличать от внешнего восприятия данного индивида другими людьми. И потому получается, что уже для того, чтобы сделать какой-либо качественный анализ себя самого, необходимо постараться взглянуть на себя со стороны. Можно сказать, попытаться увидеть себя другими глазами. Причем взгляд со стороны может иметь и ряд довольно существенных искажений. Поэтому здесь уже в первую очередь рекомендуется руководствоваться простым правилом: смотреть на себя искренне и открыто. Без желания понравиться себе (то есть увидеть свои исключительно положительные стороны). Притом что и как-либо отрицательно смотреть на себя тоже не рекомендуется. В этом случае можно добиться развития в своей психике целого ряда весьма неприятных комплексов (напр., комплекса неполноценности), о которых в последующем будет весьма сложно избавиться.

Но все дело в том, что многое уже от самого индивида как бы и не зависит. Он вроде как и хочет увидеть себя таким, каким он является на самом деле. Но почти всегда в таких случаях мы должны вставлять перед этим его восприятием словосочетание «как будто».

То есть, другими словами, взгляд на самого себя такого индивида будет действительно искажен. И на подобное искажение влияют как коллективное бессознательное (в, так сказать масштабном аспекте), так и непосредственные ситуации, случившиеся с данным индивидом начиная от его рождения и раннего детства и заканчивая тем, что произошло с ним непосредственно в последнее время. И перед нами

в таком случае уже будет действительно некий искаженный взгляд на вещи. А ведь так хочется каждому из нас «достучаться» до истины. Разгадать, быть может, предназначение его в этой жизни. Ведь у каждого из нас в той или иной мере есть какое-либо предназначение. Можно с любой долей скепсиса относиться к подобным словам, но в целом это сути не меняет. Как говорится, что есть, то есть. Поэтому уже в свете вышесказанного вполне стоило бы, на наш взгляд, задуматься о тех целях и задачах, которые каждый из нас ставит хотя бы в недалеком будущем.

И уже здесь, возвращаясь к первоначально поставленному вопросу, хотелось бы заметить, что никакой более-менее точный прогноз невозможен без правильного осознания индивидом самого себя.

Уже далее будет идти (словно вытекающее из этого) и осознание его роли, и цели, и предназначения. Все это так. Но если наш собственный взгляд будет искажен, то о чем уже можно говорить. Следует разобраться в себе. И для этого следовало бы не только отбросить многие иллюзии, но также отбросить и страхи, и волнения, и совсем не нужные в таком деле тревоги. Да и вообще подойти к оценке собственной личности весьма конструктивно, окунувшись в свое бессознательное, откуда при желании можно будет извлечь значительно больше, чем, быть может, кажется на первый взгляд.

2

К вопросу о взгляде на себя. Мы, конечно же, имеем в виду взгляд со стороны. Взгляд, быть может, даже глазами другого человека. И можно предположить, что в конечном итоге все окажется несколько даже не так, как себя мы представляли ранее. Видимо, в этом кроется причина некоторых проблем в оценке (или уже лучше говорить — самооценке) индивида. И тогда уже почти только таким образом и удастся увидеть нам что-то важное, учитывая которое в последующем можно не совершать некоторых ошибок. Хотя будущее, видимо, само покажет, что и как. Взгляд на себя просто помогает это будущее приблизить.

Глава 32. Индивидуальное «Я» как зеркало другого индивида

Так получается, что в общении с другими индивидами каждый из нас вынужден затрачивать частицу своей энергии на поддержание кого-то другого.

Становится возможным это оттого, что любой другой индивид, общаясь с кем-то, фактически видит в нем себя. И в зависимости от жизнелюбия этого человека подсознательно строит существование собственное. Потому как, если предположить, что исходят от кого-то своеобразные лучи энергии, то в первую очередь эти лучи будут затрагивать того, кто по каким-то причинам (вынужденно или радостно) общается с подобным лицом. И уже в зависимости от настроения того — или подзаряжается его энергией, или же вынужденно изменяет собственное настроение. Точнее, оно изменяется само. Потому как происходит так, что на подсознание такого индивида оказывает влияние нечто, исходящее из собеседника. И общаясь с вами, такие индивиды подсознательно заряжаются вашей эмоциональной составляющей. В результате чего уже можно говорить и об изменении их настроения, а равно и фактического изменения жизненного уклада. Потому как наша жизнь складывается из мельчайших частиц сформированного вокруг нас бытия. И если рядом с нами будут исключительно негативные субъекты, носящие отрицательную информацию (будучи полноценно пропитаны ею), то в итоге получается так, что на биополе индивида приходится дополнительная нагрузка. После чего в равной мере он будет способен эту оборону выдерживать (что значительно труднее) или же пропустить сквозь себя волну негатива — другого. Тем самым частично сняв с души того груз проблем (и, быть может, даже ответственности), а для самого же индивида, принявшего на себя своеобразную атаку бессознательного индивида, может наступить и не самый лучший временной период. Потому как становится способен он подпасть под влияние проекции, и тогда уже на какое-то время его собственные черты захватят проблематику другого, болезненное воображение того. А значит — помогая другому, вы фактически начинаете медленно губить себя. Причем самое страшное, быть может, заключается в том, что людей, которые извечно меланхолично настроены, уже не спасти. Вечный упа-

док сил и уныние стали их своеобразной визитной карточкой и, настроив сознание на соответствующий лад, уже являются чем-то вроде черты характера. А изменять свой характер возможно только исключительно образованным и обучаемым (со способностью к обучению) людям. И иного не дано. Ибо они не только находятся в своеобразном поиске и совершенствовании себя, но и фактически подстраиваются под обстоятельства, подчиняя те себе. Это залог своеобразной выживаемости в мире. В злом, по сути, мире. В мире, где происходит почти постоянная дарвиновская борьба за выживание видов. Независимо от того какой это вид — животных или человека.

Вернувшись к вопросу проекции, мы можем заметить, что любой индивид так или иначе оказывает влияние на окружающих. Всегда находится кто-то слабее вас, кто имеет огромное подсознательное желание вам подчиниться. Так же как и существуют люди, кто как будто бы подчиниться не намерен. Но это зачастую выражается лишь только внешне, тогда как внутренне у каждого есть определенная категория в его психике, воздействие на которую фактически и вызывает подчинение или проявление власти со стороны другого индивида.

И почти совсем не вопрос — что вы из себя представляете. Всегда находится кто-то, кто оказывается в более выигрышных, чем вы, условиях. А значит, при определенных условиях может дозвель над вами. Так же, впрочем, как и подчиниться.

Остановившись еще какое-то время на вопросе подчинения, мы можем сказать, что подчинение, по сути, — свойство человеческой психики. Свойство это базируется на законе сохранения вида (на законе выживания). Тем более что при определенных условиях действительно необходимо подчиниться. Хотя бы уже для того, чтобы после получить власть. Это один из законов манипулирования другими. Хотя уже можно заметить, что тот, кто всегда и везде демонстрирует исключительное подчинение, все меньше в последующем сможет удовлетворять свои властные амбиции. Потому как в его подсознание уже словно бы закладывается своеобразная установка. И чтобы изжить ее, требуется гораздо больше времени, чем для закрепления ее в психике того или иного индивида.

То есть, другими словами, все, что мы совершаем, каждый поступок, помимо того что является неизменным следствием наших мыслей (а мысли базируются в подсознании), еще и оставляет свой отпечаток в нашей душе. И в последующем все это неким таинственным образом преобразуется в мысли и последующие поступки индивида. Потому как уже знаем мы, что любые поступки и желания являются неизменным следствием работы нашего бессознательного, того, что находится в нем, то есть сформированности его.

Вопрос о том, что существуют люди, не подпадающие ни под чью проекцию, видимо, попросту не может рассматриваться. Потому как подобного не существует. А сам закон проекции исходит исключительно из определенного свойства человеческой психики, эту самую проекцию вызывающего.

Глава 33. Невротичность личности. Приспосабливаемость к обстоятельствам

Жизнь невротика полна странностей и неожиданностей с позиции личности, лишенной подобной пограничной стадии заболевания. Труднее всего приходится индивидам, сознание которых в большинстве случаев позволяет им вполне трезво оценивать реальность. И лишь стоит таким индивидам начать подстраиваться под обстоятельства, как психика их выдвигает определенные условия, следование которым как будто приводит к ослаблению симптоматики заболевания, этим самым заболеванием еще не являясь.

Можно предположить, что в пограничной стадии находится достаточно обширная категория индивидов, проживающих в цивилизованных странах. В свое время Зигмунд Фрейд в одном из своих программных сочинений «Недовольство культурой» проследил взаимосвязь между социумом и отдельным индивидом, предположив, что излишнее окультуривание (что является неизменным фактом развития цивилизации) приносит такому индивиду определенный вред, выражающийся в развитии у него ряда отклонений психики. Мы также можем предположить, что одна из форм какого-либо излечения, возможно, будет заключаться в некотором возвращении ин-

дивада, его психики, в состояние, свойственное психике первобытного человека. При этом необходимо учитывать, что общество само интуитивно предоставляет индивидам подобную возможность, выражающуюся в использовании последними целого ряда факторов, так или иначе способствующих развитию у них адаптивных возможностей, равно и предполагающих, что в процессе временного отыгрывания подобного «возвращения» у таких индивидов будет как бы уравниваться состояние их легкого отклонения.

К числу подобных способов отыгрывания можно отнести употребление алкоголя с целью стимуляции мозга и снятия определенных барьеров в психике (речь идет о цензуре психики), после чего временно такой индивид опускается на несколько ступенек вниз по лестнице цивилизации. Помимо употребления алкоголя (или же совместно с ним) к подобным способам допустимой релаксации, на наш взгляд, следует отнести занятия спортом (преимущественно мужественными видами спорта — боксом и борьбой, например¹⁴), а также особое внимание следует обратить на нахождение среди толпы: стадионы, дискотеки, проч. В таких случаях (отмеченных ЛеБоном, Фрейдом, Московичи, Каннети, Бехтеревым и др.) индивид подвержен ряду состояний, свойственных преимущественно первобытному человеку, и в некоторых случаях явно напоминает его.

Рассматривая вопрос невротичности психики, мы должны обратить внимание на явную вынужденность приспособления подобного индивида к обстоятельствам окружающей среды, обстоятельствам его контакта с социумом. И так получается, что такой индивид уже как бы изменяет (вынужденно изменяет) свое поведение, подстраиваясь под условия, навязываемые ему средой. Вернее в большинстве случаев как раз ему кажется, что навязываемые. Тогда как на самом деле, стоит ему просто не обратить внимание на обстоятельство, вызывающее в нем тревогу (переключившись, например, на что-то другое, на выполнение какого-то действия, результат которого вызываемые взрыв положительных эмоций в его психике), как оказывается, что ничего страшного и не происходит. И жизнь такого инди-

14 Но вполне допустимы любые занятия спортом: тяжелая и легкая атлетика, гребной спорт и проч.

вида продолжается вполне определенным путем. При этом словно бы высвобождается часть определенной психической энергии, ранее направленной на поглощение ею заблуждения (на борьбу с целью предотвратить развитие оной), и оказывается, что ей можно найти вполне позитивное применение.

Однако подобную радость индивид способен доставить себе не часто, если только специально не контролирует подобным образом свою жизнь, вовремя переключая психику (в момент, а еще лучше перед зарождением импульса, приводящего впоследствии к определенным негативным мыслям, вызывавшим тревогу, развитие беспокойства, чувства вины, и проч. последствия негативных факторов наличия в психике индивида невроза). И тогда уже все, что остается посоветовать такому индивиду (если мы не ведем речь о медикаментозном лечении или психотерапии), — сознательно вызывать у себя переключения психики на какой-либо иной предмет, способный вызвать каскад положительных эмоций и заключающийся в переключении механизмов психики со своего внутреннего мира (и, как следствие, — «ненужных» мыслей) на некоторые обстоятельства окружающей среды, способные вызвать положительные эмоции (просмотр комедийного фильма, например),¹⁵ и обретение психического здоровья.

Глава 34. Унижение любовью, или когда может получиться

Сразу оговоримся, что мы не будем вдаваться в область индивидов с полностью адекватной психикой (хотя, по нашему мнению, таковых весьма незначительное количество), рассматривая т. н. условных невротиков.

15 Фильм на самом деле может быть любого жанра, быть может только следует несколько ограничить такой жанр, как драма, быть может, триллер и проч. Хотя и следует допустить, что как раз в процессе просмотра фильмов подобной направленности в психике индивида как бы происходит отыгрывание состояний, способных привести к ухудшению его психического состояния. А значит — будет наблюдаться явное улучшение настроения и, как следствие — отступление пограничной симптоматики.

Под условными невротиками мы будем понимать индивидов, психика которых пребывает в пограничном состоянии. То есть когда их еще нельзя признать душевнобольными, но и говорить об их стопроцентном психическом здоровье было бы весьма рискованно и не совсем честно.

Рассматривая вопрос успешности полового акта для обозначенной нами категории индивидов, хотелось бы обратить внимание на ситуацию, при возникновении которой у подобных индивидов действительно может наблюдаться не только половое возбуждение, но и акт любви может пройти относительно (а в иных случаях и весьма) успешно и закончиться эякуляцией.

Становится возможным подобное в случаях, когда индивид, который ранее испытывал некоторые сексуальные проблемы, подбирает себе партнершу таким образом, что может бессознательно властвовать над ней¹⁶. В таком случае в бессознательном его психики стирается некий запрет на осуществление удовольствий. А значит, можно предположить, что половой акт закончится ожидаемым со стороны партнеров финалом.

Касаясь вопроса возникновения подобных границ в психике индивида, мы можем обратить внимание, что такое становится возможным вследствие подавления психики в результате излишне строгого воспитания со стороны родителей (чаще всего со стороны не в меру строгой матери мальчика). Периодически повторяющиеся запреты приводят к формированию в бессознательном определенного ряда комплексов, направленных на запрет в реализации (удовлетворении) либидо. Взрослея, такой ребенок по привычке (бессознательно) воспринимает возможную половую партнершу как нечто, напоминающее о матери¹⁷. На секс с близкими в психике индивида наложено табу (передаваемое филогенетическим путем, то есть из поколения в поколение на уровне бессознательного запрета), поэтому, бессознательно видя в образе возможной партнерши свою мать, индивид не способен осуществить акт

16 Мы не рассматриваем вопрос ролевой игры в госпожу и слугу, применяемую, например, при садомазохизме.

17 В данном случае возможен ассоциативный ряд: женщина = мать; половая партнерша = женщина-мать.

любви¹⁸. А значит, для того чтобы у него все получилось, ему необходимо попросту сознательно (при помощи воздействия сознания) убрать из подсознания ассоциацию такой женщины с его матерью. И уже подобное становится возможно в случае намеренного издевательства (садизма) над подобной женщиной-партнершей. Ибо у рассматриваемого нами индивида как бы снова «защелкнет» в мозгу: мать унижать нельзя¹⁹, так же как невозможно унижать более сильного; если подобное унижение становится возможно, значит, я уже достаточно окреп, чтобы диктовать свои условия. В итоге в его психике как бы снимается определенная цензура, отвечающая за возможность получения физического удовольствия²⁰, и уже в результате всего этого акт любви вполне может завершиться оргазмом и эякуляцией (причем, чем сильнее было предварительное унижение, тем ярче возможно и проявление оргазма).

Глава 35. Воображение

Так получается, что воображение индивида зачастую является той путеводной нитью, которая способна вывести его из многих жизненных передряг. В воображении часто не только отображаются какие-то скрытные, тайные желания индивида, но и отыгрывание их приводит к исцелению. Исцелению от душевных мук и терзаний. Исцелению от чего-то порочного, что индивиду непременно хочется осуществить, но что в современном обществе может быть прокручено почти исключительно только в воображении. Иначе суд и тюрьма.

Воображение — это поистине благо. Тех, кто наделен богатым воображением, вполне можно назвать счастливыми людьми. Правда, почти эти же самые люди иной раз и страдают от своего воображения. Ибо оно иной раз способно накручивать

18 Подобное блокируется самой психикой (мозгом).

19 Если подобное унижение наблюдается, то свидетельствует о бессознательном стремлении индивида выбраться из под опеки матери. А подобное, по его мнению, возможно сделать, в случае если развенчать ее влияние, ее власть. Например, посредством того же унижения продемонстрировать, что контроль над взрослым ребенком невозможен. Он самостоятелен. И проч.

20 Физическое удовольствие как раз блокируют духовные запреты (базирующиеся в бессознательном).

несуществующие факты. Возвеличивая детали вымысла до самой что ни на есть иллюзорной реальности. Хотя, видимо, и сам индивид в таком случае уже не может распознать, где реальность истинная, а где ложная. Где проходит раздел между правдой и ложью. Где та путеводная нить, которая способна вывести его из мира грез в мир реальности.

Если говорить о воображении, то что-то заставляет нас все же находить в наличии у индивида воображения больше позитива, чем негатива. И если только задуматься, ведь это и на самом деле благо. Благо — наличие воображения. К тому же воображение обычно характеризует индивида как человека чувственного. Мыслящего. Хотя, видимо, и не склонного к какому-то уж явному материализму. Виной тому воображение. Воображение, делающее зачастую из индивида мечтателя. И воображение, способное благодаря приобщению к мечте, благодаря отыгрыванию ее в своем бессознательном, добиться положительного аспекта в жизни подобного индивида. Ведь известно, что какое-либо событие может как реально осуществиться (осуществиться в действительности), так и осуществиться только в нашем воображении. Причем по испытываемым ощущениям это зачастую идентично. А все дело в том, что подсознание в таком случае фиксирует вполне схожие эмоции; независимо от того, произошло ли нечто в реальности, или только в вашем воображении. Для психики это практически не играет никакой роли. Важен сам факт. Факт получения соответствующих эмоций. Факт наличия некоей категории, способной решить своим присутствием поставленные психикой задачи. И в таком случае мечтатель иной раз оказывается в заметном выигрыше перед практиком. Потому как способен прокрутить в своем воображении значительно больше событий, чем у практика может произойти в реальности.

И тем не менее помимо позитивных аспектов наделения индивидов воображением, почти всегда следует говорить и о некоем негативном смысле, который не только, конечно же, присутствует, но и иной раз способен доставлять значительно больше неудобств, чем это только может показаться на первый взгляд. И становится возможным подобное оттого, что на индивида, наделенного воображением, оказывает влияние

подсознание. То бессознательное, что скрыто в глубинах сознания. И что непременно (и чаще отрицательным) образом влияет на его мысли, поступки, желания. Или точнее даже — на формирование желаний, большинство из которых в данном случае носят негативную форму. И зачастую такой индивид, прокручивая (прогоняя) в своем воображении мысли, подменяет реальность вымыслом. А вымысел (то, что возможно, но что еще не наступило), завладевая сознанием, вынуждает индивида уже реагировать на нечто несуществующее. Что в конечном итоге зачастую и приводит к чему-то не очень хорошему. Даже в большинстве случаев (к сожалению) приводит к не совсем хорошему. Неся с собой страшные и негативные последствия.

Хотя почти тут же стоит предположить, что это же самое воображение, вынуждающее индивида подменять истинный смысл ложным, в иных случаях и способствует вполне благоприятным моментам. Пусть и заставляя индивида жить в вымышленном мире, но для иных этот нереальный мир вполне может быть и лучше настоящего. Потому как становится возможно в нем наделять себя несуществующим. Тем, что в реальности никогда (или почти никогда) не произойдет. И в то же время ведь этого очень хочется. А когда очень хочется, да это еще, прогоняется в воображении, то фактически индивид (подсознательно) наделяется этими вымышленными чертами. В его случае способными стать вполне настоящими. Потому как, если какую-то ситуацию прогнать в своем воображении (подсознании), то фактически у человека уже будет опыт реагирования, поведения в подобной ситуации. А это и есть то, что называется опытом. И при каком-то реальном возникновении подобной ситуации вполне можно будет считать, что какой-то жизненный этап подобный индивид уже прошел.

При этом, конечно же, следует обратить особое внимание на то, что всегда важно не только возвращение обратно, но и не потеря этой самой реальности. Потому как зачастую становится вполне проблематичным возвращение. Тогда в иных случаях (на каком-то этапе) допустимым становится параллельное существование. Когда реальность чередуется с вымыслом. Но и при этом вы, тем не менее, стремитесь к возвращению в мир нормального существования. Где черное — это черное, белое — белое, а голубое — именно голубое, а не розовое и не зеленое. Хотя и на это иной раз необходимо время.

То есть уже можно предположить, что наиболее благоприятным в таком случае будет своеобразная игра. Когда вы как будто и находитесь в своем, вымышленном мире, но при этом словно бы и не окончательно погружаетесь в него, отдавая своеобразный отчет реальности, пусть и не до конца позволяя понять это окружающим. Да и об окружающих в таком случае вполне можно или забыть, или помнить весьма условно. Потому как намного важнее будет ваше возвращение. Когда через какое-то время после двойного существования вы вполне сможете вздохнуть полной грудью, возвратившись обратно. И перед вами откроются те варианты бытия, о которых раньше вы, быть может, только мечтали. Потому как и действительно многое станет возможным. Многое — а может, и все.

Глава 36. Внутренняя энергия. Беречь или расходовать?

Так получается, что запасы внутренней энергии индивида (скрытые, базирующиеся в его психике) не безграничны. Например, можно предположить, что существует различное распределение, но примерно его хватает на один или несколько дней. И уже только после наступает взаимодополняемость, взаимовосстановление.

Хотя уже возможно, что сроки все-таки весьма и весьма различны. Но тут как бы все понятно, потому как исходит из специфики психики того или иного индивида, а она у всех весьма различна.

Попытаемся подойти к вопросу, вынесенному в заглавие, который, чуть переиначив, можем задать себе так: так ли уж можно не заботиться о расходовании психической (внутренней) энергии? Или же во время наступавшего вслед за расходом (естественные природные процессы) истощения психики (более известного как, например, нервное истощение или нечто схожее по классификации симптоматики) для данного индивида наступают весьма негативные последствия?

К сожалению, практика показывает, что почти так все и становится возможным. Хотя и следует учитывать, что для каждого конкретного случая ситуация все же может различаться; но тем не менее общая тенденция как раз говорит о том, что

вполне возможно, что именно в тот промежуток, когда ваша психическая энергия истощится например, уйдет на подпитку кого-то из саттелитов (псевдодрузей да товарищей-неудачников, имеющих чуть ли не у каждого человека-личности), а новой организм еще не наполнится (видимо, на подобного рода восстановление тоже необходимо какое-то время) как раз и произойдет какой сбой; и хоть организм все равно восстановит необходимый ему баланс, так уже получится, что какое-то время на это потребуются. А значит, в течение этого времени психика такого индивида будет подвержена нападению извне. И даже если нападения не последует (не всегда ведь случается так), уже то, что организм таким образом ослаблен — не очень хорошо. Ведь психическая энергия питает все без исключения. Можно, конечно, что-то делать через силу (на силе воли, на характере), но не всегда это может продолжаться долго, да и морального удовлетворения (что, может, как раз и есть самое главное или как минимум нечто наиглавнейшее) такой индивид не получает.

И уже получается, что, быть может, совсем и не нужно тащить кого-то, разъясняя человеку (пусть и входящему в число знакомых или даже близких знакомых), что и как будет ему лучше делать если вы замечаете (например интуитивно угадываете, подсознательно догадываетесь), что такой человек все равно не воспользуется вашими советами, потому что не поймет. А время на объяснение (а в иных случаях и доказывание) ему вы уже потратили. Причем так уже выходит, что именно в это время, при таком доказывании тому, кому это понять не дано, и теряете вы добрую часть своей внутренней (психической энергии); а значит, уже как бы получается — наносите вред себе, своей психике, своему психическому здоровью.

И уже нельзя говорить, что вы можете допустить эти жертвования. Да, в каких-то случаях для блага другого жертвовать собой можно, а может, и нужно. Но вот необходимо учитывать, что практически каждый из социально активных индивидов живет (постоянно находится) в социуме. А значит, волей-неволей вступает в контакт с многочисленным контингентом других индивидов, среди которых в том числе наблюдается и определенное количество тех, кого каждый из нас считает близкими да родственниками (и общаться с которыми волей обстоятельств приходится несколько чаще в сравнении

с другими). И тогда уже получается, что ваша истощенная психика вызывает определенный негатив в вашей душе. Негатив этот влияет на настроение, а то и вообще на отношение к жизни. А уже последнее невольно вступает в коррелят с психической энергией близких окружающих. И ваш негатив, передаваясь на них, забирает психическую энергию уже у них (в отдельных случаях таким образом и восстанавливаясь за счет подобного рода подключений). Так неужели одни люди (те, кто хочет вам добра или же даже ничего не хочет, а вынужден находиться с вами волей обстоятельств) должны страдать из-за тех, кому природа недодала разума, а недостаточно развитый интеллект да отсутствие силы воли мешает не сдаваться и самосовершенствоваться? (Получить совет у других легче, чем додуматься до него самостоятельно.)

Конечно, каждый вполне способен принять свое решение относительно того, как ему лучше поступить. Но уже точно, что весьма необходимо (даже, может, очень важно) обращать внимание на то, что и как происходит в психике. Потому что, как говорили древние, предупрежден — значит вооружен. А выбор уже за каждым. В силу его интеллекта и каких-то морально-нравственных позиций да наличия или отсутствия невротической зависимости (зачастую и заставляющих одних людей находить себе более слабых, а других наоборот, — тянуться к более сильным; и те и другие в этом случае получают каждый свое. То, к чему их психика интуитивно (бессознательно) тянется, а может, даже и предрасположена).

Глава 37. Интуитивное прогнозирование, или прочувствование ситуации

Ситуация обстоит таким образом, что общение индивида с внешним миром происходит, помимо прочего, и через некое интуитивное восприятие или, иными словами, прочувствование ситуации.

Почти никогда здесь невозможно наметить что-то конкретное и определенное. Чаще всего подобное общение происходит (и становится возможным) посредством неких неуловимых нитей, базирующихся в сфере подсознания и, вероятно, целиком и полностью принадлежащих бессознательному индивида.

Вероятно, также следует говорить о том, что при попытке какого-либо конкретного анализа в сознании индивида невозможно появление какой-либо четкой модели того, что происходит. Скорее всего, дело заключается в том, что то, что становится понятно на интуитивном уровне, совсем не улавливается сознанием, ибо в таком случае (в случае адаптации к сознанию) стирается та невидимая грань, которая и характеризует подобную категорию психики.

Также, вероятней всего, мы должны говорить именно о соответствующей категории психики, ибо уже получается так, что наблюдается некое невидимое подобного компонента психики на жизнь индивида. Как известно, жизнь индивида складывается из некоего противоборства двух противоположных категорий воспринятой психикой внешнего мира: сознания и подсознания (или бессознательного). Так вот, выведенная нами категория психики не только находится почти исключительно в подсознании, но и еще именно от нее зависит то, что будет в сознании индивида.

Как известно, любые наши мысли, желания, поступки и проч. базируются исключительно в подсознании. Оттуда берут они свое начало и уже после — так или иначе — оказывают влияние на сознание, направляя в дальнейшем жизнь индивида в то или иное русло, продиктованное наличием соответствующих «установок» в бессознательном.

Совсем нельзя говорить сейчас о какой-либо продуктивности или непродуктивности оного. Нет. Но почти так же верно, что практически независимо от того, насколько реально ощущение самого индивида, подобное все равно уже так или иначе влияет на изменение его мироустройства. А равно оказывает влияние на восприятие индивидом окружающего мира. Потому как совсем нельзя говорить о том, что что-либо проходило бы в подсознании (из внешней среды; а психика, как известно, чутко улавливает все, что происходит вокруг, питая подобной информацией компоненты психики), но до сознания не доходило. Как раз подобное-то и невозможно. Мы уже говорили, что все, что находится в подсознании, через какое-то время неизменно появляется в сознании (даже если оно особо не задерживается там, проходя мимо), а значит, уже из этого следует исходить при

появлении у индивида необходимости какой-либо оценки окружающего мира. Мы также можем сказать о том, что в своих поступках те индивиды, кто полагается на интуицию, заметно выигрывают в сравнении с пытающимися осмыслить какую-либо ситуацию в практической плоскости²¹. При этом мы можем обратить внимание, что, собственно, законам мироздания практически безразлично, каким образом индивиды будут оценивать ту или иную ситуацию. Речь скорее идет уже о некоем конечном результате. И тут следовало бы обратить внимание на то, что совсем независимо от того, каким образом индивид будет способен оценить тот или иной характер получаемой извне информации, почти наверняка он способен совершить ошибку, ежели не воспримет надлежащим образом тот постулат, что любая приходящая из окружающего мира информация окажет на него надлежащее воздействие и будет оценена в том числе и механизмами психики, базирующимися исключительно в подсознании²². Причем в некоторых образах (не воспринимаемая должным образом подобное) приходится все равно возвращаться на круги своя. И уже оттуда вновь подступать к анализу, так ошибочно состоявшемуся (или не состоявшемуся) ранее.

Ведя речь об интуитивном прогнозировании, мы должны обратить внимание на удивительную восприимчивость психики к подобного рода воздействию. Причем уже почти совсем неважно какое-либо личное (индивидуальное) участие индивида (его сознания) в подобном вопросе. В данной ситуации перед нами как раз пример того, как: 1) любая информация, получаемая из внешнего мира, оказывается в подсознании;

21 За малым исключением это почти всегда верно. Явное исключения будут составлять лишь те индивиды, психика которых уже как бы изначально привыкла судить не какими-либо схемами или посредством интуиции, а некими готовыми моделями, лежащими в плоскостивосприятияипропускаемыеисключительночерезсознание (в большинстве случаев подобное свойственно представителям математического склада ума и прочим прагматикам).

22 независимо от того, попытается ли он подобное пропустить исключительно через сферу сознания, применив для оценки подобной информации ту или иную модель восприятия ситуации, применяемой им ранее, или решит ограничиться какими-то иными свойствами (параметрами) восприятия действительности.

2) имеющаяся в бессознательном информация обогащается находящейся там информацией иного рода, полученной, например, посредством филогенетических схем и известной под юнговским наименованием архетипов, или архетипической составляющей психики.

И почти всегда в разрешении любой ситуации более справедливо будет полагаться на интуитивный компонент разрешения²³, и совсем неважно будет при этом, что данный индивид думает на самом деле (то есть сознание желательно в подобных вопросах отключать). И так будет не только эффективнее (для самого анализа ситуации), но и справедливее.

Глава 38. Сознательное единство, или с бредом по бездорожью

Метафора названия на самом деле имеет удивительный смысл, действие которого распространяется на длительный период сознательной жизни индивида.

Так получается, что большинство людей стремится плыть по течению жизни. Огибая пороги — если так делает большинство. И участвуя в восстаниях-забастовках — если это: 1) кто-нибудь до этого инициировал; 2) окружающие тоже участвуют в них.

Другими словами, основная масса индивидов — это масса толпы. Подчиняющаяся законом масс, сознательно, быть может, и не отдавая отчет, что это так.

Плохо это или хорошо? Как ни странно, в масштабах государства и страны — хорошо. Потому как не служит образованию хаоса. Притом что хаос и анархия, как брат и сестра, способны снести перед собой чуть ли не любую преграду. И управление толпой, которая как раз и прониклась и хаосом и анархией, возможно в случае переориентации толпы на какое-либо другое занятие. Причем плохое оно будет или хорошее, откроется только после, тогда как в момент совершения действия еще вроде как многое неясно да непонятно.

23 Базирующийся в психике индивида.

Видимо, дело обстоит таким образом, что каждый индивид все равно должен стремиться достичь какого-либо идеала. Но происходит это уже как бы с ориентацией на его внутреннее состояние. А значит, уже получается, что вмешивается в ход осуществления подобного множество отвлекающих факторов. Из-за которых, собственно, у большинства и мало что получается. Потому как плывут они по течению, руководствуясь удовлетворением сиюминутных желаний. А чаще всего, если те по каким-то причинам кажутся неосуществимыми, уже как раз и не стремятся ни к чему. Словно оставляя на потом, а на самом деле уже и не стремясь к чему-то. К чему-то тому, что может еще какое-то время представлять в их воображении в виде воздушных замков. Но постепенно (с возрастом) разрушаются и те. И такой индивид уже довольствуется тем, что есть здесь и сейчас. Фактически не только не заглядывая (или как-то планируя) в будущее, но и уже опасаясь чего-то подобного (подобных действий). Потому как начинает вызывать все это в его душе тревогу да беспокойство. И если так, бессознательно рассуждает он, то лучше уже, чтобы чего-то подобного и не было.

И уже получается, что, может, и действительно становится отдушиной для такого индивида идти пусть и по бездорожью души, не приходя ни к какому позитивному началу, но со всеми вместе, нежели одному (или вместе с немногими смельчаками) прорываться сквозь тернии и буреломы. В иных случаях даже не надеясь дойти. Хотя и зная, что те, кто дойдет, обретут счастье и блаженство как в будущем (хотя бы потому что формируют свое будущее), так и в непосредственном настоящем. Хотя и не все доходят, выдерживая накал страстей да нападки обывателей (нападки большинства). Когда внутренне иной раз хочется или подчиниться этому большинству, или же еще ярче вступить в противоборство с ним. До победы... до победы...

Глава 39. Тревожность как фактор управляемости психикой

Уже само название говорит о столь загадочной теме, как управляемости одним человеком другим. И виной тому — тревожность.

Тревога и тревожность (тревожность — как производное тревоги) несут в себе по-настоящему печальные последствия для психики индивида. Психика в данном случае выступает в роли некой соподчиненной функции бытия. И она целиком и полностью проникнута столь мучительными последствиями подобного (тревожности), что вынуждает одних индивидов всяческим негативным образом оказывать манипулятивное воздействие на других. А тем подчиняться.

Подчиняться различного рода манипуляторам, которых в жизни столь великое количество, что уже, по всей видимости, мы должны говорить о том, что социум, населенный различными индивидами, разделяется на две составляющие: манипуляторы и те, кто попадает под их влияние.

Суть манипуляций — тайное управление с задействованием подсознания. Когда индивид, подвергшийся манипулированию, волей обстоятельств вынужден подчиняться тайным командам манипулятора. Причем команды обычно не подаются столь явно, чтобы их возможно было тотчас же опознать. Все делается действительно тайно. А сами манипуляторы в отдельных случаях точно так же не отдают отчет в том, что оказывают манипулятивное воздействие на других индивидов. Можно даже говорить, что многое и у тех и у других происходит на автоматическом, интуитивном уровне. Просто одни начинают пользоваться некими установочными (проверенными временем) словами, жестами и проч., а другие — дабы избежать развития в своей психике доли тревожности (порой даже просто возникновения ее) — заранее готовы идти на уступки, дабы «задобрить» манипулятора.

Фактор тревожности, по всей видимости, свойственен каждому индивиду. Просто вопрос, что кто-то обладает некими способностями (в большинстве своем неосознаваемыми, природными) подавлять данную тревожность, перенаправляя ее, отчего она находит свой выход в чем-то другом (переключается на какие-либо объекты жизнедеятельности), а кто-то, наоборот, вынужден подстраивать собственную жизнь под тревожность. Тем самым обрекая себя на страдания.

Такие страдания и используют манипуляторы. Или играя на возникновении их (шантаж провоцирования тревоги), или же когда определяют, что в том или ином индивиде уже при-

сутствует тревожность, просто-напросто и дальше подавляют его психику. Ведь известно, что в состоянии тревоги индивид в гораздо большей степени подвержен различного рода внушению. А значит, ему легче навязать чью-либо волю. И уже тем или иным образом подчинить его.

Причем у него уже как будто и не будет такой уж возможности отказаться. Воздействие на подсознание в целях манипулирования уже словно изначально обрекает индивида на подчинение; потому как в ином случае в душе его начнет прогрессировать тревожность и, как следствие ее, тревога, от которой достаточно трудно избавиться. Разве что не пойти на уступки, выполняя выдвигаемые манипулятором цели, или же сублимировав подобную тревожность.

Варианты сублимации достаточно различны, начиная от выполнения домашней работы (работа по дому свойственна чаще всего женщинам, хотя встречается и у мужчин; причем у последних подобное может проецироваться на выполнении каких-либо хозяйственных нужд, и тогда можно говорить, что сублимация в домашний труд встречается чуть ли не равнозначно у женщин и у мужчин) и заканчивая фрейдовской теорией сублимации в творчество²⁴, когда некоторые разлады в психике переносятся в создаваемый творцом труд (живопись, музыка, литература и т. п.).

Однако, на наш взгляд, для выхода душевного негатива посредством сублимации необходима изначальная ориентированность на творчество (пусть даже и на весьма посредственное). Тогда как для сублимирования во что-либо другое зачастую достаточно простого желания индивида, ну быть может, наделения его самыми минимальными навыками, приобретенными в том числе и в процессе жизни в социуме (копание огорода, например, или вколачивание гвоздей).

И тогда уже можно сказать, что выход — спасение от тревожности может заключаться в сублимации. Хотя и практика показывает, что большинство индивидов предпочитает снимать тревожность более простым путем — выполнением требований, выдвигаемым их манипуляторами. В сознании масс (и отдельного индивида) словно бы рождается ощущение того, что если как-то задобрить того, кто выдвигает какие-то требования, то он пере-

24 Хотя Фрейд понимал под сублимацией не только сублимацию в творчество, но и вообще — в любой общественно или же лично полезный труд.

станет гневаться. А значит, можно будет перестать волноваться самому индивиду. А из души его хотя бы на какое-то время исчезнет тревожность и тревога. Что уже будет весьма неплохо²⁵.

Глава 40. Феноменология сознания через призму влияния подсознания (бессознательного)

Дело обстоит таким образом, что необходимость поступательного развития сознания, продиктованного прежде всего развитием самой личности, зиждется на различных механизмах восприятия действительности, многие из которых при определенных раскладах вполне могут носить как временную форму, так и постоянную.

Как известно, вопрос подобных исследований так или иначе встает на пути различных исследователей как прошлого, так и настоящего. Не вдаваясь в данной работе в экскурс уже рассмотренного (Ламбертом, Кантом, Гегелем, Гуссерлем, Хайдеггером, Липпсом и др.) и отдавая отчет в том, что по каким-то позициям рассмотренное ниже вполне может в ряде моментов пересекаться с уже имеющимися на сегодняшний день работами, мы тем не менее попробуем обозначить собственную линию в исследовании подобного рода.

Итак, феноменология. Производное от греческих слов *phainomenon* (явление) и *logos* (учение). В контексте рассматриваемой нами темы мы хотели бы разобрать вопрос феноменологии в факторе развития личностного роста индивида (роста личности) и проследить взаимосвязь, взаимозависимость данного пункта исследований с бессознательным.

Уже не будет никакого секрета в том, что именно бессознательное оказывает свое ключевое воздействие на личность индивида. Конечно, ряд индивидов вполне сознательно, на их взгляд, вольны игнорировать влияние бессознательного.

25 Следует обратить внимание, что подобное подчинение в большей мере свойственно индивидам, как бы изначально ориентированным на душевный невротизм. И таких индивидов более чем много. Даже можно сказать, что в той или иной мере невротизм живет в душе чуть ли не каждого.

Но это нисколько не умаляет как величие открытия Зигмунда Фрейда, так и, собственно, влияния, оказываемого бессознательным на психику того или иного индивида в частности и человеческую психику в целом.

Рассматривая вопросы личностного роста и сопутствующих ему отклонений психики (данные вопросы в свое время были рассмотрены в блестящей статье Ассаджиоли), мы хотели бы заметить, что достаточно сложно, на первый взгляд, разобраться в вопросе, к чему же на самом деле относятся те или иные мотивы исследования и на самом ли деле имеют они те серьезные последствия, большей частью, наверное, все же предполагаемые, чем до конца изученные.

Подходя к вопросу данного исследования, следует заметить, что, безусловно, при определенном переходе личности на новый, следующий, этап развития наблюдается ряд моментов, которые, с одной стороны, можно интерпретировать как определенную долю психического отклонения, а с другой стороны, в этом, должно быть, и нельзя (не следует) предусматривать чего-то необычного и примечательного.

Однако, видимо, все же все не так просто. Если подходить к вопросу исходя из предположений, что психика несет на себе определенное воздействие в результате избыточного потока информации, необходимой для восприятия, то уже тут, конечно, все, наверное, без вопросов. Однако если предположить, что индивид вполне адекватно данную информацию воспринимает и это не приводит к какому-то негативу в его сознании, то это уже совсем иной вопрос. И большей частью нами не рассматриваемый. Потому как, если все и так ясно да понятно, то чего уж тут, как говорится, рассматривать. Намного интересней подойти к исследованию психики, подвергшейся какому-то негативному воздействию. Здесь вполне можно найти необходимую базу для исследований. Хотя, видимо, достаточно спорным может быть момент восприятия (анализа) психики, подвергшейся каким-то изменениям в результате воздействия на сознание потока информации. Что в иных случаях может привести и к неким нежелательным последствиям.

А может и, наоборот, вызвать еще больший рост личностного сознания. Если допустить, конечно, что подсознание в таком случае или не будет мешать (извлекая из самого себя

негатив), или даже в какой-то мере объединится для выполнения ряда задач, необходимых для достижения общей цели.

Прослеживая вопрос влияния подсознания на сознание, хотелось бы обратить внимание, что в иных случаях результат подобного воздействия может быть двояким. То есть, с одной стороны, если допустить, что задействуется т. н. коллективное бессознательное, то, безусловно, это все может значительно усилить достижение индивидом необходимого результата путем усиления достигнутого эффекта. Или наоборот. Ведь помимо столь желанного позитива необходимо также обратить внимание на то, что наше подсознание скрывает в себе и достаточно негатива. И вполне может произойти так, что при нежелательной активации весь этот негатив будет попросту мешать. Что действительно вполне может привести к совсем нежелательным последствиям.

Возвращаясь к предложенной теме исследования, нам хотелось бы обратить внимание на ужасающее по своему воздействию влияние подсознания на сознание индивида. Ведь уже, так или иначе, но мы должны вполне отдавать отчет в том, что зачастую именно подсознание оказывает свою решающую роль в выборе индивидом даже норм поведения не говоря уже о формировании модели этого поведения, проецируемого от мыслей, через формирование желаний и совершение поступков. И здесь уже хотелось бы обратить внимание, что роль подсознания, роль скрывающегося в подсознании негатива (как, вероятно, и чего-то положительного) может наносить непоправимый вред, заставляя индивида иной раз совершать поступки, которые наверняка, будучи под контролем сознания, он бы не совершал ранее.

Но так уж выходит, что в данном случае его совсем никто и не спрашивает. А ему, индивиду, приходится в лучшем случае смириться (и тогда он, не отдавая полного отчета в том, что происходит, может избежать зла) или же вынужденно вступить в конфронтацию, в борьбу. Причем совсем нисколько и никогда не будучи уверенным в своей победе.

Победа в этом деле и на самом деле весьма призрачна, а в иных случаях и мало возможна.

Слишком сильные силы задействованы в подчинении сознания. Здесь уже даже вступает в силу архетипическая составляющая бессознательного. Когда многое, что еще доселе было возможно, начинает двигаться совсем в другом направлении. И кажется так, что ничем ее остановить уже невозможно. А смириться вроде как и неудобно. Особенно для сильных личностей, стремящихся всеми силами подчинить своему контролю свое сознание. Совершенно как будто забыв (или вынужденно считаясь с этим), что наиболее реальную силу представляет именно бессознательное, которое окутывает своими щупальцами сознание индивида, подчиняя его, фактически формируя мысли, идеи, желания и последующие поступки.

Можно, конечно, предположить, что у иных индивидов и допустима победа подсознания. Но в таком случае непременно следует проследить: 1). каким трудом это дается и 2). сколь долговечна эта победа. То есть действительно ли наступает полное избавление?

В первом случае следует говорить о том, что любая борьба между сознанием и бессознательным индивида зачастую наносит непоправимый вред здоровью, являясь причиной появления различной симптоматики психических заболеваний. И даже на стадии самой борьбы, заставляющей зачастую подобного индивида отказываться от последующих действий в плане противостояния. Если же допустить, что победа все же возможна, то почти всегда следует обратить внимание на то, сколь она долговечна.

Исходя из предположения об уже заявленном нами появлении симптоматики психических отклонений, вполне справедливо будет говорить, что вопрос о какой-то долговечности будет весьма спорен. Потому как зачастую сопровождается подобное целым рядом отрицательных моментов, которые приводят к добровольному (скорее — вынужденному) отказу индивида от дальнейшей подобной практики.

И все же не хотелось бы в контексте вышесказанного так-то уж принижать роль сознания. Говоря о феноменологии сознания, прослеживая пути развития сознания, непременно следует говорить и о том, что все-таки большую часть своей

жизни индивид (если он неотягчен психическим заболеванием) проводит в сознании. То есть, другими словами, мы уже вынуждены признать предикат сознания. Хотя и с большой долей условности, выражающейся в том, что все, что происходит с индивидом, признававшим главенство сознания, на самом деле продиктовано тем, что находится в его подсознании, бессознательном. И здесь уже, видимо, нам следует остановиться, разобрав вопрос несколько подробнее.

Как известно, в бессознательном индивида отображаются нереализованные желания, формируемые в результате непровольного анализа окружающей жизни, общения и проч., то есть посредством получения информации из внешней среды.

Также на формирование бессознательного оказывает влияние т. н. коллективный разум, то филогенетическое начало, которое достается индивиду из т. н. опыта предков, опыта предшествующих поколений. Это удивительная и достаточно внушительная по объему накопительная часть, фактически влияющая на формирование мыслей индивида, и вытекающих из этих мыслей его поступков, желаний и проч., то есть уже того, что мы можем представить как поведение того или иного человека. И прослеживая эти поведенческие мотивы, мы уже можем говорить о том, что каждое последующее поколение, используя опыт предшествующего, скрытый в его бессознательном, порой значительно возвеличивается, проходит какие-либо жизненные этапы значительно быстрее, достигает решения поставленных задач легче. Это и понятно, и удивительно. Когда вы идете по проторенной дороге — вам уже не надо затрачивать столько времени и сил, как если бы это было первый раз. И то, что объяснимо для отдельного индивида, вполне адекватно используется и для человечества в целом. Иного, как говорится, не дано.

Говоря о влиянии, оказываемом на сознание, следует обращать внимание на сопротивление индивида подобного рода воздействию бессознательного. Но при этом необходимо учитывать, что психике индивида уже самой по себе свойственно сопротивляться чему-то новому, неизвестному, что неким образом нарушает стройный ряд, существовавший доселе. Причем со временем подобное сопротивление вполне можно

сломать. Да зачастую так и происходит. Хотя у различных индивидов это становится возможным за различный промежуток времени, в зависимости, уже получается, от индивидуальных особенностей.

Соппротивление на самом деле может не всегда безболезненно проходить для психики индивида. В иных случаях как раз это и становится причиной ряда изменений в этой самой психике, заключающихся, в последующем, в целом ряде преобразований, которые могут наблюдать другие, интуитивно сопоставляя данного индивида с себе подобными. Потому как происходят некие изменения в психике данного индивида. И характер воздействий, оказываемых на его психику, порой столь выражен, что у него начинаются некие процессы, характер которых при определенных раскладах может быть свойственен и ряду патологических личностей (с социопатическими девиациями). Притом что на самом деле у такого индивида вполне может и не наблюдаться каких-либо значительных патологий. А все выражаться в своего рода внутренних чертах личности (характер, например).

Подходя к вопросу исследования психики индивида (а все в индивиде, на наш взгляд, необходимо мерить сквозь призму его психики), мы можем обратить внимание на следующие характерные черты, свойственные подобному типу личности:

а) внутренняя зажатость, скованность, то есть то, что проявляется в заметной для окружающих неуверенности, исходящей от данного индивида, проецируемой от него на окружающих его людей (что заставляет последних или подчиняться подобному влиянию, или дистанцироваться от подобных личностей).

б) наоборот — нарочитая агрессивность, которая, являясь своеобразной маской, приводит иногда других индивидов в некоторое замешательство. Хотя и на самом деле не является чем-то в действительности свойственным такому индивиду и имеет в большинстве случаев ярко выраженный (и проявляющийся со временем) наносной характер. (А значит, при иных условиях может быть и изменено, в случае если некими вводными будут другие данные.)

Рассматривая фактор личностного роста индивида, мы можем заметить, что происходящие изменения психики со временем могут носить или динамический характер (изменяясь фактически то в одну, то в другую сторону, то есть — то выздоровление, то погружение в девиации), или достаточно стабильный. При этом заметим, что стабильность все же менее присуща. Объясняется это тем, что психика индивида на самом деле испытывает определенную нагрузку, связанную с необходимостью обработки большого потока информации, и выражающуюся в изменении сознания. Поэтому как уже иначе — стабильная первооснова если и присутствует, то почти исключительно становится свойственна психике индивида с устойчивыми характеристиками восприятия получаемой извне информации. Что встречается достаточно редко (хотя и встречается).

Также при личностном росте в психике индивида начинают проявляться определенные черты, ранее ему, в общем-то, не свойственные. Но это уже более-менее понятно и объяснимо. Потому как любая получаемая информация в той или иной мере постепенно изменяет сознание индивида. Причем носят подобные изменения как положительный, так и отрицательный характер.

Другими словами, со временем каждый индивид может стать или искусным злодеем, или положительным героем. Но почти никогда он уже не будет до конца честным и открытым. И это уже скорее вынужденная мера, своего рода защитная реакция, исходящая из приспособляемости индивида к условиям окружающего мира. Мира, живущего по законам выживания. Когда более слабый практически всегда будет подчиняться более сильному. Потому как более сильные всегда будут стремиться установить над слабыми свой контроль.

В вопросе манипулирования индивидов друг другом мы должны обратить внимание на то обстоятельство, что сами индивиды фактически стремятся к подчинению или порабощению по отношению друг к другу. Потому как исходит подобное положение исключительно из законов человеческой психики, являясь основным его свойством (направленным также на выживаемость видов). Это ни плохо, ни хорошо. Подобное следует воспринимать как факт.

Ну и, наконец, вопросы о каких-либо изменениях в сознании, вопросы самого сознания, находящиеся в плоскости нашего исследования, по всей видимости, никогда до конца не могут быть раскрыты и изучены. Несмотря на общность законов в человеческой психике, все равно следует иметь в виду, что каждому индивиду присущи свои, индивидуальные особенности. И в каждом конкретном случае необходимо как минимум делать корректировку на них.

Глава 41. Влияние на манипулирование массовым сознанием опыта тюремных заключений как фактора филогенетической (архетипической) составляющей бессознательного.

1. Введение
2. Два вида масс: ЗЭКи и «законопослушные» граждане. Схожесть и отличия. Манипулятивные функции управления
 - 2.1. Символические составляющие тюремных (лагерных) законов как способ управления массой
 - 2.2. Символика советской (российской) действительности общества «законопослушных» граждан
 - 2.3. Управление массами двух типов (ЗЭКи и «законопослушн. гражд.). Отличия и точки соприкосновения
3. Филогенетические схемы опыта тюремного прошлого — в контексте формирования бессознательного
 - 3.1. Структура формирования бессознательного
 - 3.2. Филогенетические законы формирования бессознательного
 - 3.3. Тюремный опыт как основа филогенетических схем влияния (формирования) бессознательного

1. Введение

России, ставшей правопреемницей Советского Союза, помимо всего прочего достались и те филогенетические механизмы, которые в качестве архетипических составляющих бессознательного характеризуют это самое бессознательное бывших советских граждан. Нам достался поистине богатый опыт. Но суть богатства различна. С одной стороны, это, безусловно, и некоторые позитивные аспекты, которые мы можем наблюдать в бессознательном российских граждан и которые продиктованы компенсаторным влиянием детских сказок, басен, того, что (без сомнений) закладывалось в наше подсознание не только с детства, но и с точно такого же детства наших родителей, бабушек, дедушек, прабабушек, прадедушек...

Т. е. своеобразная «смена поколений» в данном случае проходила довольно-таки своеобразным образом. И те варианты отыгрывания, которые характеризуют наш (собственный) опыт детства, сдвигались и дополнялись своего рода генетической памятью других поколений или как называл это Фрейд, филогенетическими схемами (механизмами) бессознательного. (У Юнга — архетипы коллективного бессознательного.)

Однако помимо возможных положительных аспектов «опыта предков» в бессознательном советских (и, бесспорно, российских) граждан сформирован и некий негативный опыт. Правда, негативность его понятие весьма относительное. И оценка зависит, прежде всего, от того, под каким углом зрения представляется нам данная проблема (которая и проблемой или не проблемой является также для разных людей).

Но все же этот самый «опыт» может действительно нести в себе некий «негативный» оттенок. Который, впрочем, не только базируется в подсознании, но и лежит там неким «мертвым» грузом.

И тогда уже вопрос: как активировать этот пласт бессознательного?

А «активируется» он достаточно просто. Необходимо лишь отыскать своеобразные «рычаги воздействия». И тогда — в зависимости от цели «властителей» — вполне можно влиять на сознание масс (управляя ими), и именно в том ключе, который наиболее всего подходит к подобного рода разделу бессознательного.

Задействуя подобные механизмы, возможно управлять значительными массами, прошлое которых, так или иначе, связано с проведением определенного времени в местах лишения свободы. Но суть вопроса в том, что это затрагивает всех без исключения граждан нашей страны.

Ведь к массе «непосредственно сидевших» прибавляется и определенный процент их родственников (волей обстоятельств вынужденных «обогащать» собственное бессознательное уголовным опытом²⁶. А у них, в свою очередь, — тоже есть определенный круг общения, среди которого распространяется информация об уголовном наказании, — «знакомых знакомых». (Стоит прибавить еще радио, телевидение, печатные СМИ — распространители подобного рода информации.)

Таким образом, мы не только можем говорить, что бытующая в русском народе поговорка «От тюрьмы да от сумы не зарекайся» имеет под собой вполне осознанную подоснову, но и «тюремно-лагерный» опыт прочно сидит в нашем бессознательном. А значит, с ним и можно «работать».

2. Два вида масс: ЗЭКи и «законопослушные» граждане. Схожесть и отличия.

Манипулятивные функции управления

2.1. Символическая составляющая «тюремно-лагерных законов» как способ управления (подчинения) массой

Как известно, за время существования советской власти тюремный мир выработал свои нормы и модели поведения. Базирующиеся, заметим, на собственной отличимости от обычного («законопослушного») общества.

Связано это в первую очередь с тем образом жизни, который вели «уголовники», находящиеся в постоянном конфликте с законом, а значит и угрозой ареста.

Даже несмотря на то, что подобная жизнь уже служит образованию тревоги (и где-то подсознательному чувству вины за совершенное), это тем не менее некий вариант — большей частью, сознательный пласт — понимания подобного вопроса.

²⁶ Напомним, что в бессознательное закладывается любая информация, которая была нами когда-то увидена или услышана...

На самом деле, как нам представляется, есть более скрытые (подпороговые, сублиминационные) модели необходимости подобного поведения. И продиктованы они, исключительно архаичным укладом психики заключенных (а под заключенными мы имеем в виду, как настоящих ЗЭКов, так и бывших) и, уже отсюда, корректировкой способов управления ими.

Как мы заметили, психика заключенных (особенно находящихся в пределах мест) носит архаичный характер. Значит, в управлении ей вполне могут быть задействованы манипуляции сознанием (а еще точнее — подсознанием), описанные еще Фрейдом²⁷.

Однако мы к этому вернемся несколько позже, а пока попробуем рассмотреть символику, которую использует в общении между собой уголовный мир.

Как известно, во главе преступного сообщества (будь то банда, тюрьма, колония...) находится своеобразный лидер. Он может называться «пахан», «смотрящий», «вор в законе» (в зависимости от мест пребывания. Например, во главе зоны обязательно должен быть «вор в законе». Если его нет, обязанности принимает на себя «смотрящий», назначаемый исключительно воровским сообществом и рекомендованный «на эту должность» известным и уважаемым «вором»).

На данное лицо возложены функции управления, слежения за порядком, пополнения «общака» (если в тюрьмах — то им специально назначается «смотрящий за дорогой», т. е. тот, кто будет отвечать за «коней» — уголовную почту; связь налажена между всеми камерами). «Воры в законе» («смотрящие» зачастую люди среднего и старшего возраста²⁸,

27 «Тотем и табу», «Психология масс и анализ Я», «Будущее одной иллюзии», «Недостатки культуры», «Моисей и монотеизм», «Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование» и проч.

28 Встречаются и молодые. Но ситуация несколько «омрачилась» появлением в «перестроечные» и особенно в постперестроечные времена т. н. «апельсинов» — «скороспелых» воров в законе, быстро перенявших новое время — и «купивших» титул. Тогда как раньше, (в советские времена), проходила определенная церемония назначения. Сначала — «рекомендация» авторитетного «вора», потом, — «утверждение» на воровской сходке. (Причем, количество

умные, расчетливые, хитрые, хладнокровные, воля и актерские способности которых позволили лавировать среди уголовно настроенных сограждан, остаться в живых, избежать многочисленных «подводных» камней уголовного мира и выбиться на вершину, стать лидерами.

Далее в уголовном мире идет цепочка — своеобразная иерархическая лестница, заканчивающаяся «блатными» (отрицательно настроенными ЗЭКаами в местах лишения свободы, не подчиняющимися законам, установленным администрацией колонии) и «мужиками» («рабочими пчелами» колонии, обеспечивающими безбедное существование «блатным»). Есть также и каста «опущенных» («петухи», пассивные гомосексуалисты), «чертей» (своеобразных «бомжей» зоны, не следящих за собой, изгоев, с которыми — так же, впрочем, как и с «петухами» — запрещено общаться; считается «западно»²⁹).

Уголовный мир выбрал и своеобразную (собственную) символику. Связана она, как мы уже заметили, с необходимостью управления подобного рода массой со стороны лидеров преступного сообщества³⁰.

Прежде всего, это сплоченность в единую массу, группу, стаю... это то, что позволяет управлять авторитету (вору в законе, смотрящему) остальными заключенными. Иерархия «Воров...» должно быть не меньше 3-х; и все они должны были иметь всесоюзный уровень).

29 Единственно — «петухов» все же используют (за «умеренную плату» — где сигарета — где пачка сигарет, горсть чая — на «чифирь», и т. п.) для удовлетворения сексуальных потребностей. Подобный род сексуальных отношений практикует до 80% «мужиков» (охотно включающихся «в игру» и тогда как на воле — вряд ли кто из них использовал подобную форму сексуальных отношений), и почти все — «блатные». Причем, подобный процент среди блатных — связан в первую очередь с ориентацией на уголовный образ жизни; а значит — и безоговорочное принятие всех его законов. Имеет место — и «подражание», быть «как все». Причем любопытно, что — партнер, выступающий в роли «мужчины» — конечно же, гомосексуалистом не считается. Таковы — законы тюрьмы и зоны. Кстати, в последнее время — после падения советского режима — «за деньги» — и в тюрьму и в зону — появилась возможность проводить женщин — проституток. Риск — но встречается.

30 Мы опять же не имеем в виду т. н. бандитские структуры. Уголовные «понятия» в них весьма размыты и соблюдаются только в некоторых точках соприкосновения с «воровскими».

соблюдается незыблемо. Это основной закон: никто не должен делать что-то, что не предписано неписанным законом зоны, «понятием». Отступников наказывают. Наказание может быть различного рода. От банального физического (побои, запугивания угрозы физической расправы, смерть) до извращенно-интеллектуального: пустить слух о «крысятничестве» (воровстве у сокамерников, что является серьезным нарушением) вплоть до «опускания» — перевода в разряд «опущенных» («петухов») и смерти сотрудничестве с администрацией (меры наказания вплоть до смерти), просто — на первое время — избить (если не поможет «предварительный разговор по душам») и т. п.

Другими словами, перед нами представлена вновь демонстрация своего рода архаичного (первобытного) уклада психики, где существуют определенные законы (подпитываемые страхом физической расправы), есть табу (нормы и запреты, нарушение которых чревато нежелательными последствиями), а также зачастую четко очерчен образ врага (милиция, «контролеры» — охранники, конвоиры, работники администрации колонии). Образ врага провоцирует развитие тревоги — внутренней тревожности. А значит, и служит сплочению ЗЭКов в массу (создающую видимость избавления от страхов; создающую уверенность в собственной безопасности). Кстати, внутри единой массы существуют и так называемые «семьи». (Сексуальная подоплека здесь ни при чем). «Семьи» могут создаваться (формируются) по национальному признаку, по землячеству и т. п. и обычно состоят из 2—3 и больше осужденных, которые держатся вместе, «столуются» (совместный стол, «передачи» — продукты, сигареты, чай — делятся поровну) и защищают друг друга от врага («наездов» других заключенных и проч.

В данном случае мы кратко рассмотрели механизмы формирования массы со стороны «отрицалов» (уголовников, «блатных», не признающих законы администрации лагеря).

Однако весьма любопытным будет проследить и те возможности, которыми пользуется администрация колонии.

Во главе колонии (в советские времена было четыре режима: общий, усиленный, строгий и особый) стоит начальник лагеря, «хозяин» — как зовут его заключенные.

Законы ГУИН (главное управление исполнения наказаний) по содержанию в исправительных учреждениях направлены также на формирование единой (обезличенной) массы. Одним из факторов, объединяющих ЗЭКов в такую массу, служит страх. В данном случае администрация, не мудрствуя лукаво, всячески демонстрирует, что есть враг. И этим самым «врагом» (образ врага), которого надо бояться является она сама. В ином случае будут применены механизмы подавления воли. Главное (для власти) — сломать осужденного, продавить его волю, сделать его рабом; на это бросается весь аппарат фискальных органов, от следователей и оперативных работников до таких же заключенных, «отрабатывающих» перед администрацией лагеря свои бывшие «проколы». Причем зачастую «репрессии» (пытки) начинаются еще при задержании, помещении в СИЗО (следственный изолятор), тюрьму (когда вы еще не осуждены, а только находитесь под следствием, и, в принципе, вина ваша пока еще не доказана судом).

Например, вас могут посадить в «стакан» (одиночную камеру, где вы уместитесь только в скрюченном состоянии и по горло будете сидеть в ледяной воде с хлором. Или подвешат за руки и будут бить дубинками по пяткам. Но даже если и «по счастливой случайности» вы избежите этого, то сама обстановка, созданная администрацией тюрьмы, кажется, направлена на все, чтобы лишить вас человеческого достоинства. (Т. е. перед нами процесс инициализации, лишения «Я», превращения в массу). Начиная от камер где спят в 2–3 смены потому что переполняемость в несколько раз, стоит спертый воздух, всегда накурено — помещение не проветривается, помыться практически невозможно (разве что «на дальняке», забравшись «на парашу» — ополоснуться), радио орет на максимальную громкость, и все на виду. Спрятаться (и побыть наедине) ни в тюрьме, ни в колонии невозможно. На вас все время смотрит сотня глаз. В любой момент вы должны «следить за базаром» (контролировать слова), потому как мат или двояко сказанное слово может «выйти боком»; и это притом что специфика нахождения в одном помещении нескольких десятков, а то и сотен людей (особенно находящихся в «подвешенном» состоянии — в ожидании приговора) просто вынуждает в качестве «защиты от скуки» постоянно придумывать новые занятия, и нардами, шахматами да картами дело не ограничи-

ваются. Вы можете «попасть в поле зрения» решившего над вами поиздеваться «беспредельщика» (определенная категория заключенных, которая игнорирует «воровские» законы, унижая других заключенных, избивая их, может даже — ни за что — «опустить», тогда как «по понятиям» подобное не допускается, должна быть серьезная причина, чтобы избить, унижить человека). Кроме того, в камерах происходят периодические (внезапные) «шмоны» (обыски), как положено, — с собаками и немотивированными избиениями, заключениями «на кичу», что и так усиливает общую тревожность, которая создается общей «подвешенностью» состояния — ожиданием приговора. Это выматывает зачастую намного сильнее, чем условия содержания. И администрация, конечно же, это знает. И ловко играет на этом, усиливая эффект «присутствия» и добиваясь — благодаря этому — «признаний». Зачастую — «в несуществующем» (процент невинно осужденных в наших колониях традиционно достаточно высок). Также администрация всячески старается вызвать (и самими условиями изоляции это с легкостью достигается) у подсудимых (большей частью) и осужденных (меньшей, но тоже присутствует) чувство вины. (Причем, главным образом, не вины, перед потерпевшими, «терпилами») Те, кто поддается — начинает «копаться» в себе, — моментально сникает. Их воля легко подавляется. И вполне проявляется то, что Фрейд называл танатос, желание смерти. (Кстати, поэтому в СИЗО запрещены предметы, которые могут привести к самоубийству: из обуви вынимаются шнурки, «мойки» (лезвия), вилки, ножи и т. п. запрещены. Алюминиевые миска и ложка — столовый набор ЗЭКа.

Кроме того, администрация достаточно активно применяет «метод кнута и пряника». Ужесточением (избиениями, помещением в БУР), лишением — часто немотивированным — свиданий³¹, передач, писем (раньше — в советс-

31 В зонах положены «короткие» (краткосрочные) свидания — (через стекло — по телефону), и длительные — с проживанием 1, 2, 3 суток в специально отведенных помещениях, куда «запускаются» (после предварительного обыска и ЗЭКа, и родственников, — список запрещенного — вывешен в нескольких местах перед входом) десяток зэка с семьями (свидание положено только с родственниками, с обязательными проверками документов, предоставлением необходимых справок, разрешений и т. п.), каждой «семье» отводится по комнате (в зависимости от числа приезжих — с одной, двумя, тремя кроватями — и соответствующим объемом комнат; но обычно

кие времена — переписка была ограничена) и т. п. и поощрением (возможностью попасть «на больничку», на более легкую работу (например, в хлеборезку), получить отпуск (начиная с горбачевских времен стали практиковать отпуски домой), попасть «на расконвойку», «химию», УДО (условно-досрочное освобождение) и проч.

Таким образом «хозяин» (начальник колонии, тоже своего рода «вождь» или, лучше сказать, «отец») может управлять вверенной ему массой.

Вернувшись к вопросу уголовной символики, конечно же, следует назвать и татуировки («портачки», как называют их ЗЭКи). Татуировки — это, бесспорно, символ, по которому прочитывается принадлежность ЗЭКа к определенным тюремным кастам, выражается отношение к другим заключенным (особые татуировки «опущенных», воров в законе...), отношение к жизни в обществе, к женщинам, к чести, совести, мужеству, роду занятий, «специализации» в уголовном мире, количество «ходов», лет, проведенных за решеткой, нахождение на «малолетке» (колонии до 18 лет, с еще более жесткими законами, чем на «взрослых» зонах, с до сих пор сохранившимися «прописками» и беспределом) и т. п.

Например, звезды на плечах (означающие буквально «никогда не надену погон») характеризуют отрицательно настроенных (к порядкам администрации лагеря) осужденных. К этой же серии относят и звезды на коленях («никогда не стану на колени»), голова — оскал — тигра («отрицательно настроен к власти, к режиму, способен дать отпор, постоять за себя»), голова кота (символ удачи, осторожности), нож в руке («баклан», хулиган) и проч.

Однако следует заметить, что в последние (постсоветские) времена отношение к татуировкам изменилось. Если раньше ее мог носить только тот, кто подвергался уголовному наказанию (за исключением специфических татуировок, рас-

«больших» комнат — 1 — 2; остальным приходится ютиться, — но никто «в обиде», конечно же, не бывает), на всех — единая кухня (4, 5, 6 конфорок и несколько разделочных столов), один большой — обычно длинный, вдоль комнат — коридор, и,-- иногда (т. е. в отдельных колониях), — совместная комната — что-то типа красного уголка — отдыха с телевизором, диваном и креслами).

пространенных в Советской армии), и только в соответствии с принадлежности к той или иной тюремной иерархии (никто не мог «колоть» татуировку вора — если вы «баклан» или мошенник), — иначе (при попадании за решетку за нее приходилось «отвечать» (заставляли зачищать кожу кирпичом, обжигать кислотой, выжигать спичками, срезать..., а могли и просто «опустить» или убить), то начиная с объявленной Горбачевым перестройки — и особенно в наши дни — татуировки делают себе все кто угодно. И, вероятно, как особый апофеоз, переносимые и смываемые татуировки подростков.

2.2. Символика советской (российской) действительности общества «законопослушных» граждан

Пожалуй, данная тема уже достаточно проработана (и освещена) Владимиром Александровичем Медведевым и Яной Дубиковской. Поэтому отсылаем читателя напрямую к работам Медведева («И как один умрем в борьбе за это... Психоанализ символики советской культуры» и т. п.) и Дубиковской («Стоп. Кадры!» и др.).

Единственно, что позволим себе, — кратко перечислить основное.

Итак, как верно заметил Медведев, важный фактор советской культуры — ее посттравматический характер. «... Эта культура невротическая, замечает он, регрессировавшая к мироощущению младенца в результате шокового травматического переживания... Культура эта носила естественный характер, ее никто насильно не внедрял, масса воспроизводила ее в фобийных фантазиях и избрала себе тех лидеров, в данном случае — большевиков и, поначалу, левых эсеров, которые наиболее адекватно персонифицировали ее активные инеосознаваемые запросы»³².

Медведев замечает, что в советской культуре становится значимым «образ врага», враждебного окружения. А значит, — для совместного противостояния агрессии люди сплачиваются в массу. «...Враждебный агрессор является необходимым внут-

32 Медведев В. А. И как один умрем в борьбе за это... Психоанализ символики советской культуры // Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. Т.2. СПб., 2004. С. 15-17.

ренним элементом советского мифа», — замечает Медведев³³. Потому, по его мнению, получил рождение универсальный миф — «миф об империализме». «Империализм,— замечает Владимир Александрович, — представлял собой постоянно активный центр фрустрации, само существование которой обосновывало необходимость принятия принципа реальности (т. е. системы лишений и добровольных отказов) для массы советского типа, идеологически ориентированной на торжество принципа удовольствия («наша цель — коммунизм!»). Символически империализм выражался несколькими фигурами, фобийное подключение к каждой из которых зависело от степени защитной регрессии массы»³⁴.

Далее, как верно замечает Медведев, в советском обществе создавался «особый тип организации власти»³⁵. Были уничтожены промежуточные властные пирамиды. Достаточно верно замечено Медведевым о еще одном пласте советской культуры — культуре воинственного сиротства. (Главной фигурой является Павлик Морозов, «советский Эдип, который убил собственного отца... не для того, чтобы овладеть матерью, а для того, чтобы слиться с массой...»³⁶.)

И поистине гениальная находка Медведева (достаточно много объясняющая) — особый характер «жертвенности» советской культуры, советского человека³⁷. Сюда вполне можно отнести и подвиги Гастелло, Талалихина, Матросова, Павла Корчагина...

«Жертвенность культуры советского типа, — замечает Медведев³⁸, — базируется на чувстве вины, но не на чувстве вины иудео-христианского мифа. Там чувство вины — «первородный грех» — связано с тем обстоятельством, что у тебя была мать, ты привязан к ней симбиотическими узами и не можешь до конца от них избавиться в мире отцов. В советской культуре все иначе: здесь первородная привязанность к матери полностью реабилитирована. Родина-мать — это святое... Чувство вины возникает за то, что у тебя был отец, какой-то другой отец, а не только великий Отец-Герой». И по-

33 Там же. С. 19 — 20.

34 Там же. С. 20.

35 Там же. С. 23.

36 Там же. С. 24 — 25.

37 Там же. С. 25.

38 Там же. С. 25 — 26.

тому сознательно готовы были ожидать нападения внешних агрессоров (внутренних и так хватало), чтобы («Если завтра война, если завтра в поход...») начать отыгрывать фантазии, которые внедрялись в подсознание масс.

Однако коммунисты пошли значительно дальше. Чтобы закрепить подобную симптоматику у поколений (а, как верно заметил Медведев, «если более трех поколений деятельно воспроизводят некий миф, он становится реальностью, т. е. закрепляется филогенетически... становится плотью и кровью социума, и избавиться от него в обозримой исторической перспективе практически невозможно»³⁹, необходимо было ввести ее в структуру сказок (см. более чем блестящий анализ сказок нашего детства, выполненный Медведевым в работах: «Отречение от решета: архетип сиротства в русской сказке и российской судьбе» и «Российская архетипика в зеркале народной сказки»⁴⁰), создать соответствующую модель идеологии, символики — таким образом, чтобы «...сделать имперский миф и его фобийные символы органичными человеку, чтобы он их искал и подключался сразу же к ним, а когда их нет, чтобы он их создавал, спонтанно их генерировал»⁴¹.

Вернувшись к символике советской культуры (и настоятельно рекомендуя прочитать работу Медведева «И как один умрем в борьбе за это... Психоанализ символики советской культуры»⁴², отметим особый символизм «демонстрации».

«...Любая "демонстрация" — замечает Медведев⁴³, — это всегда некий эксгибиционистский акт, в ходе которого возникает возможность проявить, символически отыграть скрытые, неосознаваемые желания. Главный смысл "демонстрации" от-

39 Там же. С 17.

40 Медведев В. А. Отречение от решета: архетип сиротства в русской сказке и российской судьбе // Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. СПб., 2004. т. 2. С. 126 — 170. и Российская архетипика в зеркале народной сказки// там же. С.171 — 181.

41 Медведев В. А. И как один умрем в борьбе за это... психоанализ символики советской культуры // Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. СПб., 2004. т.2. С. 29 — 30.

42 Там же С. 10-62.

43 Там же. С. 41-42.

крывается той реакцией, которую она провоцирует... Советские демонстрации в этом смысле парадоксальны. Катарсис испытывается массой... (когда) масса становится актером, символически демонстрируя свои тайные желания и явно ожидая некоей реакции на свое поведение... В ходе самой демонстрации в ответ на инфантильный призыв массы к проявлению родительской воли вожди обязаны были выдавать сугубо фрустрационную модель поведения. Они появлялись на трибуне Мавзолея, выстраиваясь в соответствии с рангом верховного членства, и застыли в неподвижности, периодически покачивая головами... классическая ситуация отзеркаливания запроса подчеркивалась еще и тем ритуальным обстоятельством, что масса обязана была пронести мимо вождей их же собственные портреты...». Медведев также подробно разбирает символику молодежных формирований советского времени. Не повторяясь, отсылаем вас к его статье «...символика советской культуры».

Также к символике советской культуры безусловно относится и партийное собрание (и собрание трудового коллектива, подробный психоанализ которого можно прочитать у Яны Дубиковской на ее сайте или в книге «Стоп. Кадры!»⁴⁴). Как замечает Медведев, партийное собрание — это «верхушка... ритуальной пирамиды»⁴⁵. Не останавливаясь (и отсылая всех к уже упомянутой статье), мы лишь кратко перечислим векторы глубинно-психологической действительности символики и ритуалистики советского партийного собрания.

Это и «мистерия приобщения членов партии к единому истоку... существования, к жертвенной идеологии советского мифа», и перманентное поминание (в душах советских людей Ленин должен был ежедневно воскрешаться), и партийная атрибутика, и «Доска почета», и т. п.⁴⁶

44 Персональный сайт Дубиковской.

45 Медведев В. А. И как один умрем в борьбе за это... психоанализ символики советской культуры // Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. СПб., 2004. т.2. С.50.

46 Там же С. 51-64.

2.3. Управление массами двух типов (ЗЭКи и «законопослушные» граждане).

Отличия и точки соприкосновения

Мы, главным образом, уже перечисляли (в соответствующих разделах) механизмы управления подобными массами. В данном случае следует лишь как-то структурировать полученные выводы.

Итак, общие точки соприкосновения в управлении двумя (данными) типами масс — это:

- 1) единый вождь (лидер, генеральный секретарь, пахан, вор в законе, «хозяин» — начальник лагеря или тюрьмы);
- 2) единые механизмы управления посредством формирования основанные на:

а) образа врага (и, конкретно, враждебного окружения: будь то империалистический агрессор, «менты», администрация колонии, другие ЗЭКи...).

б) чувства вины (в советском обществе, например, вождь, «отец», Ленин — «умер за нас, а мы живем»; Сталин — «думал за всех, беспокоился, значит, и мы должны оправдать его доверие» и т. п.; в среде заключенных — то же самое в отношении «пахана» и других ЗЭКов. Ведь он так же «делает все, чтобы другим ЗЭКом в колонии жилось сносно — приемлемо, как дома.⁴⁷

в) чувства тревоги (у ЗЭКа — сама обстановка заключения, фактор непредсказуемости, неожиданности, возможность в любой момент «попасть в немилость» со стороны администрации или других ЗЭКов; в советской культуре «законопослушных» граждан — империалистический миф; страх «жить лучше, чем другие», что означало «попасть на крючок» соответствующих органов (КГБ, МВД, ОБХСС...);

⁴⁷ Недаром камера в тюрьме — на блатном жаргоне — называется «хата». А одна из форм т. н. «прописок» — когда при входе в камеру лежит белое полотенце, и другие зэка смотрят за реакцией вновь прибывшего. Новички — («первоходы», от слова «ходка») — переступают, боясь запачкать. Опытные зэка (случайно попавшие «под эксперимент» с «пропиской» — обычно, еще до того, как человек заходит в камеру — информация о нем, поступившая по тюремной почте, уже имеется) — вытирают ноги, отшвыривая — мол, что это вы, братва, — «бродягу» не узнали? Я — домой пришел!».

3) схожая символика и атрибутика. Воровские сходки, «разборы», собрания, «демонстрации»... Кстати, для ЗЭКов формой «демонстрации» можно считать построение — утром, перед «разводом» на работы, и вечером, после работы, перед возвращением с рабочей зоны, «промзоны», в жилую и дальнейшим размещением по корпусам — когда вас «пересчитывают», зачитывая — как в армии — какие-то требования администрации и т. п. К схожим символикам можно отнести и «Доски почета» (в колониях — фотографии и списки фамилий «активистов» вывешивают на видное место, являя пример для остальных тех, кто «стремится трудом искупить свою вину»);

4) формы стимулирования. В обычном обществе (тех, кто «еще не сел») — партийный билет (в партию было не так просто вступить), различные специальные поликлиники, возможность получения дефицитных товаров, путевок в санатории-пансионаты и т. п.. Сродни ЗЭКа — УДО, отпуск, досрочные «свидания» и т. п. — от администрации; свою долю «от общака» (для поддержания сил и для тех, у кого нет родственников, а значит, не от кого получать «передачи»), возможность подняться вверх по иерархической уголовной лестнице — стать «жуликом», «смотрящим», «вором в законе» и т. п. — в уголовной среде.

Что же касается различий в управлении двух (рассмотренных нами) масс, то они весьма специфические и практически не выходят за рамки тех основ прикладной глубинной психологии, которые заложил еще Зигмунд Фрейд.

3. Филогенетические схемы опыта тюремного прошлого в контексте формирования бессознательного

3.1. Структура (формирования) бессознательного

Подобное уже отмечалось нами в ряде собственных работ о структуре бессознательного. Поэтому перечислим лишь основные моменты.

Бессознательное формируется определенным (и, по сути, бесхитростным) образом. Любая информация, которая когда-то проходила мимо нас (могла быть нами увидена, услышана, прочитана и т. п.) прямым образом отправляется в бессознательное. И при определенных условиях может быть извлечена обратно.

3.2. Филогенетические законы формирования бессознательного

По мнению Фрейда (и Юнга; теория о коллективном бессознательном), в нашем бессознательном находится не только информация, полученная индивидом при жизни, но и т. н. нуминозный опыт (по Юнгу), опыт предшествовавших поколений.

Все то, что было накоплено цивилизацией (многими поколениями людей), находится в бессознательном каждого индивида. И точно так же (при определенных условиях) может быть извлечено наружу.

3.3. Тюремный опыт как основа филогенетических схем влияния (формирования) бессознательного

Итак, мы приблизились, пожалуй, к самому интересному. Правда, подобного рода «интерес» мало хорошего способен дать как нам (бывшим советским гражданам), так и будущим поколениям (потенциальным гражданам Российской Федерации). И заключается этот самый интерес в своего рода филогенетической памяти поколений, несущих в своем подсознании (бессознательном) особого рода травму, связанную с опытом репрессий (любого рода) или — если уж напрямую — опытом тюремно-лагерных заключений.

Даже если никто из нас (или наших родственников) не был в заключении, все равно волей-неволей (неволей или волей нашей российско-советской действительности) мы имеем вполне сносное (у кого-то больше, у кого-то меньше) представление о жизни «за решеткой». Тем более (недавний «опыт» с Ходорковским), надо обладать совсем «нездоровым» самонне-

нием, чтобы «зарекаться» от подобного. Никто (абсолютно никто, вспомним высказанные мысли и огромное подсознательное желание новых руководителей ряда бывших республик уголовных преследований в отношении своих предшественников) не может быть уверен, что его жизненный путь на определенный срок не омрачит пребывание «в местах не столь отдаленных». А опыт советской действительности (когда в одночасье сажали или расстреливали не только рядовых граждан, но и руководителей государства, министров, членов политбюро и их жен, родственников) вообще висит дамокловым мечом над каждым из нас. Тюремный опыт прочно сидит (каким-то отдельным — сформировавшимся — пластом) в нашем бессознательном. Формируя определенные страхи, тревожности, беспокойства и позволяя — при случае — «надавить» в нужную сторону (задействовав определенные механизмы влияния на бессознательное), чтобы добиться эффекта подчинения. Манипуляции. Манипуляции — над массами бывших советских (ныне российских) граждан. Своего рода «правопреемниц» негативного опыта тюремно-лагерных заключений, формирующих наше бессознательное. Коллективное бессознательное. Или — филогенетическую память.

И надо только знать как активировать режим фобийной симптоматики, до времени скрытый в каждом из нас.

Глава 42. Кинематограф и литература. Единство и борьба противоположностей в контексте влияния на подсознание

На самом деле, быть может, и проблемы такой не существует. Вернее, совсем нет между литературой и кинематографом противостояния. Потому как — уже почти изначально — они оказывают совсем даже общее влияние на психику. В первую очередь, конечно же, «атакуя» бессознательное. И вот уже в этой (состоявшейся?!.. несостоявшейся?!..) атаке на подсознание, замечаем мы, вероятно, используется совсем даже иной калибр... Ибо восприятие (как и получаемое воздействие) весьма разное.

Но тогда какое же оно, это восприятие? В чем выражается? Сможем ли мы — снимая завесу над тайной — хоть как-то действительно влиять на величину этого самого воздействия?!..

Скажем сразу, что, быть может, перед нами во всей своей метафорической красе проявляется уже изначально выраженный дисбаланс, заключающийся в силе восприятия (осознания) действительности... Например, почти тотчас же становится понятно (стоит только окинуть взглядом эти две вершины противопоставления), что кинематограф, в некотором роде, как бы заранее имеет «более выигрышные» позиции. Причем при более внимательной оценке понимаешь, что здесь почти исключительно только численное преимущество. По расстановке, так сказать, шахматных фигур на доске. (Ибо если допустить подобную метафору, окажется, что в кинематографической команде, на первый взгляд, например, штат значительно выше. Это и сценарист, и режиссер, и оператор, и автор музыки, и актеры, иные, быть может, «менее значимые» сотрудники, но без которых конечный продукт (сам фильм) был бы никак невозможен).

Тогда как в подобном противопоставлении у литературы только один важный персонаж — автор. Но так как и фильм иной раз значительно проигрывает, если демонстрируется на любительской пленке, точно так же и рукописный, — а то даже и не отпечатанный на машинке, текст воспринимается иначе, чем, например, набранная в типографии книга. И уже в этом случае «штат» (до того состоящий из одного лишь автора) неким странным образом возрастает (появляются редактор, корректор, наборщик и т. п., как будто бы уже и «независимые» сотрудники).

И уже в итоге если и следует нам проводить некакую параллель между литературой и кинематографом, то в первую очередь следует обращать внимание на уровень (в плане силы) воздействия на подсознание.

И вновь кинематограф оказывается в более выигрышном положении.

Попробуем рассмотреть и кинематограф, и литературное произведение в плане воздействия на подсознание.

Итак, кинематограф.

Контакт нашего подсознания со смысловым значением фильма происходит на нескольких уровнях. Задействуются различные органы чувств, а именно зрение и слух. Причем, в отличие от книги, где первоначальный (и почти только единственный, если мы берем во внимание сенсорное вос-

приятие у людей, имеющих ограничение по зрению) контакт происходит только со зрением и получаемая таким образом информация рождает, в свою очередь, воображение (которое затем смешивается с содержанием того бессознательного, что существует у каждого из нас порой в немыслимых объемах, — один коллективный опыт человечества чего стоит!), в варианте с кинематографом, казалось, та же самая информация, получаемая зрением, на самом деле выражена в совсем даже иной форме, т. е. перед нами уже некая единая картинка. И образы, которые в литературе (посредством преобразованных букв — слов — предложений) еще только должны родиться в этом варианте уже сформированы. А значит, процесс адаптации этой (новой) информации подсознанием будет происходить значительно быстрее.

Причем воображение включается точно так же. Но вот между ним и первоначальным контактом с базовой целью есть еще одно, дополнительное звено. Которое опять же (учитывая, безусловно, только высокопрофессиональные фильмы, как и высокохудожественную литературу, о меньшей говорить не стоит хотя бы потому, что там уже действуют иные «правила игры») имеет свое, порой неоценимое, значение.

Ко всему прочему порой значительно «усиливает» фильм, оказывая дополнительную поддержку в плане восприятия, создавая дополнительный эффект и т. н. «музыкальность» фильма. (Что, кстати, заранее исключается при чтении литературно-художественного произведения. Разве что это будет прослушивание передачи — чтение — по радио. Или вы будете читать, музыку самостоятельно. Но надо помнить, что эффект в этом случае зачастую может быть даже обратно пропорционален ожиданию. Ибо несвязанные между собой текст и музыка по форме оказываемого воздействия, т. е. трансформации в восприятии психикой, будут не только, как в варианте с фильмом, не делать «одно дело», а даже наоборот — друг другу же и мешать.)

Но, как мы уже заметили, как раз в кинематографе музыка значительно усиливает т. н. эффект ожидания. И тогда уже наше воображение «включается» намного быстрее. Да и само воздействие на подсознание значительно больше. Ибо тогда, когда в варианте с литературным произведением нам еще только предстоит обработать новую информацию, тогда, когда еще

только ожидается «контакт» этой новой информации с той, что находилась ранее в бессознательном (после чего, собственно, и возможна некая трансформация, в результате которой две информации — старая и новая смешиваются, вытягивая за собой ассоциативный ряд оказывающий воздействие на психику), в варианте с кинематографом хоть и происходит нечто подобное, но в роли «усилителей» выступают уже, как мы заметили ранее, музыка и образы актеров, в чертах и поведении которых мы иногда (подсознательно) угадываем знакомое нам поведение некоторых виденных когда-то людей; и тогда уже все это вместе взятое действительно значительно усиливает эффект ожидания. (Тем более если еще и режиссер, желая дополнительно усилить эффект, вводит в действие новых, не знакомых нам актеров. Тем самым строит дополнительный дисбаланс между вымыслом и действительностью, заставляя иной раз принимать первое за второе.)

Вряд ли на это способна литература. Не потому ли и Набоков — а уж он как никто другой способен был воздействовать на наше подсознание образами героев своих произведений — так ценил кинематограф! Тем более если внимательно читать его произведения, то словно начинаешь сам создавать, режиссировать фильм. Ибо постоянно находишься в плену его фантазий, иной раз демонстрируемых нам по типу прокручиваемой киноленты. Когда, попадая под действие транса, (то ли от его таланта, то ли от силы воздействия словом), на миг забываешь, что ты всего лишь одинокий читатель; ибо приходит и ощущение сопереживания героям, и ощущение проживания жизни вместе с ними.

Но это Набоков. Гений способен и не то делать с психикой читателей. Но если перед нами фигура чуть меньшего масштаба (а перед ним, к сожалению, остальные всегда будут находиться где-то хоть на шаг но позади), то тогда уже кинематограф значительно вырывается в опережение. И никакое литературное произведение (по силе своего воздействия на подсознание читателей) угнаться за ним не в силах.

Тем более если мы уж вспомнили Набокова, то следует вспомнить и его разделение на плохих и хороших читателей. Но ведь хороших-то изначально и значительное меньшинство. А для тех, кто не умеет так, как эти т. н. хорошие читатели, понимать литературное произведение, кинематограф оказы-

вается и вовсе незаменим! Ибо требует значительно меньшего зрительского таланта (уж совсем об его отсутствии говорить бы не хотелось) чтобы понять, испытав эффект от того или иного (того же самого, экранизированного) произведения — фильма. И тогда уже кинематограф на самом деле здесь оказывается в некоем выигрышном положении. А что до противостояния?!.. Так, быть может, его и нет вовсе. Ибо, по всей видимости, речь идет о совсем разном эффекте восприятия на психику. Восприятия, так или иначе направленного на подсознание. И уже от него зависит полученный эффект от фильма... Или литературного произведения...

Глава 43. «Важнейшее из искусств» как современная форма манипулирования массовыми психическими процессами

Если сравнивать воздействие, оказываемое на психику индивида книгами (в данном случае мы имеем в виду художественные книги) и кинофильмами (тоже х/ф), то, по всей видимости, можно признать, что в современном веке первое порой значительно проигрывает второму. Причем мы совсем не желаем говорить о неэффективности воздействия на подсознание книг. Совсем нет. Еще двести лет назад с ними ничто не могло сравниться. Но объясняется это как раз отсутствием в то время синемаатографа. Причем даже на заре и появления, и сравнительно недолгого существования его мы еще могли говорить о значительно большем эффекте, оказываемом художественной литературой, нежели появившимся «новым» искусством.

Однако еще Ульянов (Ленин) заметил, что именно кинематограф является «важнейшим из искусств». И связано это как раз с его значительным воздействием на психику индивида, а значит, и теми манипулятивными функциями, которые он выполняет таким образом.

Действительно, за сравнительно непродолжительное время (час-полтора-два...) на индивида обрушивается такой значительный объем информации, который он, конечно же, не мог бы получить при чтении литературного произведения. Причем помимо зрения при киносеансе не меньшая активность

ложится и на органы слуха. Индивид как бы находится «под массированным обстрелом». Причем, если при чтении рождающиеся образы зависят исключительно от интеллектуальных способностей, которые уже были заложены в индивиде, то при просмотре кинофильма все значительно упрощается. Информация для индивидов поступает уже в как бы в «разжеванном» виде. И «измельченная» на части, она значительно легче для усвоения, нежели то происходило бы при чтении. Да и не требуется в таком случае такого уж «развитого» мозга. Все за вас уже сделали те, кто участвует в выпуске фильма. Сценарист поработал над сценарием; режиссер продумал, как поставить сцены так, чтобы достигнуть максимального эффекта — воздействия на ваше подсознание; оператор позаботился, чтобы «задуманное» режиссером было «правильно» «выхвачено» из окружающего мира. А актеры приложили максимальные усилия к тому, чтобы в вашей душе сформировались те образы, которые ранее (в случае вашего самостоятельного чтения романа) зависели бы исключительно от вашего воображения. А тут уже за вас все сделали! Ну разве не проще это? Значительно проще! А если еще и затронуть вопрос массовости аудитории? Ведь с помощью кино и телефильма можно достигнуть аудитории в несколько раз большей, нежели на это можно было бы рассчитывать при издании книги. Посмотрите современные тиражи в России. 1 — 3 — 5 тыс. экземпляров. Редко когда больше (даже если это «литературная жвачка», то и тогда тиражи значительно проигрывают многомиллионным аудиториям кинолюбителей).

И ведь действительно совсем не надо прилагать каких-то усилий. Уселись перед телевизором (или в кинотеатре) и смотрите. Одновременно с этим можно принимать пищу, употреблять напитки, даже с кем-нибудь общаться. И при этом совсем не надо думать. Все действительно уже сделали за вас. Сидите (можно даже лежать) и смотрите. А информация (уж будьте уверены) сама будет впитываться в ваше подсознание. (Через полчаса просмотра вообще вся информация откладывается в подсознание. Причем что-то вы можете даже не вспомнить. Но будьте уверены, даже по прошествии нескольких десятков лет эта информация может появиться перед вами самым неожиданным образом. К вашему, наверное, превеликому удивлению.)

Можно сказать, что современные манипуляторы массовым сознанием (в лице коих выступает наша власть) хорошо поняли, какой эффект достигается благодаря телевидению. Именно поэтому на экраны современного российского телевидения выходит все больше (похожих как один друг на друга) телесериалов. Ведь через них значительно легче управлять сознанием граждан. Через создаваемые ложные образы кинорежиссеров современная власть насаждает зачастую чуждые нашему сознанию принципы. Формирует ложные системы ценностей. Уничтожает в нас и в наших детях (тех, кто смотрит телевизор) те задатки духовности, которые были заложены в нас нашими предками и формировались из поколение в поколение.

Телевизор отучает думать, самостоятельно мыслить. Стоит только включить телевизор, и перед нами уже возникает заготовка формул и правил на все случаи жизни. И, например, формируя в нашем подсознании т. н. «синдром обогатительства», наши манипуляторы добиваются значительного повышения уровня продаж у торговцев, спекулянтов и псевдобизнесменов.

По данным правоохранительных органов, более половины продуктов и товаров в России — поддельные (т. н. контрафакт). Но люди все равно все сметают с прилавков, тем самым обеспечивая «стабильным заработком» мошенников. И происходит все потому, что на психику индивида оказывает мощнейшее воздействие телевидение, которое значительным количеством сюжетов телесериалов говорит о том, что быть «бедным» плохо. А быть «богатым» хорошо. Какая-либо духовность — ни к чему. Зачем читать интеллектуальные книги (тем более «классиков»), если есть возможность посмотреть сериал про «ментов», «секс» и т. п. или прочитать книжечку о жизни «новых русских» (тем самым как бы приобщившись — пусть только и на время чтения этой книжечки — к жизни этих самых новых русских). И уже выходят книги интеллектуальной прозы — тиражами в несколько тысяч экземпляров (а в большинстве случаев и не выходят вовсе, если автор предварительно «не раскручен»). А всякая «порнуха», «сплетни» и прочая нечисть — тиражами в сотни тысяч и миллионы. Из народа делают дебилов. Ведь дебилами значительно легче управлять.

Часть 3. Глубины психики. Анализ погружения (опыт манипулятивного воздействия на психику путем психоаналитических методик)

Вступление. Общий обзор рассматриваемой проблемы

1. Общее устройство человеческой психики
2. Внутренняя гармония как фактор адаптации к внешней среде
3. Творчество; возможность возникновения; факторы влияния; общая направленность
4. Образ как способ адаптации к среде обитания
5. Стереотипы. Специфика мышления. Предрасположенность к восприятию
6. Регрессии. Попытка избежать окультуривания
7. Тревожность и беспокойство. Синдром ошибочного присутствия «чувства вины»
8. Страх и бессознательное. Невротическое следствие развития фобических проявлений
9. Критическое начало. Переосмысление жизненных позиций как позитивный аспект влияния психико-травматических (депрессивных) ситуаций

Вступление. Общий обзор рассматриваемой проблемы

В самом начале данного исследования нам хотелось бы расставить некоторые акценты поднимаемых вопросов. Т. е., другими словами очертить те проблемы, которые мы будем рассматривать.

Однако мы уже вскоре осознали всю ошибочность подобного шага. Поэтому как достаточно сложно (а то и невозможно) «договориться с самим собой». А в нашем случае принять подобное значит и вовсе не писать ничего. Потому как множество различных вопросов, касаемых человеческой психики, уже рассмотрено (более чем за столетнюю историю существования психоанализа и несколько вековую — философии). И данное исследование, с одной стороны, может быть повторением прошлого опыта. А с другой — проецированием восприятия внутренних (психических) ощущений на нынешний, XXI век. И уже с этих пози-

ций полученные выводы способны быть достаточно интересны. Поэтому мы вполне допускаем, что в какой-то своей части изложенное нами может повторять отдельные (уже известные) моменты, а в чем-то — дополнять их.

Но вот в том-то и дело, что психика наша такова, что несмотря на всю историю развития философии, никогда так и не будет установлена одна устраивающая всех истина. И настолько, насколько внутреннее содержание каждого из нас различно, настолько же и будут различаться предполагаемые теории, обосновывающие нашу жизнь.

И уже, таким образом, мы подошли к возможным ориентирам поднимаемых вопросов. Ориентирам, которых, по сути, и существовать-то не должно. Потому как любая истина (если она может считаться таковой) имеет право на существование. А все, что будет рождаться вновь (любые теории, будет лишь дополнять уже существующее.

А потому изложенное ниже лишь взгляд автора на то, что принято понимать под психикой. И иного, как говорится, не дано.

1. Общее устройство человеческой психики

В какой-то мере мы будем избегать повторения слишком известных фактов из теории глубинной психологии того, что мы называем т. н. основами глубинной психологии, психоанализа. Однако оставим за собой право в тех случаях, когда этого будет требовать смысловое содержание данного исследования, вносить своеобразные уточнения.

Вообще же стоит заметить, что некоторое предварительное знакомство с учением Зигмунда Фрейда о бессознательном — теорией бессознательного (для читателей) — как минимум бы приветствовалось. Но даже если еще (по каким-то причинам) и не случилось такого, то обратим внимание, что в общих чертах нам так и так придется касаться т. н. основы основ. А потому ничего страшного и не произойдет, если знакомство с глубинной психологией — данной работой — начнется впервые.

И начнем с того, что, несмотря на существующий открытый Вундтом закон интродекции (причем хотелось бы отметить его невероятную важность), основная теория которого заключается в утверждении о схожести устройства психики различных индивидов, мы тем не менее позволим себе внести небольшие коррективы, позволяющие разделить психический аппарат на несколько составляющих. Как известно, Фрейд различал в психике индивида три слоя: Я, Оно и Сверх-Я (Эго, Ит и Супер-Эго). «Бессознательное, — пишет Лейбин,⁴⁸ — представлено... в качестве того унаследованного человеческой организацией глубинного слоя, в недрах которого копошатся скрытые душевные движения, напоминающие собой старых демонов и выражающие различные бессознательные влечения человека. Сознательное Я — посредник между Оно и внешним миром, инстанция, предназначенная для содействия в деле оказания влияния этого мира и бессознательной деятельности индивида. Сверх-Я — инстанция, олицетворяющая собой как императивы долженствования, так и запреты морально-нравственного, социокультурного и семейно-исторического происхождения».

Достаточно великолепно в изображении Фрейда сравнение между Я и Оно, сознания и бессознательного, как всадником и лошастью. Когда Я пытается подчинить себе Оно, лошадь встает на дыбы и сбрасывает седока. В итоге всадник подчиняется необузданной лошади; а значит, и Я фактически подчиняется воле Оно, создавая лишь видимость своего превосходства над ним.⁴⁹

«Я олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, — пишет Фрейд⁵⁰, — в противоположность к Оно, содержащему страсти».

«Не менее сложными, — отмечает Лейбин⁵¹, — оказываются и отношения между Я и Сверх-Я. Имея двойное лицо, на одном из которых лежит печать долженствования, а на другом — лик запретов, Сверх-Я, так же как и Оно, может власт-

48 Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С.110

49 Там же. С.110—111.

50 Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 378-390.

51 Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. 397 С.

вовать над Я, выступая в роли или совести, или бессознательного чувства вины. Поскольку же по своему происхождению и сущностной основе Сверх-Я рассматривается Фрейдом не иначе, как в образе своеобразного «адвоката внутреннего мира», т. е. Оно, то в итоге Я оказывается в тисках многообразных и глубочайших противоречий, возникающих на почве постоянных и настоятельных требований Оно и Сверх-Я.

«Сверх-Я сохранит характер отца, — замечает Фрейд⁵², — и чем сильнее был Эдипов комплекс, чем стремительнее было его вытеснение... тем строже впоследствии Сверх-Я будет властвовать над Я как совесть... и... бессознательное чувство вины».

Коснувшись психического аппарата по Фрейду, мы попробуем разобрать психику в контексте разделения психики на различные зоны восприятия, зависящие, главным образом, от прошлого и настоящего данного человека.

Остановимся на данном вопросе немного подробнее. И уже тогда внесем небольшое уточнение: что, в нашем понимании, относим мы к прошлому, а что — к настоящему.

Прошлое психики индивида — это то, что является одним из способов формирования (устройства) нашей психики. А еще точнее — способ формирования, влияния на психику. И, опять же, на его бессознательный аспект.

К прошлому мы относим опыт предков, предшествующих поколений; то, что Юнг понимал под нуминозным опытом человечества, коллективным бессознательным; а Фрейд называл филогенетическими схемами, механизмами.

«Бессознательная психика, пишет В. Зеленский⁵³, как целое представлено двумя частями: одна из них — личное бессознательное, или тень, другая — коллективное бессознательное. Личное бессознательное — поверхностный слой психики содержит личные содержания индивида... Коллективное бессознательное складывается из межличностных, универсальных содержаний, которые не могут быть ассимилированы индивидуальным Эго. Здесь психические содержания переживаются как нечто внешнее и чуждое по отношению к Эго.

52 Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 389.

53 Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М., 2004. С.96-97

В этом смысле коллективное бессознательное выступает как обыкновенная психика в противоположность психике субъективной, реализуемой в личностном бессознательном.

Содержание объективной психики принадлежит не одной личности, а всему человечеству, этносу, народу, группе...»

К настоящему все то, что уже, так или иначе, проходит в сегодняшнем времени (или в недалеком — вспоминаемом им — прошлом, например, детстве, юности, зрелости...). Все то, что доступно его мозгу посредством органов чувств. Все то, что он может увидеть, услышать, почувствовать, ощутить... При каждом из этих воздействий в психике человека включаются свои особые механизмы, т. н. рецепторы былых ощущений. Они влияют на цепь воспоминаний, анализа (действительности), в конечном итоге замыкая ее, в результате чего рождается (порой) совсем новое представление о действительности (в равной мере как и о прошлом, будущем, да и вообще речь идет, по всей видимости, о факторах механизмов восприятия жизни в целом). И уже тут мы можем говорить, что своеобразно повторяясь в психике различных индивидов в целом, в ряде деталей эта самая рождающаяся в итоге информация не будет равной, одинаковой. А отличаться она будет потому, что у каждого (ну, допустим, у большинства из каждых) свой путь. Своя — индивидуальная — психика, на которую влияют совсем различные (в данном случае) факторы воздействия. И уже, быть может, как раз этим объясняется факт существования (различающихся между собой) как философских, так и психоаналитических учений, в конечном счете направленных на изучение одного и того же — психики индивида.

Теперь давайте коснемся вопроса формирования нашего бессознательного.

Как мы уже выяснили, бессознательное формируется двумя способами: а) прошлым; б) настоящим.

К прошлому мы относим все то, что пройдено (до нас) предшествующими поколениями. Т. е., иными словами, некий коррелят, даже если можно так выразиться, сублимация, проецирование, сосредоточение в какую-то единую составляющую всего того векового наследия, что было когда-то изучено, открыто, пройдено человечеством.

Имеющаяся база поистине огромна. И не имеет никаких границ. Безразмерна. Причем, по всей видимости, в зависимости от «востребованности» какой-либо конкретной информации (так сказать «по запросу») наше бессознательное (обогащенное, как мы выяснили, коллективным опытом предшествующих поколений) будет проецировать все сосредоточенное в нем.

Но уже здесь необходимо, на наш взгляд, внести кое-какие (уточняющие) дополнения. И касаться они будут того, что, как можно предположить, не вся получаемая таким образом информация будет одинаково доступна всем индивидам. Т. е. не каждый сможет ей воспользоваться. Правильно интерпретировать уже представленное. И предполагаемая нами сложность будет заключаться в том, что не у каждого индивида готов аппарат прочитываемости выдаваемой информации.

Это можно, например, уподобить тому, что при необходимости что-либо узнать осуществление сего факта может быть затруднено, например, тем, что информация будет поступать на разных языках (тогда как, предположим, знаем мы только один); или же, например, можно сравнить с тем, чтобы школьникам средних классов дать программу университета, а то и аспирантуры.

Другими словами, информация-то будет открыта для пользования, но распознать ее мы не сможем.

И уже тогда перед нами предстает отличие устройства психики одного индивида от другого. И различие будет настолько существенней, насколько отличен уровень образования, интеллекта, имеющихся знаний...

Однако при этом нельзя сказать, что в данном случае перед нами предстанет какая-то «устоявшаяся» величина. Совсем нет. Ситуация может измениться, порой парадоксальным образом. И на месте ранее открытой информации появится своего рода забор. Ворота, вызванные, например, вступившим в силу сопротивлением, внезапно востребованным табу на ту или иную информацию.

И уже подобное может свидетельствовать о многомерности нашей психики. Ее, по существу, неизученности. Поэтому как независимо от возникновения различных иссле-

дований вопрос до сих пор остается открытым. А каждый исследователь лишь вносит свой взгляд в представление о бессознательном.

Теперь, вероятно, нам следует вернуться к формированию бессознательного. И разобрать вопрос его формирования посредством настоящего (второй способ, исследуемый нами).

«Настоящее» бессознательное формируется, как мы уже заметили, факторами, отнесенными нами к «здесь и сейчас». Т. е. к сегодняшнему времени.

К данному пункту относятся следующие способы:

1. Формирование бессознательного посредством информации, полученной в период детства и раннего детства (т. е. когда мы вполне можем говорить о достаточной затрудненности индивидом какой-либо оценки получаемой информации; своего рода не включением, а то и еще отсутствием механизмов защиты, открытых Фрейдом и А. Фрейд).

К такой информации относятся:

- а) детские сказки;
- б) басни, стишки, считалки, рассказы и проза в целом;
- в) мультфильмы;
- г) художественные фильмы и другое различные передачи;
- д) информация, получаемая от сверстников, во время совместных игр, общения, посещения каких-либо культурных мероприятий;
- е) информация, получаемая от родителей и родственников в виде бесед, наставлений, получаемых от них (весьма важно отметить роль выполнения совместной работы; при данном виде обмена информацией мы можем говорить о высокой доли внушаемости, подражания посредством открытого Фрейдом переноса, трансфера, тогда как при наставлениях уже могут включаться (помимо согласия и подчинения) и способы явно и неявно выраженного сопротивления, в результате чего получаемая информация будет вытесняться из сознания в бессознательное. Куда она, впрочем, и попадает посредством запоминания, т. н. «откладывание в памяти».
- ж) какие-либо иные способы, объединенные общим принципом воздействия на органы внимания, памяти, восприятия ребенка — извне. Со стороны внешнего объекта.

з). Информация, полученная в зрелом возрасте (схожим с вышеперечисленным путем с внесением соответствующих поправок на возраст)

Однако уже в данном случае, на наш взгляд, следует выделять и еще ряд особенностей, затрагивающих вопрос извлечения информации из бессознательного. И, быть может, даже в большей степени — влияния (своего рода воздействий) оказываемого на эту информацию, содержанием бессознательного.

В данном случае нам следует принять за некую аксиому тот факт, что бессознательное (нашей психики) в том или ином виде оказывает влияние на все, что можно понимать под производными мыслительной деятельности человека (а равно, и мыслительной деятельности как таковой).

Далее (приняв за основу сей факт) мы можем заметить, что начиная с определенного возраста (зачастую отличающегося в разных случаях) на мыслительную деятельность индивида (помимо содержания бессознательного) оказывает влияние и еще ряд особенностей, которые, с одной стороны, непосредственно относятся к бессознательному (по условиям сосредоточения), а с другой, по нашему мнению, заслуживают того, чтобы их выделили отдельно.

Речь идет о т. н. стереотипах. А также о таком понятии, как ложно формируемые образы. Или, точнее, образы (маска), формирующие ложное, искаженное представление о данном человеке.

И уже здесь, на наш взгляд, следует остановиться подробнее.

Как известно, почти каждый индивид в процессе собственной жизни формирует вокруг себя некое иллюзорное представление. Видимость подобного зачастую достаточно трудно различима. Но она существует. И основывается на своего рода маске. Или образе, который искусственно создает индивид.

Вопрос формирования маски достаточно интересен. На наш взгляд, ее можно рассматривать в роли некой защитной функции, помогающей как адаптироваться индивиду к условиям внешней среды (снизить эффект воздействия, оказываемого на органы чувств, тем самым снизив эффект воздействия

на собственное бессознательное), так и способной защитить личность индивида (и, главным образом, конечно же, его бессознательное) от (воздействия) неблагоприятных факторов, проецируемых от других индивидов.

Другими словами, маска способна сформировать ложный собственный образ. Тем самым выступив в роли «отражателя». Вызвав на себя атаку предполагаемой агрессии (предполагаемого) противника. А значит, перенаправив это самое воздействие; но и нивелировав смысл его.

«Требование внешней адаптации, — отмечает В. Зеленский⁵⁴, — ведет к сооружению особой психической структуры, которая выступала бы в качестве посредника между Эго и социальным миром, обществом. Такая посредническая структура называется персоной. Это общественное лицо индивида, принятое им по отношению к другим людям...

...Персона всегда представляет некий компромисс между индивидуальностью и надеждами на нее других людей. Это... и есть та роль, которую каждый играет в обществе. Но, помимо этого, персона выступает как защитное покрытие... оберегающее внутреннее, личное и ранимое от публичных взоров...»

Что касается стереотипов, то в данном случае ситуация следующая.

Цивилизация (такие средства развития ее, как телевидение, радио, кинематограф, газетно-печатные СМИ, научно-художественная литература и т. п.) неким таинственным образом (большей частью — неосознанным) способствует формированию в бессознательном индивида неких стереотипов. Стереотипов поведения. Стереотипов восприятия как следствие стереотипов анализа действительности.

Вопрос, еще требующий своих исследователей, относительно того, насколько специфично восприятие отдельных индивидов формирования в собственном бессознательном своеобразной стереотипности поведения. Потому как, возможно, существует определенная категория людей, не предрасположенных к ним.

Хотя и надо заметить, эта самая непредрасположенность достаточно условна. Потому как место сосредоточения стереотипов — бессознательное. А значит, то, что на одних воз-

54 Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М., 2004. С. 108.

действие оказывается в большем количестве случаев, а на других — в меньшем, зависит от включения механизмов Сверх-Я (своего рода цензора психики, стоявшего на страже пропуска бессознательного — в сознание, а значит, — и наше осознание того или иного факта). В одном случае психика выглядит достаточно пластичной. И при воздействии, оказываемом на нее способной подстроиться (тем самым в какой-то мере снизив т. н. эффект влияния) под воздействие; в другой почти неспособна к какому-либо сопротивлению. И ориентирована почти исключительно на подчинение. Но это уже, как видится, другой вопрос.

Вернувшись к формированию бессознательного в зрелом возрасте, заметим, что это достаточно внушительный пласт воздействия.

Причем в данном случае бессознательное несравненно объемней, чем в случае с детьми. Потому как здесь уже играет роль информация, получаемая в течение жизни. И чем больше у человека ощущений, тем значительнее пласт формирования его бессознательного. Тем оно объемнее и внушительнее.

Но уже здесь, как ни странно, нам хочется затронуть еще одну тему. Главным образом она касается вопроса как формирования бессознательного, так и, пожалуй, уже даже в большей степени извлечения информации из бессознательного.

Речь идет о людях, находящихся в т. н. пограничном состоянии, когда симптоматика будущего заболевания только начинает активизироваться в индивидуе.

Как нам представляется, влияние бессознательного в данном случае весьма специфично.

Зависеть оно будет, вероятно, от достаточно обширного количества факторов, среди которых влияние среды будет представлено в достаточно специфическом, искаженном виде.

Суть вопроса в следующем.

Как известно, З. Фрейд считал, что развитие симптоматики заболевания (психотического и психопатологического характера) является возможным вследствие вытеснения нереализованных влечений. (В данном случае он уделял особое внимание либидо. И уже тогда — вследствие вытеснения нереализованного сексуального желания.)

Т. е. желание, не находящее какого-либо реального применения, вытесняется в бессознательное. И уже оттуда оказывает влияние на индивида, являясь причиной возникновения различного рода заболеваний (отклонений) психики. «... Невроз является конфликтом между Я и Оно,— пишет Фрейд в работе «Невроз и психоз»⁵⁵— например, «неврозы перенесения» возникают благодаря тому, что Я не хочет воспринять мощного побуждения влечений, существующих в Оно... Я защищает... с помощью механизма вытеснения; вытесненное восстает против своей участи и... создает себе заместительное образование, которое навязывается Я путем компромиссов, т. е. симптомов. Я находит, что этот непрощенный гость угрожает и нарушает его единство, продолжает борьбу против симптома подобно тому, как оно защищалось от первичного побуждения влечений, и все это дает в результате картину невроза».

«...Каждый невроз,— добавляет Фрейд в статье «Утрата реальности при психозе и неврозе»⁵⁶, — каким-либо образом нарушает отношение больного к реальности... невроз является... средством отказа от реальности... означает... бегство из реальной жизни».

А в «Лекциях по введению в психоанализ»⁵⁷ Фрейд отмечает, что невротические симптомы «являются результатом конфликта, возникающего из-за нового вида удовлетворения либидо... одной из двух сторон конфликта является неудовлетворенное, отвергнутое реальностью либидо, вынужденное теперь искать других путей для своего удовлетворения... Так возникает симптом как многократно искаженное производное бессознательного либидозного исполнения желания, искусно выбранная двусмысленность с двумя совершенно противоречащими друг другу значениями...»

«Симptom...— дополняет Фрейд собственное высказывание в тех же «Лекциях по введению в психоанализ»⁵⁸,—...создает замещение несостоявшемуся удовлетворению благодаря регрессии либидо к более ранним периодам, с чем неразрывно связан возврат на более ранние ступени развития выбора объектов...»

55 Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск., 2003. С.535.

56 Там же. С. 539.

57 Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 2003. С. 361-162.

58 Там же. С. 368.

В контексте нашего разговора нам интересно будет проследить влияние на бессознательное как минимум двух разнонаправленных сил: вытесненного желания (превратившегося в симптом заболевания) и собственно говоря, содержания бессознательного. (Состоящего, как мы определили, из двух составляющих формирования: прошлого и настоящего.)

В итоге, как нам видится, информация, извлекаемая из бессознательного, будет находиться в секторе обстрела существующего (равно как и только зарождающегося) заболевания.

Эта информация может быть представлена достаточно двояко. С одной стороны, бессознательное почти не будет оказывать на существующую информацию никакого (потустороннего) влияния. Такое возможно, в случае если (по тем или иным причинам) индивид в состоянии нейтральной, искаженной влиянием извне психики. И совсем иное дело, если тот же самый индивид будет находиться в состоянии своего рода обострения заболевания. В таком случае содержание бессознательного, конечно же, будет подвержено воздействиям всех тех сил, которые не только влияют на некогда стабильную информацию, но и заметно искажают ее. И уже тогда совсем даже нельзя поручиться, что все, что таким образом было накоплено в бессознательном, будет представлено в своем первоизданном (реально существующем) виде.

И данная информация будет подаваться словно преломленная под совсем иным углом зрения, восприятия, в результате чего может создаться впечатление иллюзорности происходящего. (В случае если, конечно, индивид сможет каким-то загадочным — и почти невозможным — образом распознать влияние потусторонних факторов.) Что, надо заметить, определенно мешает анализу действительности.

Быть может, еще одним, заключительным, спектром влияния на формирование (содержание) бессознательного выступает генетическая формируемость бессознательного.

Ее, видимо, стоит отличать от филогенетических схем, предложенных Фрейдом (коллективное бессознательное Юнга). И если большей частью это практически одно и то же: то в деталях может наблюдаться более-менее явное отличие.

В данном случае, по всей видимости, в большей, чем когда-либо, степени обращает на себя внимание сектор генети-

ческой «передаваемости», например, от ближайших родственников. Родителей. И — родителей родителей. (дедушек и бабушек). А по всей видимости, основное отличие между первым и вторым будет заключаться в том, что в случае с коллективным бессознательным (филогенетические схемы; опыт предков) мы имеем в виду общий опыт человечества. Как такового. Т. е. опыт индивида в масштабном порядке. Когда перед нами раскрывается вся эпоха цивилизации.

Тогда как в случае генетической формируемости в нашем понимании предстает непосредственная передача ДНК от ближайших родственников (родителей, дедушек, бабушек).

Таким образом, мы можем резюмировать: содержание (наполняемость) бессознательного зависит от достаточного количества факторов, среди которых явно выделяются следующие: а) опыт предшествующих поколений (с самого начала развития цивилизации). Т. е. все, что было когда-либо пропущено через сознание (или подсознание) индивидов перешло в наше бессознательное; б) генетическая формируемость (непосредственная передача через генотип от родителей и родителей родителей); в) собственный жизненный опыт (вся информация, полученная индивидом с этапов внутриутробного развития и раннего детства вплоть до сегодняшнего времени жизни отдельно взятого человека).

2. Внутренняя гармония как фактор адаптации к внешней среде

Вопрос, подлежащий нашему рассмотрению, имеет необычайно важное, если не первостепенное значение в жизни индивида. Именно от внутренней гармонии зависит состояние психики человека. Если она соблюдается (или достигается со временем), то почти наверняка перед нами уже не будет никаких подводных камней, завлекающих нас в пропасть бессознательного. Точнее, всего того страшного, негативного и отрицательного, что есть в нашем бессознательном, и что Юнг охарактеризовал как тень, архетип тени.

Рассмотрим данный вопрос подробнее.

В предыдущей части мы попытались проанализировать содержание бессознательного. Затронули вопрос его формирования.

В данном же случае нам представлено уже бессознательное как таковое.

Далее. Как известно, бессознательное по своему характеру достаточно разнопланово. Среди явных плюсов (к коим мы относим процесс формирования бессознательного посредством накопления значительнейшего количества информации, которой в последующем тогда, когда нам это потребуется, — если край одеяла не оттягивает на себя симптоматика заболеваний психики — всегда можно воспользоваться), к сожалению, присутствуют и минусы.

Если вопрос создания «плюсов» (или всех тех положительных образов, что есть в бессознательном) мы рассмотрели, то к «минусам», как нам кажется, следует подойти поближе.

И уже тогда под т. н. минусами нашего бессознательного мы будем понимать весь тот негатив, что содержится в бессознательном. Главным образом негативный аспект содержания бессознательного заключается в тех первичных желаниях, которые, по большому счету, и составляют основу содержания бессознательного.

Что представляют из себя первичные желания? Т. н. первичное желание — это желание дикаря, первобытного человека, заключающегося в каждом из нас (как известно, Юнг различал в бессознательном каждого индивида архетип дикаря). Среди подобных (дикарских) желаний преобладают три основные: убить, съесть, изнасиловать (в зависимости от пола жертвы порядок может меняться).

В ряде своих ключевых работ: «Недовольство культурой» и «Будущее одной иллюзии» — Фрейд приходит к выводам, которые, по сути, переламаывают все наше представление о цивилизации.

Именно в развитии цивилизации, окультуривании индивидов основатель психоанализа и видит стержень развития невротических (да и вообще психических) заболеваний. Цивилизация (главным образом — свойственная цивилизации культура; культура как фактор развития цивилизации) вводит для каждого человека (живущего в рамках опять же цивилизованного общества) ряд ограничений, направленных на его адап-

тацию в современном обществе. Другими словами, создаются определенные правила жизни в обществе. Правила, регламентирующие нормы поведения в социуме. А значит, сдерживания первичных желаний, вытеснения первичных желаний в бессознательное. Отсюда (в невозможности реализации их) — развитие психотических (невроты, истерии...) и психопатических (шизофрения, паранойя, галлюцинаторный бред и т. п.) заболеваний.

«...Каждая культура,— пишет Фрейд⁵⁹, — создается принуждением и подавлением первичных позывов... Надо... считаться с тем фактом, что у всех людей имеются разрушительные... тенденции и... у большого количества людей они достаточно сильны, чтобы определить их поведение в человеческом обществе... масса ленива и несознательна, она не любит отказа от инстинктов... а ее индивиды поддерживают друг друга в поощрении собственной разнузданности. Только влиянием образцовых индивидов, признанных ее вождями, можно добиться от нее работы и самоотверженности, от которых зависит прочность культуры...

...Культурные установления можно удержать только при помощи известной меры принуждения: люди по природе своей не любят работы, а доводы бессильны против их страстей...

...В человеке живут задатки разнообразнейших первичных позывов, окончательное направление которых определяется переживаниями раннего детства. Пределы воспитуемости человека ставят... границы эффективности... перемены культуры».

В применении к рассматриваемому нами вопросу напрашивается достаточно любопытный вывод: невозможность реализации в современном обществе первичных желаний (базирующихся в данном случае в бессознательном индивида) способствует нарушению его внутренней гармонии.

Как же избежать подобного?

Известно, что первичные желания имеют достаточную силу. Это то, что живет в индивиде, в его бессознательном, достаточно давно. То, что составляет, по сути, главную основу

59 Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Минск, 2003. С. 483—485.

содержания его бессознательного (т. н. первый, верхний пласт, грозящий при первом возможном случае перебраться, просочиться в сознание и тем самым воплотится, в действительность).

Первичные желания (желания дикаря) никогда не исчезнут. Наоборот, они не будут оставлять попыток самореализации. Сверх-Я (Супер-Эго) та составляющая часть психики (два других: Я и Оно. В данном случае Я — сознание; Оно — бессознательное), которая стоит на пути рассматриваемых нами инстинктов, преграждая ее и мешая проникнуть в сознание (куда и стремится бессознательное; причем роль сознания также важна. В применении к экономике мы можем сравнить бессознательное с банковским вкладом, а сознание — с возможностью обналичить перечисленные средства).

В данном случае Сверх-Я выступает в роли цензора решающего, пропустить или не пропустить информацию из бессознательного в сознание.

Фрейд считал, что Сверх-Я формируется в раннем детстве и напрямую исходит из Эдипова комплекса, являя собой систему отцовских норм и запретов. (Как известно, именно отец в свое время стоит на пути воплощения бессознательных желаний ребенка в отношении к матери; или, наоборот, мать — т. н. комплекс Электры, — в случае если ребенок женского пола.)

«Исследуя Сверх-Я, — пишет Лейбин⁶⁰, — Фрейд показал, что эта инстанция олицетворяет собой авторитет родителей: Оно так же наблюдает за Я, руководит им и угрожает ему, как это делали ранее родители в отношении ребенка... Сверх-Я тесно связано с Эдиповым комплексом: оно окончательно оформляется у ребенка после прохождения стадии этого комплекса на основе эмоциональных отношений между ребенком и его родителями, т. е. тех отношений, которые характеризуются амбивалентностью, включающей в себя чувства любви и ненависти, привязанности и страха».

С позиции рассматриваемого нами вопроса мы можем заключить, что культура (являющаяся непреложным фактором цивилизации) берет на себя роль Сверх-Я, высту-

60 Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С.505-506.

тая своего рода ограничителем возможностей воплощения первичных желаний, реализации инстинктов в современном обществе.

Однако бессознательное индивида иной раз восстает против «столь жестких», в его представлении, норм.

И тогда мы можем говорить о двух способах (возможностях) реализации данных желаний в современном обществе. Все они, по сути, трагичны и имеют свои дальнейшие последствия.

В одном случае бессознательное индивида, не желающее мириться с выставленной преградой в виде Сверх-Я, толкает данного индивида на реальное претворение имеющихся у него желаний в действительность. И в данном случае мы можем говорить о совершении преступлений (убийство, изнасилование, каннибализм и проч. асоциальные эффекты поведения); в другом — первичные инстинкты также воплощаются в действительность. Но — в иллюзорную действительность. (Другими словами, индивиду кажется что это так.) И тогда происходит уход индивида из мира реальности (сознания) в вымышленный мир. Мир иллюзорных представлений о действительности. В мир бессознательного.

Следует напомнить, что природа предусмотрела и легитимные способы воплощения первичных желаний в действительность. Способы, не наносящие какого-либо вреда психике индивида.

Одним из таких способов является сон («королевская дорога к бессознательному», как считал Фрейд, предполагая, что посредством интерпретации сновидений можно понять механизмы бессознательного, рассматривая сновидение как своего рода мост между реальной действительностью, сознанием и бессознательным).

Другим — творчество. (Вопрос возникновения возможности творчества мы подробнее рассмотрим в следующей главе; в данном же случае скажем лишь, что посредством сублимации — способа, открытого Фрейдом, — индивид может безболезненно (для своей жизни в социуме) реализовывать весь негатив собственного бессознательного в творчество, воплощая любые — даже самые низменные — фантазии и желания и награждая ими, например, героев своих произведе-

дений. Тем самым снимая с себя подозрения в извращенных желаниях и освобождаясь от симптомов психических заболеваний).

Существует и еще один способ реализации фантазий бессознательного. Это т. н. игра.

Что представляет игра? Игра — это подмена реального образа вымышленным. Мы как бы сознательно — и на время — погружаемся в мир собственных фантазий. Для того так же как и в случаях со сновидением и сублимацией, чтобы тогда, когда потребуется, вернуться обратно.

Можно даже сказать, что способность возвращения — то, что отличает легитимное «отыгрывание» внутриличностных желаний (первичных — инстинктов, базирующихся в бессознательном) от всей той пагубности, которая несет в себе реализация фантазий бессознательного. Психика (и, главным образом, общество) не готова к нему. Но это необходимо.

Игра, по сути, всегда достаточно условна. В практике, встречается немало примеров, когда способность (индивида) играть приобретает профессиональный статус. Например, профессия актера (кино), артиста (театр), клоуна; даже, по сути, профессия режиссера, сценариста, музыканта, писателя, мультипликатора — не что иное, как «законное» отыгрывание фантазий бессознательного. Причем свою истинную личность — вымышленным образом. И это, по сути, большинству из них удастся.

Разбирая вопрос гармонии, гармонии личности, внутренней гармонии мы, так или иначе должны усвоить (для себя) одно правило. Своего рода базис достижения этой самой гармонии. И правило, как ни странно, достаточно простое: от первичных инстинктов, от желаний дикаря, первобытного человека внутри нас мы никогда не сможем избавиться. Это — если хотите — одна из независимых (независимых от желаний — уже наших) составляющих психику индивида. Но задача — удержать подобные (первичные) желания в бессознательном, и не дать им вырваться наружу. Поэтому чем меньше (времени) мы находимся в т. н. состояниях измененных состояний сознания — ИСС (алкогольное и наркотическое опьянение — типичные характеристики ИСС), тем больше

шансов на сдерживание цензурой психики (Сверх-Я, Супер-Эго) нашего бессознательного. Со всеми его тайнами, соблазнами, затаившимися желаниями.

3. Творчество. Возможность возникновения; факторы влияния; общая направленность

Творчество (имеет место быть творчество как таковое; мы же — для лучшего понимания вопроса будем иметь в виду литературно-художественное творчество), как нам представляется, есть некая счастливая способность избежать как невроза, так и других заболеваний психики. Так сказать, перенаправить симптоматику расстройства личности.

Как известно, психоанализ определяет под возможностью возникновения нарушений психического характера конфликт между Я и Оно. Между сознанием и бессознательным индивидом.

Беря свое начало от Эдипова комплекса, в индивиде формируется своего рода душевная травма. Нереализованное либидо (желание), не находя реального воплощения посредством претворения в действительность, вытесняется в бессознательное. А значит, налицо возможность формирования симптоматики заболевания. Нарушения психики. От неврозов и истерии до тяжелых психических расстройств: шизофрении, паранойи и т. п.

Творчество — великолепная возможность избежать этого. Вследствие сублимации (сублимация — проекция негатива бессознательного в общественно приемлемое деяние) индивид избегает дальнейшего развития заболевания. Превращение симптома болезни в реальную болезнь.

«Чем глубже вы проникаете в патогенез нервного заболевания, — отмечает Фрейд⁶¹, — тем яснее становится для вас связь неврозов с другими продуктами человеческой душевной жизни, даже с самыми значимыми. Не забывайте того, что мы, люди с высокими требованиями нашей культуры и находящиеся под давлением наших внутренних вытеснений, находим действительность вообще неудовлетворительной и потому ве-

61 Фрейд З. Введение в психоанализ // Психоаналитические этюды. Минск., 2003. С.42 — 43.

дем жизнь в мире фантазий, в котором мы стараемся сгладить недостатки реального мира, воображая себе исполнение наших желаний. В этих фантазиях воплощается много настоящих конституциональных свойств личности и много вытесненных стремлений. Энергичный и пользующийся успехом человек — это тот, которому удается благодаря работе воплощать свои фантазии-желания в действительность. Где это не удастся вследствие препятствий со стороны внешнего мира и вследствие слабости самого индивидуума, там наступает отход от действительности, индивидуум уходит в свой более удовлетворяющий его фантастический мир. В случае заболевания это содержание фантастического мира выражается в симптомах. При известных благоприятных условиях субъекту еще удастся найти, исходя из своих фантазий, другой путь в реальный мир вместо того чтобы уйти от этого реального мира. Если враждебная действительности личность обладает психологически еще загадочным для нас художественным дарованием, она может выражать свои фантазии не симптомами болезни, а художественными творениями, избегая этим невроза и возвращаясь таким обходным путем к действительности. Там же, где при существующем несогласии с реальным миром нет этого драгоценного дарования или оно недостаточно, там неизбежно либидо, следуя самому происхождению фантазии, приходит путем регрессии к воскрешению инфантильных желаний, а следовательно, к неврозу. Невроз заменяет в наше время монастырь, в который обычно удалялись те, которые разочаровывались в жизни или чувствовали себя слишком слабыми для жизни».

Таким образом, мы вполне можем рассматривать роль сублимации как невероятно важную, полезную и необходимую для психики. Для нормализации состояния психики. Предотвращения психических расстройств.

И в данном случае подобное «целительное воздействие» — мы относим к творчеству (литературно-художественному). Творчеству, берущему на себя функции контроля за гармонией, своего рода урегулированием отношений между Я и Оно, между сознанием и бессознательным, между внутренним миром индивида и обществом, социумом, внешним миром. И в этом плане значение его поистине бесценно.

Причем, как можно заметить, оно (творчество) не только предотвращает переход симптома в болезнь, но и помогает создавать произведения искусства (а помимо литературно-художественного творчества это и живопись, и скульптура, и архитектура, и музыка, и театр, и кино, да и вообще все, где реализуются фантазии человека).

Как мы уже заметили, Фрейд полагал, что только определенная часть индивидов способна сублимировать (переводить) симптоматику своих заболеваний в творчество. (Кстати, к подобным людям он относил целый ряд известных писателей. Например, Достоевскому Фрейд посвятил знаменитую работу «Достоевский и отцеубийство». Но и помимо Достоевского, как верно заметил Андреас Гамбургер⁶², «в произведениях Фрейда можно обнаружить ссылки на Аристотеля, Гете, Грильпарцера, Гейне, Гофмана, Келлера, Ибсена, К. Ф. Мейера, Ницше, Шопенгауэра, Шекспира, Софокла, Стриндберга, Золя и других писателей».

Остальным же (кто не обладает талантом творца) Фрейд оставлял излечение посредством психоанализа.

Однако уже в более позднее время ряд аналитиков взяли тему исцеления творчеством за некое положение (одно из положений), используемое в психотерапии.

Например, основатель такого направления, как психосинтез, Роберт Ассаджиоли. Или тот же Юнг (один из лучших учеников Фрейда, разошедшийся с учителем и создавший свое не менее гениальное направление аналитическую психологию).

В какой-то мере тема творчества используется в гештальт-терапии (родоначальник — Фредерик Перлз) и в бихевиоризме (Бархус Ф. Скиннер), да, во многих других. При этом постулируется основная мысль, раскрывающая значение творчества: сублимация (в данном случае), выход, возможность переориентации негативной энергии, нивелирование значения ее, превращение симптома заболевания в нечто способное раскрыть внутренний потенциал личности, достичь (уже отсюда) гармонии существования в социуме.

62 Гамбургер А. Психоанализ и литература // Ключевые понятия психоанализа / Под ред. В. Мертенса. СПб., 2001. С. 287.

Однако возможность (присутствия) такого явления, как творчество, несомненно выходит далеко за рамки представления о нем. Рассматривая, например, литературно-художественное творчество, мы с достаточно большой долей вероятности способны проследить (по характеру написанного), содержание бессознательного автора. А значит помимо его мировоззрения (что обычно лежит на поверхности) также заглянуть и далеко за пределы (даже ему известных) желаний.

Т. е., другими словами, по предпринятому (нами) анализу художественного творчества того или иного автора мы с достаточно высокой долей вероятности сможем выявить истинное содержание его мыслей, (тайных) желаний, всячески, быть может, скрывааемых пороков и наклонностей.

Такую возможность дает нам психоанализ. Психологический анализ художественного творчества, предоставляющий нам возможность выявить механизмы зарождения творчества; понять истинную причину включения автором того или иного эпизода. Т. е., заглянуть «за ширму». Понять прежде всего сами мысли творца (тщательно скрывааемые, как отмечал Юнг, в своем творении)⁶³. Ведь с позиции классического литературоведения можно интерпретировать мотивы поведения героев; разобрать сюжетную композицию; быть может, разгадать еще какие-нибудь тайны. Но, большей частью, самого произведения. То, что происходит в душе создателя, можно понять, только обладая психологическими (даже, главным образом, психоаналитическими) знаниями. И уже здесь на помощь литературоведам приходят психологи. Аналитики. И благодаря новому виду литературоведения — психоаналитическому — становится возможным (помимо, разумеется, вопросов, связанных с самим произведением) разгадать и истоки творчества в самом авторе. Выявить какие-либо его желания, стремления, наклонности, привычки, мысли и т. п.

Т. е. вполне можно сказать, что с этих самых пор автор (писатель, поэт, философ, ученый...) предстает перед нами не в качестве чего-либо — закрытого и сверхъестественного (сверхъестественное — как некое стереотипическое следствие и составляющее его образа), а человеком со своими страстями и пороками, а зачастую и симптомами невроза, истерии, шизоф-

63 Юнг К. Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. Минск., 2003. 384 с.

рении, паранойи... (существующие на данный момент монографии позволяют об этом судить с достаточной достоверностью: Фрейд, Юнг, Адлер, Фромм, Ясперс, Сартр, В. Медведев, Ермаков, Ранкур-Лаферьер, Благовещенский...— все эти авторы так или иначе посвятили ряд своих работ теме психоанализа творчества. Например, К. Ясперс: «Стриндберг и Ван Гог»; Фрейд: «Бред и сны в "Градиве" В. Иенсена», «Мотив выбора ларца», «Достоевский и отцеубийство»; Ранкур-Лаферьер: «Крейцеровая соната»; Ермаков: «Домик в Коломне», «Страшная месть» Осипов; «Случай» Татьяны Лариной, Халецкий: «Психоанализ личности и творчества Шевченко», В. Медведев: «Не везет нам в смерти... Анализ российской деструктивности при свете белого солнца пустыни», «Новая профессия Ивана Грозного, или Психоаналитические заметки о русской истории, Булгакове, Гайдае, управдоме Бунше и инженере Шурике» и другие).

Что же представляет собой психоанализ художественного творчества?

Ответ на данный вопрос — в той или иной мере — давали различные авторы (Фрейд, Юнг, Выготский, Осипов...). «Творческий акт есть поведение художника, — пишет Григорьев⁶⁴, — задача творческого акта . выразить явное, а чаще всего скрытое, «бессознательное» в... отношении художника к жизни, его намерения. Это поведение художника — особой природы: художник свое отношение к жизни выражает не всегда прямо и непосредственно, но транспонирует его в художественные знаки — образы, символы, ритм и т. д. ...Подобно тому как в символы сна врывается вытесненное намерение, так и в знак художественного произведения, но более искусно, транспонировано намерение художника...

...Таким образом, каждое художественное произведение подобно загадочной картинке, в которой с помощью ряда приемов скрыто поведение человека».

«...Искусство занимает среднее место между сновидением и неврозом,— замечает Выготский⁶⁵,— в основе его лежит

64 Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2002. С. 336–337.

65 Выготский Л. Искусство и психоанализ // Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2002. С. 349–368.

конфликт, который уже "перезрел для сновидения, но еще не сделался патогенным"... При этом искусство оказывается чем-то вроде терапевтического лечения для художника и для зрителя — средством уладить конфликт с бессознательным, не впадая в невроз...»

«... В образах своей фантазии писатель дает различные направления собственного бессознательного», — пишет Нейфельд⁶⁶.

Мы же в данной работе в какой-то мере лишь структурируем выводы исследований по этому поводу. А также предложим свой взгляд на данный вопрос.

И ответ, как ни странно, вытекает из общего понятия художественного творчества, возможности возникновения его.

Как уже было замечено рядом перечисленных ранее исследователей, художественное творчество является неким коррелятом душевных состояний индивида. Выражением его психики, содержания ее.

Но еще это и удовлетворение своих желаний, Лежащих в основе (исходящих из них) первичных желаний. Причем, исходя из обнаруженных Фрейдом филогенетических схем и Юнговского коллективного бессознательного, — удовлетворение первичных желаний вполне может относиться: не только к его соответственной первозаданной природе; но и «переживанием доисторических времен, когда, например, открытое проявление сексуальных влечений не было чем-то предосудительным, запретным, постыдным. «Ему нравится, — пояснил Фрейд, говоря о фантазиях человека, — попеременно быть наслаждающимся животным и затем опять разумным существом»⁶⁷.

В основе возникновения художественного творчества лежит травма. Душевная травма. А потому почти всегда художественное творчество — это результат душевных страданий, страданий личности; результат (следствие) некой сублимации неврозов и психозов индивида. Своего рода бегство от болезни.

66 Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк под редакцией проф. З. Фрейда // Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2002. С.176.

67 Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001. С.118.

Именно поэтому становится понятно, почему художественному творчеству возможности возникновения его (во все времена) придавали такое значение. Намного опережавшее непосредственно мысль о ценности художественного творчества как такового. (В контексте какого-либо отдельного автора.)

И уже тогда для нас должна быть объяснима причина содержания произведения того или иного автора. Стать понятной — суть выбора темы произведения. Выбор той или иной формы написания (своего рода литературный жанр). Приверженность (и представление) тех или иных откровений. Представленных эмоций. Вытесненных на поверхность (в текст — на страницы произведения) душевных страданий, мыслей, пороков... Потому как так или иначе появившееся на бумаге состояния душевной жизни индивида. Устройства — его психического аппарата. (Или — что тоже необходимо учитывать — содержание его бессознательного, его психики — на ранний, какой-то определенный момент. Период времени.) И подобное утверждение напрямую исходит из т. н. способа формирования бессознательного (рассматриваемого нами в ч. 2 данной работы и в ряде специально посвященных данному вопросу отдельных исследований).

Кстати, подобные выводы так или иначе пересекаются с итоговыми возможностями психоаналитической практики.

В данном утверждении (по результатам психоаналитической психотерапии и сублимации в художественное творчество) можно найти достаточно точек соприкосновения, между, по сути, двумя способами психотерапии психоаналитическим консультированием; и творчеством. По своим целям, задачам и вероятно? достигаемым результатом это два направления одного и того же.

И в случае с посещением аналитика, и в случае творчества перед нами предстает решение одной и той же проблемы: нарушения психического здоровья. Психической целостности. Пациент (или творец) посредством рассказа (свободной ассоциации — в кабинете у аналитика), посредством разговора добывается того же, что и творец (автор) своим тоже, по сути, рассказом и посредством тех же самых слов (но уже не просто «выговариваемых» вслух — как в первом варианте). В обоих случаях происходит одна и та же метаморфоза: вытесненное

ранее либидо (желание), базирующееся в бессознательном и превратившееся там в симптом какого-либо заболевания психотического или психопатологического характера, теперь (путем проговаривания или перенесения на бумагу, а значит, уже, так или иначе, включение механизмов сознания) появляется в сознании. (Своего рода — «обналичивается»). После чего становится уже не симптомом заболевания; нарушения психики. А попросту и ничем вовсе. Потому как исчезает (из зоны возможного внимания бессознательного).

А так как болезнь — это своего рода конфликт между Я и Оно (сознанием и бессознательным), то в данном случае уже нивелируется сам смысл (симптоматики) болезни. Нет причины для симптома — нет и его самого. А значит, нет и того, что могло бы являться инициатором конфликта, в бессознательном. А значит, и конфликта между бессознательным и сознанием.

В результате мы имеем разные пути достижения одного и того же. Пути как говорится, разные. А результат один: индивид избавляется от своих проблем (психического характера).

Однако следует заметить, что в случае с творчеством эффект достигается несколько быстрее. И он — если можно так сказать — «долговечнее». Да и значительно проще для достижения. (В данном случае необходимо только наличие творческих способностей. Но даже если наблюдается и явное отсутствие подобного, все равно возможна сублимация в творчество. Просто в данном случае мы не будем говорить о качестве написанного. А с графоманских позиций очень даже возможно.)

И тогда уже творчество есть отыгрывание собственных страхов, тревожностей, условностей... автора. Попытка, быть может, выйти за рамки этих самых условностей.

А значит и стремление изменить свою собственную жизнь. Создание иллюзорного мира. С целью достижения, — что уже можно (по всей видимости) рассматривать как некий итог творчества: состояния — катарсиса. От всего того негатива что (бесспорно) наполняет каждого: творца.

И уже это очищение следует рассматривать как итог; как некое завершение этапа творчества. Этапа, к которому (несомненно) бессознательно стремится каждый автор.

И действительно, как заметил Лейбин, «эта заповедная пуща» с ее бессознательными грезами человека является источником как сновидений, так и невротических симптомов. Фрейд считает, что мир грез и фантазий особенно характерен для людей, страдающих психическими расстройствами. «Бегство в болезнь — это уход от реальности в мир фантазий, в ту “заповедную пущу”, где невротик свободно удовлетворяет свои вытесненные в бессознательное желания, не оглядываясь при этом на “принцип реальности” и не попадая под власть социокультурных запретов. В своих фантазиях невротик имеет дело не с материальной, а с такой реальностью, которая, будучи вымышленной, тем не менее оказывается реально значимой для него самого»⁶⁸.

Сам вариант художественного творчества может (порой) значительно различаться у отдельных писателей. Отличаться как в характере выбранных тем произведений, так и (уже в достаточно большом масштабе) в характере выбранных направлений.

При этом, что, быть может, покажется удивительным, иной раз выходит так, что сама выбранная тематика творчества порой отличается от внутреннего состояния автора проецируемого (им) в жизнь.

Другими словами, в жизни грустный и серьезный автор может преобразоваться в настоящего «юмориста» в своем творчестве. И наоборот. Что как бы еще раз подтверждает высказанное нами предположение о т. н. отыгрывании фантазий автора его творчеством.

4. Образ как способ адаптации индивида к среде обитания. Понятие образа и основные лейтмотивы поведения индивида в контексте выраженного образа. Образ как мотив поведения

Мы частично касались понятия «образа» в ч. 1 данной работы (когда рассматривали психику в целом). Однако, на наш взгляд, т. н. «образ», маска, в жизни индивида играет значи-

68 Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С. 118.

тельно большую роль, чем может показаться на первый взгляд. А потому, по всей видимости, и требует более детального рассмотрения.

Т. н. образ имеет несомненную аналогию с предложенным Юнгом понятием архетипической фигуры бессознательного — персоны. Однако мы позволим себе внести некоторое уточнение понятия образа, в какой-то мере, расширив его.

Образ — одно из тех немногих составляющих бессознательного, что не только сопровождает индивида на протяжении его жизни, но и формирует те стереотипы восприятия, которые остаются после его смерти. В качестве памяти о нем. И уже тогда понятие образа выходит на одну из ключевых позиций в т. н. психическом составляющем индивида. (Которое мы рассматриваем с позиции глубинной психологии. Т. е., главным образом, обращаясь к бессознательному, а не к сознанию.)

Что же такое образ?

А образ — это не что иное, как вымышленное (иллюзорное) представление индивида о себе.

В зависимости от ситуаций собственной жизни индивид вынужден (зачастую бессознательно) примерять ту или иную маску (маска как следствие последующего формирования образа), которая, на его взгляд, будет способствовать его адаптации к условиям внешней среды.

Происходит подобное оттого, что в нашем представлении (представлении, базирующемся в бессознательном психики), наше внутреннее состояние (некое истинное состояние души) порой значительно отличается от представления об «идеальном человеке», сформированного в подсознании окружающих. Другими словами, происхождение образа относится к некоему искаженному представлению о нас — у окружающих.

Равно как и, по всей видимости, достаточно ложному нашему представлению о них. Т. е. можно сказать, что рождению образа мы обязаны неверному (ошибочному) взгляду друг на друга: взгляду индивида на общество; общества (как сосредоточения масс) — на индивида. И отсюда то значение, которое приобретает рождение образа и для индивида, и для общества.

Рассмотрим данный пункт немного подробнее.

Мы уже заметили, что для индивида формирование какого-то образа — своего рода защита от проекции внешнего мира. По всей видимости, в новом образе он (индивид) ищет своего рода спасения от неверных взглядов, жестов, мнений (кривотолков) в свой адрес. Переадресуя это все на тот образ, который он формирует вместо себя. Другими словами, индивид надевает маску и предлагает окружающим считаться с ней. Именно с ней (маской, образом), а не с ним (человеком). Тем самым внутреннее состояние индивида погружается в некую защитную оболочку. А перед нами предстает своего рода ложный «внутренний мир» данного индивида. Главным образом — мир его иллюзий и... представлений о мире. О людях, населявших мир. И — окружающих его.

Причем представление это напрямую исходит из стереотипического понимания (представления) о мире (характерах людей и т. п.).

Зачастую также маска (и, как следствие, сформированный образ) не только подменяет истинный образ индивида (в соответствии с его внутренним содержанием), но и изменяет мироощущение индивида. Меняет его взгляд на жизнь. И происходит так оттого, что индивид сживается с вновь сформированным образом.

В данном случае можно говорить о том, что новый образ (и все представления о социуме, связанные с ним) как бы вытесняет его прежний, некогда считавшийся истинным.

Причем достаточно сложно утверждать, что это плохо. Пожалуй, совсем даже нет. В иных случаях даже можно говорить о необходимости подобного шага со стороны индивида. И, по всей видимости, сходный эффект достигается, когда наблюдается своеобразный рост личности индивида, изменение его внутреннего содержания. Когда наблюдается перерождение личности, возвышение на ряд ступенек (в собственном развитии), изменяется иерархия ценностей, меняется восприятие жизни.

Приходит новый анализ действительности. Индивид растет в своем развитии, самосовершенствуется. И потому вполне оправданным будет выглядеть тот факт, что индивид меняет свой образ (с которым он прежде всего ассоциируется в мнении окружающих). На смену старого, если можно так сказать, приходит более совершенный.

И это совсем неплохо.

Иной раз случается, что вместо одной маски индивид примеряет несколько. Тем самым (как бы автоматически) перед нами предстает и несколько образов одного и того же индивида. Причем словосочетание «одного и того же» уже будет, в данном случае означать лишь, если можно так выразиться, физическую оболочку индивида, его телесную сущность (как единицы в цепи населявших мир личностей). Тогда как образов (в представлении окружающих) вполне может быть несколько. Почему нет?..

Кстати, в случаях с некими «ущербными» личностями, индивидами с неразвитой, инфантильной психикой, с каким-либо развитием симптоматики психических заболеваний подобное «перерождение» может носить ярко выраженный позитивный оттенок. Ведь подобный индивид в данном случае: тоже изменится. Он уже, так или иначе, подстраивает свои мысли (и являющиеся следствием их желания и поступки) в соответствии с новым (измененным) представлением о себе. О себе — другом. О себе — новом. Т. е. мы уже можем говорить о формировании новой личности. С новыми привычками, желаниями и возможностями (являющимися следствием первых двух). И уже потому роль вновь сформированного образа принимает поистине неценный вид. В т. ч. и в проявлении лечебных акцентов формирования маски. Маски — как нового «лица». Маски — как нового внутреннего (а значит, и психического) содержания.

И в этом значение образа в жизни индивида.

5. Стереотипы. Специфика мышления.

Предрасположенность к восприятию

В данном разделе нам хотелось бы затронуть тему стереотипов. Понятие стереотипов напрямую связано с темой предыдущей части: образами, маской, формируемыми в подсознании каждого индивида.

И уже тогда стереотипы — это сформировавшиеся в бессознательном паттерны поведения. Устоявшиеся (и закрепленные в подсознании) привычки реагирования на те или иные действия. Рождаемые поведенческие ответы на различного рода жизненные ситуации.

Т. е., другими словами, стереотипичность мышления свойственна всем людям. С самого раннего детства (как раз, видимо, основа закладывания в подсознание паттернов поведения) ребенок приобретает привычки реагировать тем или иным способом на какие-либо создавшиеся ситуации. Тем самым в последующем он как бы уже не выходит из навязанных ему рамок. И любые свои новые действия диктует с позиции имеющихся у него (и устоявшихся) привычек, стереотипов. Выражающихся, главным образом, в стереотипичности мышления; и в стереотипичности поведения; и, что уже само собой разумеется, в стереотипичности, сформированности определенных взглядов на жизнь.

Уже отсюда можно заключить, что любые взгляды так или иначе становятся навязанными индивидами обществу. Так же как и общество, социум влияет на формирование стереотипичности мышления своих отдельных членов — индивидов. Быть может, даже и в значительно большей степени.

К вопросу о стереотипичности мышления еще можно было бы сказать, что подобное (так же как и формирование образов) свойственно чуть ли не каждому индивиду. Быть может, потому ряд психотерапевтических методик (НЛП, например, или бихевиоризм; в какой-то мере, — гештальт-терапия и др.) направлены или на выход за пределы устоявшегося стереотипа мышления, или базируются на существовании этих самых стереотипов (в какой-то мере и индивидуальная психология Адлера, и аналитическая психология Юнга, и психоанализ Фрейда ориентируются на классическое «реагирование» индивида на те или иные ситуации (раздражители).

Причем освобождение, выход за рамки тех или иных стереотипов, несомненно, в какой-то мере даже благодатно для индивида. Вообще, как известно, выход — оторванность (пусть и искусственная) от общей массы одного отдельного индивида затрудняет управление (массой), манипулирование над ней. Что, заметим, может быть весьма плачевно и для самого индивида. Вследствие роевого характера сознания отдельные индивиды вынуждены сгруппировываться, собираться в группы; в объединении наступает общее избавление от проявления (свойственного одиночкам) симптоматики различных заболеваний психопатического характера (происхождение истерии, неврозов страха... по всей видимости, как раз отсюда же).

Т. е., другими словами, можно сказать, что маска (искусственная формируемость отдельных индивидов) важна для индивида. Находясь в толпе, индивид не испытывает страхов, тревог и волнений. Он как бы высвобождается от них. Так же как он подчиняется и общей стереотипичности мышления и поведению толпы. Со всеми теми признаками внушения, подчинения, подражания и т. п., которые были выведены Ле Боном и Фрейдом. (Вообще если бы индивидам не была бы присуща стереотипичность мышления, то невероятно затруднялась бы профессиональная деятельность психологов, политиков, писателей, режиссеров, актеров... Так или иначе деятельность людей вышеперечисленных профессий (и, конечно же, не только их) базируется на принципе интроекции, открытом Вундтом. Суть проекции в том, что психика индивида, несмотря на отличие каждого из них, на самом деле одна и та же. С общими механизмами, позволяющими, «понимая» одного (например, самого себя), находить объяснение мотивам поведения, мышления, восприятия действительности другими. На чем примерно и базируется принцип стереотипов.)

Однако отдельный индивид способен высвободиться от навязываемых ему (самим обществом, жизнью в социуме) стереотипов. Но в ответ он расплачивается симптоматикой какого-нибудь заболевания: от истерии, невроза или синдрома навязчивых состояний до шизофрении, галлюцинаторного бреда, паранойи... Включая, быть может, и еще более тяжкие формы настоящей психопатологии. (Что уже напрямую относится к ведению клинической — и стационарной — психиатрии.)

Но, быть может, это и оправданная плата за гениальность?

6. Регрессия. Попытка избежать окультуривания

Понятие т. н. регрессии служит одним из механизмов защиты психики. А его рассмотрение в данной работе, на наш взгляд, необходимо из-за того, что, во-первых, является неким продолжением предыдущего рассмотрения вопросов стереотипичности мышления, поведения, а во-вторых, оно

косвенно но так или иначе, ответственно за формирование маски; тайного образа ответственна за сам факт необходимости подобного.

В какой-то мере мы уже касались понятия регрессии — в контексте рассмотрения защит психики в ряде отдельных работ. И тогда уже сейчас рассмотрение подобной темы вызвано желанием проследить за способами избавления индивида (его психического содержания) от определенного ряда шаблонных требований, навязываемых сознанием. Т. е. в той или иной мере, навязываемых спецификой культуры, цивилизации (главным образом — цивилизованности).

Как помним, Фрейд видел именно в культуре (цивилизации) причину развития в психике индивида неврозов и т. п. заболеваний. Тогда как освобождение (в данном случае искусственное) от требований и норм, навязываемых цивилизацией, как бы возвращает индивида к первобытнообщинным паттернам поведения. К архаичному (инфантильному) составляющему психики. А значит, перед нами (искусственное) освобождение психики индивида от (свойственных ей) тревог, беспокойств и т. п.; от страданий. Тем самым, искусственно погружая психику в инфантильно-архаичные паттерны поведения, мы способствуем исцелению индивида, освобождению его от различных комплексов и — что, пожалуй, самое главное, — от симптоматики психических заболеваний. Что поистине бесценно.

И цена-то совсем небольшая. Просто на время наш индивид должен избавляться от навязанных ему (культурой, своеобразным окультуриванием) норм поведения. Ну, своего рода, наш индивид должен становиться: «дурачком». Но лишь на время. Слишком долгое задерживание в данном состоянии тоже чревато. Невозвращением, например. (Ведь намного легче казаться «идиотом»). И уже потому определенного ряда индивидам подобная методика (регрессия) противопоказана. (Тем более что кое-кто постоянно находится в ней. И при этом — стоит заметить — неплохо живет).

Тема регрессии имеет несомненное значение в объяснении теории психоанализа. Являясь одной из форм защит психики, регрессия служит своеобразной «лакмусовой бумагой» болезни. Рубиконом, за которым возможно то или иное развитие болезни.

Так или иначе, подобные механизмы (защиты психики) могут быть вызваны как минимум двумя причинами. Это или искусственное (и инсценированное самим индивидом), погружение в глубь собственного бессознательного и, как следствие, вызов архаичных «переживаний» или следствие развития болезни. Когда психика индивида, зачастую совсем независимо от присутствующих в ней желаний, погружает его в состояние детства, младенчества. Подобным образом высвобождаясь от груза ответственности, возложенного (на индивида) цивилизацией.

В первом случае мы говорим о вполне «здоровом» состоянии психики. Во втором — о механизмах развития психических заболеваний. В одном — индивид, вполне сознательно погружая себя в состояние, свойственное инфантильному укладу архаичной психики первобытного человека (с его вседозволенностью удовлетворения первичных желаний) все же «контролирует ситуацию». И при желании может (т. е. способен) вернуться обратно. В другом случае психика индивида уже отказывается воспринимать действительность. Это своего рода бегство, в болезнь. В детство. И возвращение обратно, в данном случае, достаточно проблематично.

Фенихель предлагал различать два вида регрессии.⁶⁹ В одном случае это т. н. регрессия от взрослых форм сексуальности к инфантильным формам. «Эта регрессия является предпосылкой неврозов,— замечает он. — Любое разочарование или угроза может способствовать возвращению к стадиям инфантильной сексуальности, на которых имеется бессознательная фиксация, иными словами, к вытесненным влечениям, оставшимся неизменными на бессознательном уровне. Однако невроз разовьется только в случае, если мобилизация инфантильной сексуальности приведет к возобновлению старых конфликтов, бушевавших вокруг нее в детстве. Регрессия к инфантильной сексуальности может ограничиться ведущей эрогенной зоной, чтобы, например, орально фиксированный истеричный индивид выразил свои генитальные эдиповы желания в фантазиях о фелляции или оральных симптомах. Возможна и полная регрессия, когда не только окончательно сформированные генитальные желания выражаются преге-

69 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С. 212..

нитальным путем, но также весь прегенитальный комплекс, включая такие характеристики, как амбивалентность и бисексуальность, замещает генитальность. В известном смысле типичный компульсивный невротик отказывается от генитальности и вновь становится анально-садистичным.

Второй особый случай регрессии — регрессия к первичному нарциссизму, или к стадии развития, предшествующей дифференциации Эго и Ит. Если случается эта глубочайшая регрессия, то имеет место возобновление самого старого типа защиты — блокирования Эго».

Но, так или иначе регрессия не только необходима, но и оправданна. И даже когда наступают «необратимые последствия», вызванные развитием психических заболеваний все равно достигается единый результат: сохранение жизни индивида. А это, пожалуй, бесценно.

7. Тревожность и беспокойство. Синдром ошибочного присутствия «чувства вины»

Затронув тему тревожности и беспокойства, мы должны проследить пути возникновения подобных состояний. И, на наш взгляд, и развитие состояния тревожности, и развитие состояния беспокойства базируются на развитии (и прежде всего возникновении) чувства вины.

Именно чувство вины, по нашему мнению, является причиной возникновения беспокойства, а также еще ряда состояний психики (страхи, психозы, навязчивые состояния...), которые вполне можно охарактеризовать как нарушения психического здоровья, отклонения от принятых норм. Норм поведения ориентированных опять же на стереотипичность восприятия индивида в социуме. По отношению к социуму. Норм поведения (закладываемых правил, установленных ценностей, принимаемых условий возможности существования в рамках цивилизации), принятых в среде обитания человека.

Начало зарождения чувства вины в индивиде Фрейд видел в Эдиповом комплексе, когда ребенок испытывает либидозные инстинкты по отношению к матери, а значит, и чувство вины из-за сего факта.

«Самым важным событием... истории детской сексуальной жизни, — пишет Волошинов⁷⁰, — является половое влечение к матери и связанная с ним ненависть к отцу, так называемый Эдипов комплекс... Первым объектом эротических влечений человека... является его мать. Отношения ребенка к матери с самого начала резко сексуальны... ребенок тянется в постель к матери, прижимается к ее телу, и смутная память его организма влечет его к... возвращению назад (в тело матери). Таким образом, ребенка органически влечет к инцесту (кровосмешению). Рождение инцестуозных желаний, чувств и представлений при этом совершенно неизбежно.

Союзником в этих влечениях маленького Эдипа становится его отец, который навлекает на себя ненависть сына. Ведь отец вмешивается в отношение ребенка к матери, не позволяет брать его в постель, заставляет быть самостоятельным, обходиться без материнской помощи и пр. Отсюда у ребенка является инфантильное желание смерти отца, которая позволила бы ему нераздельно владеть матерью. Так как в душе ребенка в ту эпоху его развития еще нераздельно господствует принцип наслаждения, то нет никакого предела для развития как инцестуозных, так и враждебных стремлений, желаний и связанных с ними разнообразных чувств и образов.

Когда принцип реальности получает силу и голос отца с его запретами начинает мало-помалу перерабатываться в голос собственной совести, начинается тяжелая, упорная борьба с инцестуозными влечениями, и они вытесняются в бессознательное. Весь Эдипов комплекс подвергается полной амнезии (забвению). На месте вытесненных влечений рождаются страх и стыд; их вызывает в душе сама мысль о возможности полового влечения к матери. Цензура прекрасно выполнила свое дело: легальное — так сказать, официальное — сознание человека со всею искренностью протестует против самого намека на возможность Эдипова комплекса».

Также, прослеживая развитие в психике индивида чувства вины, Фрейд предлагает нам вернуться еще более назад, к первобытно-общинному строю; доказывая, что чувство вины было вызвано: убийством главы (вождя) племени (убийство отца — старшими сыновьями). После убийства наступает «по-

70 Волошинов В. Н. Фрейдизм. М., 2004. С.35—36.

едание» праотца. «Представим себе, — пишет Фрейд⁷¹, — картину такой тотемической трапезы... Клан умерщвляет жестоким образом свой тотем по торжественному поводу и съедает... при этом члены клана по внешнему виду имеют сходство с тотемом, подражают его звукам и движениям, как будто хотят подчеркнуть свое тождество с ним. При этом акте сознают, что совершают запрещенное каждому в отдельности действие, которое может быть оправдано только участием всех; никто не может также отказаться от участия в умерщвлении и в трапезе. По совершении... оплакивают...

Но вслед за... скорбью наступает... праздник...

...В один прекрасный день (братья) убили и съели отца и положили, таким образом, конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было невозможно каждому в отдельности...

Жестокий праотец был, несомненно, образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы. Тотемическая трапеза, может быть, первое празднество человечества, была повторением и воспоминанием этого замечательного преступного деяния, от которого многое взяло свое начало: социальные организации, нравственные ограничения и религия.

Для того чтобы, не считаясь с разными предположениями, признать вероятными эти выводы, достаточно допустить, что объединившиеся братья находились во власти тех же противоречивых чувств к отцу, которые мы можем доказать у каждого из наших детей и у наших невротиков как содержание амбивалентности отцовского комплекса. Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремлений к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившихся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния, возникло сознание вины, совпадающее здесь с испытанным всеми раскаянием».

71 Фрейд З. Тотем и табу // Остроумие и его отношение к бессознательному. Страх. Тотем и табу: Сборник. Минск., 1998. С. 469 – 472.

Отдаляясь от причины зарождения чувства вины в психике индивида, заметим, что специфика существования чувства вины накладывает свой неизгладимый отпечаток на психику индивидов. Не только являясь причиной возникновения симптоматики различных заболеваний, из которых тревожность и беспокойство лишь следствие (одно из многих) существования факта подобного рода, но и чувство вины, так или иначе присутствуя в бессознательном, является причиной формирования многих (если не большинства, если не всех) поведенческих мотивов данного индивида.

Ну и, конечно же, чувство вины одна из причин формирования неврозов. И, если можно так выразиться, является одним из неотъемлемых факторов, сопровождающих невротиков на фоне их беспокойной жизни.

Сама по себе теория неврозов была бы, вероятно, неполной, если бы мы уже так или иначе не коснулись изначального положения развития неврозов.

В данном случае мы должны подойти к теме т. н. травматических неврозов.

По мнению Фенихеля⁷² «симптомы травматических неврозов следующие: а) блокирование или снижение функций Эго; б) приступы неконтролируемых эмоций, особенно тревоги и гнева... в) бессонница или тяжелые нарушения сна с типичными сновидениями, в которых снова и снова переживается травма, полное или частичное проигрывание травмирующей ситуации в дневное время в форме фантазий, мыслей, чувств; г) осложнения в виде психоневротических симптомов».

В какой-то мере, вероятно, стоит разобрать каждое подробнее.

Блокирование и снижение функций Эго (Я).

В данном случае характерно обращение психики индивида (в качестве возможного соотносения к одному из способов защит) к детским периодам развития, вследствие своего рода регрессии.

72 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.160.

Среди ярко выраженных форм блокирования следует, вероятно, обратить внимание на снижение сексуального интереса. «...Сексуальные интересы у травматических невротиков уменьшаются, — отмечает Фенихель⁷³, — мужчины очень часто страдают временной импотенцией».

Эмоциональные приступы.

В данном случае индивид зачастую характеризуется вспышками немотивированной злобы и агрессии. Для него также характерно общее состояние возбуждения, когда нахождение в каком-либо фиксированном состоянии (требующем покоя и умиротворенности) вполне прагматично.

Например, находящимся в подобном состоянии невротикам практически невозможно сосредоточиться на выполнении какой-либо монотонной работы, требующей сосредоточенности. Скажем, чтения или письма.

«...Приступы тревоги, — отмечает Фенихель⁷⁴, — представляют собой повторение ранее травматических состояний. Состояние переполнения перенаправленным возбуждением субъективно переживается очень болезненно, и качество этой боли схоже с тревогой. Причина — отчасти в собственно непреодолимом внутреннем напряжении, отчасти в вегетативных аварийных разрядах... Таким образом, тревога и гнев травматических невротиков представляют собой разрядки возбуждения, возникающего в травмирующих ситуациях и не получившего достаточной разрядки. Специфичность их природы часто объясняется испытанными в процессе травмы эмоциями (или эмоциями, возникшими, но не пережитыми)».

Бессонница.

Как известно, сон основной способ релаксации. И в данном случае вполне закономерно, что травматический невроз бьет, что называется, по «самому дорогому», т. е. нарушает сон, и как следствие, — способствует сохранению возбуждения в ЦНС. В случаях же, когда все же сон становится возможен, в сновидениях невротиков травма так или иначе отыгрывается вновь. (Причем повторение травмы возможно и в состоянии бодрствования.)

73 Там же. С.161.

74 Там же. С. 162.

Психоневротические осложнения возможны в случаях, когда Я индивида, не справляется с находящимися в постоянном желании «прорваться» атаками бессознательного. И в случаях, когда подобное все-таки случается, можно говорить, что прежний баланс между «вытесненными побуждениями и вытесняющими силами»⁷⁵ нарушает тяжелая травма.

В таком случае травма может вызвать страхи или депрессии. (В данном случае уместна аналогия между страхами, возникающими в процессе утраты любви и в результате «предательства» родителей. «Такие особы переживают травму как предательство судьбы, которая отказала в дальнейшей защите», — отмечает Фенихель⁷⁶.)

И тогда уже заметим, что основу психоневрозов составляет невротический конфликт.

Мы также можем заключить, что в основе невротического конфликта лежит состояние тревоги.

«Сама тревога, — по мнению Фенихеля⁷⁷, — это проявление неконтролируемого напряжения».

«Невротический конфликт усложняется, — продолжает Фенихель⁷⁸, — когда тревога замещается чувством вины. Чувство вины представляет собой тревогу с определенным топическим отнесением: Эго испытывает тревогу по отношению к Супер-Эго».

Кстати, достаточно интересно, что чувство вины, по всей видимости, можно отнести к формированию в оральный период (стадию) развития. Словно в подтверждение этого предположения, служит отказ от пищи невротиков во время, например, депрессии.

В какой-то мере уход из невротической реальности, если противопоставить симптом возникновения невроза и проблеме, причину его возникновения. И уже тогда одна из форм освобождения от симптоматики будет заключаться в том, чтобы поставить себя (как личность) над проблемой. Т. е. рассматривать проблему с позиции возвышения над ней, нивелировать ее сущностное восприятие.

75 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. С.167.

76 Там же. С.166.

77 Там же. С.177.

78 Там же. С. 179.

Не идеализировать случившееся (психотравму в данном случае), а возвыситься над ней. Быть может, взглянуть на (данную проблему) с другой плоскости восприятия.

И уже тогда сама проблема (вероятно) не покажется таковой.

В какой-то мере нечто подобное, вероятно, используется в гештальт-терапии, когда идет разделение среды на составляющие фигуры (то, что в данный момент более важно для индивида) и фон (то, что отходит на второй план); также любопытен в данном отношении психосинтез. Например, в соответствии с принципом разотождествления (метод разотождествления и работа над сублимностями — два основных метода в психосинтезе Ассаджиоли) мы раскладываем «мыслеобразы» нашего сознания (любая проблема «осознается» нами, а потому находится в сознании, проецируя, соответственно, мысль о ней) на составляющие контролируя каждый из них. «Иными словами, — пишет Ассаджиоли, — нам следует наблюдать их холодно и бесстрастно — так, как если бы они были просто внешними природными явлениями. Необходимо установить между собой и ними "психологическую дистанцию" и, удерживая эти комплексы и мыслеобразы, так сказать, на расстоянии вытянутой руки, спокойно изучать их происхождение, их природу и — их глупость»⁷⁹.

Следует, пожалуй, отдать должное и т. н. позитивной психотерапии Пазешкиана. Согласно данному виду терапии проблема рассматривается с каких-либо позитивных позиций. Т. е., опять, в данном случае мы раскладываем существующую диспозицию (конфликт) между сознанием и бессознательным на ряд составляющих (как бы вычлняя их из проблемы) и рассматриваем каждую по отдельностям, пытаясь отыскать (в ней) позитивные стороны. И уже тогда основной целью позитивной психотерапии является желание изменить точку зрения о проблеме. Убрать (зачастую достаточно превалирующий) негативный аспект восприятия (что, в свою очередь, так или иначе пересекается со спецификой стереотипичности мышления, когда подсознательно от случившегося мы ждем больше плохого, чем хорошего).

79 Кондрашенко В. Т., Донской Д. И., Игумнов С. А. Общая психотерапия. М., 2001. С. 243.

«...Позитивная психотерапия — это терапия, центрированная на конфликте. Поэтому лечение начинается с тщательной проработки самого конфликта.

Если представить конфликт в виде картины, то пациента можно сравнить с человеком, настолько близко подошедшим к картине, что он отчетливо видит не только ее детали, но не в состоянии рассмотреть ее целиком. А поэтому и не понимает ее смысла. Вот почему на первом этапе лечения психотерапевт должен помочь пациенту как бы отстраниться от создавшейся конфликтной ситуации, рассмотреть ее со стороны...»⁸⁰.

Несомненно, заслуживает внимание еще целый ряд методик, приближающих нас к пониманию проблемы. А значит, способствующих отдалению (высвобождению) симптоматики невротической тревоги и беспокойства (беспокойство, вероятно, как своего рода специфическое следствие тревоги и тревожности).

Однако мы, по всей видимости, должны вернуться к пояснению словосочетания, вытесненного в заглавие, и пояснить в чем же заключается т. н. синдром ошибочного присутствия чувства вины.

Стоит заметить, что мы уже так или иначе ответили на данный вопрос. А потому данный ответ вполне можно рассматривать с неких резюмирующих позиций, подытоживающих наши измышления по данному вопросу.

И уже тогда позволим себе заметить: чувство вины, ее присутствие в психике индивида вполне можно рассматривать как признак невротичности натуры.

Если дистанцироваться от каких-то аналогий (сопоставления) чувства вины с понятием совести (имеющей, несмотря ни на что, достаточно явственно проступающие параллели), то вполне можно заключить: возникновение чувства вины возможно лишь в случаях уже изначальной предрасположенности к конфликтам. То есть, иными словами, зарождение чувства вины происходит на какой-либо (ранее «сдобренной») базе, где все готово, так сказать, к приему (появления) сего факта.

А значит, мы уже можем говорить, что чувство вины не только является следствием общей невротичности личности (или следствием какого-либо невроза), но и своего рода

80 Там же. С.260 — 261.

предтечей его. Потому как, так же, как и где существует невроз можно говорить о зарождении чувства вины; точно так же — где мы можем отметить существование чувства вины почти наверняка можем заключить, что это явилось почти непреложным следствием невроза.

Это взаимодополняющие понятия (так же, вероятно, как и взаимоисключающие, потому как при отсутствии одного почти наверняка мы будем наблюдать и отсутствие другого. И иного, как говорится, не дано.).

Рассматривая вопрос тревоги, беспокойства, мы должны обратить внимание на проявление психикой защиты подобных «раздражителей» психического аппарата.

Защиту Я можно разделить на успешную (в результате которой наступила своеобразная блокировка нежелательных побуждений) и безуспешную (характеризующуюся повторением процесса запретных побуждений).

Несмотря на то что граница между двумя вариантами защит, по всей видимости, недостаточно очерчена, мы можем обратить внимание, что не всегда возможно провести параллель между влечением, измененным под влиянием Я, и влечением, появившимся в результате запрета Я, и оттого являющейся своего рода непризнанным данной инстанцией.

В данном случае нам любопытны для рассмотрения — именно подобные варианты защит. (Тем не менее это совсем не значит, что «успешные» защиты полностью игнорируются. Заметим, что некоторые из них мы уже рассматривали тем или иным образом. Например, сублимацию. В данном случае, вероятно, под сублимацией мы можем иметь в виду и защиты, общий признак которых можно охарактеризовать как защиты, сублимированная разрядка в которых произошла искусственным путем.)

Достаточно интересен механизм отрицания. Как известно, отрицание — одна из форм защит психики, при которой какие-либо ярко выраженные факты прошлого или настоящего оказываются в вытесненном (в бессознательное) состоянии вследствие отказа психики индивида от их восприятия. В иных случаях возможно появление замещающего объекта. В таком случае, конечно же, искажается смысловая характеристика

какого-либо определенного факта прошлого опыта, но мы можем говорить о той или иной роли сохранения объекта в памяти. «Иногда борьба между отрицанием и памятью доступна непосредственному наблюдению, — замечает Фенихель.⁸¹ Досадное событие то признается, то отрицается. Если в этой ситуации восприятию или памяти предлагается замещающий объект, хотя и относящийся к неприемлемому объекту, но безвредный, заместитель принимается и борьба завершается в пользу вытеснения... Это изыскивает в своем хранилище образы, которые можно предложить сознанию в качестве заместителя».

Проекция.

Возможность появления проекции, на наш взгляд, связано с тем, что индивид (его психика) значительно легче принимает информацию об опасности (как и саму опасность) снаружи; извне, нежели изнутри. В какой-то мере это может быть связано с тем, что целый ряд защит становится эффективен против внешних раздражителей.

Проекция осуществляется образом, когда некогда отринутые (Эго, Я) эмоции и волнения оказываются вновь «востребованными». Точнее, проявляется возможность: для принятия их.

При этом, как замечает Фенихель⁸², «оскорбительные побуждения приписываются другому лицу вместо собственного Эго. Таким образом, для защитного механизма проекции справедливо то же самое, что для тревоги и чувства вины: архаические реакции, которые в раннем периоде развития непроизвольны, позднее приручаются и используются в защитных целях».

Обратим внимание, что подобный вариант защиты возможен лишь в случаях, когда наблюдается нарушение у Я чувства реальности (вследствие нарциссической регрессии).

Интроекция.

В какой-то мере можно заключить, что интроекция — прототип раннего могущества, оказываемого ребенком на взрослого (например, напрашивается некая аналогия с

81 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.192.

82 Там же. С.194.

анальной фазой развития младенца, когда он показным вниманием к своим фекалиям управляет взрослыми. Если захочет внимания и любви — покакает. Если нет — не станет.

Отсюда можно заключить, что интроекция, по всей видимости, может считаться наиболее архаичной нацеленностью на объект. А идентификация посредством интроекции — наиболее примитивным типом отношения к объекту.

Вытеснение.

Вытеснение выражается в ненамеренном (бессознательном) забывании ситуаций, которые или позиционируются как запретные варианты удовлетворения либидо, или выражаются в намеках на них. В данном случае, по всей видимости, наблюдается блокировка осознания сего факта (факта наличия желаний). Однако нисколько не означает, что вытеснение из сознания означает окончательное избавление. В определенные моменты мы можем говорить о (внезапном) поступлении ранее вытесненной информации из бессознательного в сознание и тем самым превращении ранее вытесненного желания в симптоматику психопатического или психопатологического заболевания.

Также заметим о проведении Фрейдом аналогии между вытесненным бессознательным и проявлением того в сновидениях. «В течение ночи вереница мыслей, вызванных к жизни дневной духовной деятельностью человека, — отмечает Лейбин⁸³, — находит связь с какими-либо бессознательными желаниями, которые имеются у сновидца с раннего детства, но которые обычно "вытеснены и исключены из его сознательного существа". Эти мысли могут стать снова деятельными и всплыть в сознание в образе сновидения, о скрытом смысле которого он, как правило, ничего не знает и, следовательно, не догадывается о содержании того, что находится в вытесненном бессознательном».

Томэ и Кэхеле⁸⁴ замечают: «Прототипом для Фрейдовского понимания действия сформировавшихся механизмов защиты было описаное им сопротивление вытеснения... Со-

83 Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001. С. 115.

84 Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Теория. М., 1996. С. 172.

гласно Сандлеру и соавторам, сопротивление вытеснения возникает тогда, когда пациент защищается «от импульсов, воспоминаний и чувств, которые, если они проникнут в сознание, привели бы к болезненному состоянию или к угрозе возникновения такого состояния».

А. Фрейд в одной из своих программных работ "Я" и механизмы защиты⁸⁵, отмечает: «...у ребенка, который овладевает своими детскими конфликтами в истерической или навязчивой форме, патологии выражены сильнее. Такой ребенок лишен контроля над частью своей аффективной жизни из-за произошедшего вытеснения. Его "Я" претерпело реактивное изменение... Теперь, для того чтобы в дальнейшем обеспечить безопасность вытеснения, большая часть активности таких детей расходуется на поддержание антикатексисов. Именно на них впоследствии и возлагается обеспечение безопасности. Эта трата энергии не проходит бесследно. Она проявляется в сокращении других видов активности и торможения. Однако, разрешив конфликты с помощью вытеснения, "Я" ребенка все же находится в покое. Хотя патологические последствия этого процесса неизбежны. Страдание "Оно" вторичны и являются следствием невроза, который формирует вытеснение. Результатом этого является то, что "Я" овладевает своей тревожностью, избавляется от чувства вины и удовлетворяет свою потребность в наказании, по крайней мере в пределах истерии обращения или невроза навязчивости. Разница в использовании способов защиты "Я" заключается в следующем: если "Я" прибегает к вытеснению, то формирование симптомов избавляет его от необходимости овладевать своими конфликтами; если же "Я" прибегает к другим способам, эта проблема остается».

«Поскольку вытесненное продолжает существовать на бессознательном уровне, — отмечает Фенихель⁸⁶, — и формирует дериваты, вытеснение никогда не происходит раз и навсегда, на его поддержание требуется непрерывный расход энергии, вытесненное постоянно стремится к разрядке.

85 Фрейд А. «Я» и механизмы защиты // Введение в детский психоанализ: Норма и патология детского развития; «Я» и механизмы защиты. Мн., 2004. С. 346-347.

86 Фенихель О. Психоаналитическая теория невротозов. М., 2004. С. 198 – 199.

Затрату энергии можно наблюдать в клинических феноменах: например, в общем истощении невротика, расходующего энергию на вытеснение и поэтому испытывающего ее недостаток при реализации других целей. Этим объясняются некоторые виды невротической усталости. Типичное невротическое чувство неполноценности соответствует энергетическому истощению... У невротиков формируются установки во избежание ситуаций, в которых возможна мобилизация вытесненного материала (фобии). Возникают даже установки, противоречащие изначальным побуждениям, гарантирующие, что вытесненное остается вытесненным».

Реактивные образования.

Обратим внимание, что некоторые виды защит способны представлять собой некие промежуточные этапы между вытеснением и реактивным образованием. Фенихель⁸⁷ приводит пример с истеричной матерью, которая поляризует свои взрослые взгляды на ребенка, от гнева и недовольства до утрированной любви к нему. «Дескриптивно,— пишет Фенихель⁸⁸, — это отношение можно назвать реактивным образованием, но в данном случае не подозревается изменение целостной личности в направлении доброты и уважительности. Доброта ограничивается одним объектом, и даже здесь ее приходится "реставрировать" всякий раз, когда того требуют обстоятельства. У компульсивного невротика, напротив, развивается истинное реактивное образование против ненависти, и он навсегда превращается в ригидно-добропорядочную личность...».

Аннулирование.

Зачастую подобный механизм защиты проявляется в желании сделать что-то, противоположное ранее сделанному. Но иногда возможно и вполне типичное: повторение собственного действия, произведенного раньше. Психоаналитическое объяснение двум взаимно противоположным действиям может заключаться в том что в первом случае

87 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С. 200.

88 Там же. С.200—201.

индивид производит какое-либо действие с некой инстинктивной верой в то, что если действие повторяется в другом душевном состоянии, то установка уничтожается.

Во втором случае навязчивость, по всей видимости, продиктована стремлением освобождения от некоего «тайного» смысла бессознательного, придав ему, быть может, обратное значение.

Изоляция.

В данном случае речь идет о бессознательном избавлении психики индивида (изоляция — один из вариантов защиты) от каких-либо сознательно травмирующих ситуаций (или моментов), создавая своего рода интервалы времени, не позволяющие действиям наслаиваться одно на другое. Например, возможна безэмоциональность при обсуждении волнующего его события, а потом вспышка неадекватных эмоций по поводу совсем нейтральной (его типичному восприятию) позиции.

«Многие дети, — отмечает Фенихель⁸⁹, — пытаются разрешить конфликты, изолируя определенные сферы жизни: например, школу от дома, общественную жизнь от тайн одиночества. В одной из двух изолированных сфер обычно проявляется инстинктивная свобода, в другой — благопристойное поведение. Расщепляются даже личность и сознание. Существуют как бы два ребенка, хороший ребенок не несет ответственности за поступки плохого ребенка.

Знаменитые случаи «раздвоения личности» следует рассматривать как изоляцию или вытеснение в зависимости от того, насколько индивид в одном состоянии знает о существовании другого состояния. Эти случаи показывают, что изоляция и вытеснение по существу родственные явления».

В какой-то мере изоляция как защита любопытна в ситуации, когда (словно подсознательно) нам что-то подсказывает не акцентировать внимание на какой-либо отдельной проблеме. Т. е. не уделять этому внимание все время. Постоянно. Попытаться, если можно так выразиться, оставить проблему в ситуации, рожденной ей. Потому как наверняка

89 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.207.

не можем мы все время находиться в плоскости одних и тех же размышлений. Это и есть болезнь, когда болезненный синдром заволакивает ваши мысли и сопровождает постоянно. Почти непременно следует отделить мысли о проблеме от остальных мыслей, предназначенных другому случаю, совсем иной ситуации.

И уже в этом плане и достаточно уместно будет вспомнить о изоляции. Изоляции, позволяющей отделить одно событие (в нашем воображении) от другого. И тем самым нивелировать проблему. А значит, в какой-то мере и освободиться от нее.

Защита от чувства вины.

Рассматривая (ранее) чувство вины, на наш взгляд, достаточно уместным будет осветить вопрос и защиты от постулирования в жизнь индивида данного чувства, чувства вины. И уже тогда мы можем вспомнить, что чувство вины имеет целый ряд защит. Данные типы защит в большей степени характерны для неврозов (при которых «Я» испытывает двойное давление: и со стороны «Оно», и со стороны «Сверх-Я»).

Итак. Чувство вины может вытесняться проецироваться (когда в совершении нежелательного поступка обвиняется кто-то другой), квазипроецироваться (когда для совершения поступка имеется напарник, на которого в последующем и перекладывается вина); имеет место быть порицание, укор другим за то, что могли бы сделать сами; также достаточно характерен пример с излишней навязчивостью, общительностью, внезапной словоохотливостью. В этом случае вполне можно заподозрить некую невротическую реакцию, проявляющуюся в стремлении невротика заглушить собственное чувство вины посредством получения одобрения за то, что внутренне переживается как запретное.

Изоляция чувства вины может встречаться, когда, например, индивид совершает какой-либо проступок с достаточно заметным эмоциональным равнодушием; тогда как за совсем безобидный поступок вполне искренне раскаивается.

8. Страх и бессознательное. Невротические следствия развития фобических проявлений

Как известно, Фрейд определял страх как «свойственную всем организмам реакция»⁹⁰. «Страх возникает — отмечал Фрейд⁹¹, — как реакция на положение, составляющее опасность, он (страх) регулярно воспроизводится, когда снова создается такое состояние».

Фрейд находил заметную связь между симптомом и торможением. Предлагая понимать под симптомообразованием следствие вытеснившегося (из Я) неудовлетворенного либидо (сохранившегося в виде бессознательного образования)⁹², Фрейд замечает, что торможение может и не означать «нечто безусловно патологическое»⁹³. Торможение, по Фрейду, — это ограничение функции «Я». «Я отказывается от возможной для него функции, чтобы не быть снова вынужденным совершить вытеснение, чтобы избегнуть конфликта с Оно»⁹⁴.

Разбирая отличие между вытесненным душевным движением, заменяющим его симптомом и мотивом вытеснения, Фрейд приходит к заключению, что «влечение, подлежащее вытеснению, представляет собой враждебный импульс против отца»⁹⁵, находя взаимосвязь между подобным желанием и намерением убить отца, содержащимся в Эдиповом комплексе.

В какой-то мере сделанные в дальнейшем выводы пересекаются с замечаниями анализа фобии маленького Ганса, где Фрейд находит, что «страх соответствует вытесненному желанию. Но он далеко не эквивалентен этому желанию... желание может целиком вылиться в удовлетворение. При страхе это... уже бесполезно. Страх остается даже тогда, когда желание могло бы быть удовлетворенным. Страх уже нельзя обратно превратить в либидо...»⁹⁶.

90 Фрейд З. Страх // Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. Минск., 1998. С. 285.

91 Там же.

92 Там же. С. 247.

93 Там же. С. 243.

94 Там же. С. 246.

95 Там же. С. 257.

96 Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психология

Фрейд находит, что поводом вытеснения является кастрационный страх⁹⁷. Проследивая взаимосвязь между фобиями животных и кастрационным страхом, он замечает, что содержание страха бессознательно. От фобии животных Фрейд переходит к неврозу навязчивости, считая, что причиной возникновения подобных невротических реакций является страх Я перед «Сверх-Я».⁹⁸ «...Мы получаем страх как проекцию на ситуацию опасности, — пишет он далее,⁹⁹ — от этого страха можно уберечься тем, что Я что-то совершает, чтобы избежать этой ситуации или увильнуть от нее. ...Симптомы создаются для того, чтобы избежать ситуации опасности, которая сигнализируется развитием страха...

Если страх является реакцией Я на опасность, то вполне естественно понимать травматический невроз, возникающий так часто вслед за пережитой опасностью для жизни, как прямое следствие страха за жизнь или страха смерти, принимая во внимание кастрацию и зависимость Я от других психических инстанций».

Фрейд также находит, что первым переживанием страха может быть состояние рождения¹⁰⁰.

По замечанию Фрейда, некоторые виды страха сопровождают индивида в течение всей жизни. Например, страх перед Сверх-Я. «Невротик, — пишет Фрейд¹⁰¹, — отличается в этом плане от нормального тем, что... чрезмерно преувеличивает реакции на эти опасности».

Лейбин в словаре-справочнике по психоанализу вносит такое определение страха: «Страх — психическое состояние человека, связанное с мучительными переживаниями и вызывающие действия, направленные на самосохранение»¹⁰².

Однако нам представляется необходимым сейчас не только рассмотреть природу страха в его фобических проявлениях (касаемых жизни индивида в социуме), но и наме-

бессознательного. СПб., 2002. С.48.

97 Фрейд З. Страх // Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. Мн., 1998. С.262.

98 Там же. С.280.

99 Там же. С.281.

100 Там же. С. 282.

101 Там же. С. 299.

102 Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб. С.561.

тить невротические детерминанты возникновения последующих страхов, рассмотрев как причины, так и следствия проявлений подобного.

И уже тогда попытаемся найти следствия невротических проявлений индивида в его жизни, а также отыскать причину (возникновения) подобного.

В данном случае следовало бы заметить, что ряд психических дисфункций сексуального характера, получив основу в детском возрасте (в результате специфического торможения), нашли свое отражение в сексуальных расстройствах уже взрослой жизни индивидов. Другими словами, речь, по всей видимости, идет о некоем смещении психических детерминант, в результате чего такие формы сексуальных заболеваний, как импотенция и фригидность, нашли свое отражение в страхах и появлении чувства вины, выступивших в своего рода проявлении защитных реакций, связанных с сексуальным возбуждением, и сместившихся от инфантильной сексуальности к взрослой вслед за смещением возбуждения. Например, напоминание об объектах орально-эротических устремлений (связанное с вытеснением оральных побуждений) могло вылиться:

а) к отказу от употребления пищи (от полного игнорирования и «вызыванию» вследствие этого спазматических реакций, до нарушения приема пищи);

б) смещением орального торможения на занятия со скрытым оральным значением (курение, употреблением алкоголя, и т. п.)

К проявлениям первого (отказа от употребления пищи) могут быть вовлечены и анальные компоненты (если мы говорим о сопротивлении приему пищи как акту контроля над собой). В подобном случае в качестве дополнительных оральных торможений может выступать, например, и задержка речевого развития ребенка. (В данном вопросе, скорей всего, мы можем говорить об оральной сфере как области сосредоточения ранних инстинктивных конфликтов.)

К невротическим проявлениям орального характера, по всей видимости, можно отнести и какое-либо ограничение приема пищи, исключение из рациона ряда продуктов

(вследствие, например, бессознательных ассоциаций части продуктов — с мужскими или женскими половыми органами). Т. е. речь идет о установлении своего рода табу в отдельных случаях возвращавших нас, быть может, к истокам развития цивилизации (достаточно вспомнить одно из программных произведений по этому вопросу З. Фрейда «Тотем и табу», где он прослеживает развитие и существование табу от первобытнообщинного строя к современной цивилизации).

Кстати, вероятно, следует обратить внимание и на существование такой формы проявления вытеснения, как патологическое влечение к пище. В данном случае вместо торможения (и, как следствие, отказа от пищи) имеет место сверхкомпенсация. Своего рода пищевая наркомания¹⁰³.

Следует заметить, что такие поведенческие мотивы индивида, как вежливость (порой излишняя), доброжелательность, нежелание участвовать в каких-либо спорах (т. е. изначальная соглашательская позиция), на самом деле вызваны невротическими тревогами индивида. Своего рода подавлением агрессивности (агрессивность в данном случае возможна вследствие бессознательного вытеснения ненависти). Т. е. индивид использует такую форму поведения, в результате которой не должны зародиться ни страх, ни чувство вины (вызывающее тревожность). А значит, всячески демонстрировать дружелюбие, вытеснение собственной агрессивности, что может привести к общей заторможенности, развитию чрезмерной социальной зависимости (блокирование любой деятельности, «избегание» контактов с внешним миром). Потому как страх утратить любовь может заставить индивида избегать всего, что усиливает этот страх¹⁰⁴.

Достаточно любопытен и последующий характер проявления торможения. Например, специальное торможение вызывает робость (а значит, и страх покраснеть; т. н. эритрофобия — конверсионный невроз покраснения)¹⁰⁵. Торможение в деятельной сфере может вызывать (проявляться как): неуклюжесть, ненависть, бесполезные движения... Помимо

103 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.239.

104 Там же. С.235.

105 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.239.

перечисленных соматических торможений могут наблюдаться и психические. Например, торможение мышления (интеллектуальное торможение). Специфика «применения» достаточно обширна. От синдрома резкого потупения (когда люди становятся глупыми в ответ на нежелание что-либо понимать: понимание может вызвать кастрационную тревогу или чувство вины) до торможения речи (заикание, неправильное построение фраз, забывание нужных слов...) ¹⁰⁶.

Нерешительность, безволие, склонность к постоянным сомнениям и недоверию также могут быть вызваны торможением. «У индивидов, избегающих любых независимых решений, — пишет Фенихель ¹⁰⁷, — заторможена волевая сфера. Это нарушение может быть составляющей навязчивой склонности во всем сомневаться и постоянно готовиться к действиям вместо их осуществления, что в тяжелых случаях приводит к "параличу воли". Причина нарушения нередко состоит в дефекте функций Супер-Эго: собственные волевые способности отрицаются и право принятия решений предоставляется другим из страха проявить агрессивность и потребности во внешнем одобрении. В невротической нерешительности находят выражения различные типы конфликтов с объектами».

Подытоживая начатый разговор о торможении и страхах, иной раз формируемыми вследствие него, заметим, что торможение как бы оттягивает на себя часть энергии (индивид затрачивает ее на вытеснение объекта, который может вызвать страх), и тем самым наш индивид вынужден частично экстраполироваться от жизни, от полноценной жизни. В результате чего часть его жизненного опыта становится безвозвратно потеряна. К тому же боязнь провокации синдромов страха еще более способствует образованию у индивида комплексов; а общая (развивающаяся) закомплексованность способствует формированию сугубо интровертированной психики. Психики — не ориентированной на общение с внешней средой. И это (еще более усиливающееся с момента детства во взрослую жизнь) погружение индивида вглубь себя, по всей видимости, приводит к жизненной неустроенности, ограниченности в выборе профессий и, уже как следствие всего

106 Там же. С. 239.

107 Там же. С. 239-240.

вышеперечисленного, стремлению «не выделяться»; а значит невротические реакции торможения будут препятствовать и какому-либо карьерному росту индивида. Ведь в большинстве случаев карьерный рост предполагает жизненную активность, а значит, и демонстрацию умеренной доли агрессивности (без которой невозможно не только заявить о себе, но и обойти конкурентов — будь то конкуренты в бизнесе или выступающие в роли конкурентов коллеги по деятельности в той или иной профессиональной структуре); то или иное торможение вынуждает психику индивида вытеснять объекты, которые могут вызвать страх, тревогу, чувство вины; а значит, наш индивид будет стремиться к гармонии и «вечной любви» (в плане — любви ко всем и всех — к нему) — боясь потревожить других; вызвать в них какое-либо «недовольство»; а значит: вынужден не только «подстраиваться» под мнение остальных, но и изначально ставить себя на порядок ниже. Что, конечно же, никак не способствует карьерному росту. Потому как, несмотря на развитие цивилизации, в психике современного человека (независимо от его уровня образованности, интеллекта и т. п.), как мы уже замечали раньше, живет дикарь. Дикарь, ориентированный на значимость для себя первичных инстинктов. И бессознательно любой современный человек понимает, что для того чтобы приобрести более высокий профессиональный статус, для того чтобы перейти на ступеньку выше в собственной социальной карьере, необходимо подавить волю другого. Т. е. на бессознательном уровне претворяется в жизнь основной закон эволюции: «побеждает тот, кто сильнее». (Допуская дополнительную трансформацию в виде: «кто сильнее — тот прав», «кто победил — тот и прав», «победителей не судят» и словно заранее допуская использование любых средств для победы).

Вполне можно допустить, что психика индивида, испытывавшего (кастрационные) страхи и вследствие этого включившиеся невротические реакции торможения, будет способна в полной мере адаптировать его к социальной жизни, а существование (вследствие невроза) комплексов будет как бы изначально держать его на шаг позади действительных лидеров. Что как минимум весьма огорчительно, учитывая тот потенциал, которым, как правило, наделены подобные субъекты. И этому тоже есть объяснение: подсознательно

чувствуя свою изначальную «неполноценность», такие индивиды вынуждены порой затрачивать в несколько раз больше энергии (для достижения поставленных задач в детстве и юности: школа и институт, в дальнейшей жизни — еще большее повышение образования; можно предположить, что ряд индивидов обрекает себя на аналогию с «белкой на колесе»: начав учиться они уже не могут остановиться, опасаясь в какой-то момент оказаться глупее, чем есть).

Также следует обратить внимание, что вытеснение (травматичных для индивида ситуаций может оказывать и свои дальнейшие негативные последствия. Происходит это вследствие торможения защитных функций «Я». А значит, и возможного развития, например, усталости, быстрой утомляемости, нежелания какой-либо деятельности. «Хроническая усталость, — отмечает Фенихель¹⁰⁸, — несомненно имеет физическую природу и, вероятно, обусловлена изменением мышечной готовности у лиц, переживших психический стресс... Существует зависимость усталости от психического напряжения, с которым выполняется мышечная задача. Лица, переживающие конфликт, устают быстрее, чем те, кто внутренне свободен».

Как мы уже заметили ранее, все, что способствует боязни индивида вызвать страх, затрудняет его жизненную адаптацию. Приводит к развитию различных комплексов (вызванных проявлением невротических реакций). И усталость, формируя картину общей психической опустошенности, по всей видимости, тоже из этой же «серии». Индивид, испытывающий невротическую тревогу вследствие включения механизмов торможения, вынужден зачастую ориентироваться исключительно на свой внутренний мир. Замыкаться в самом себе. А значит, проявлять внешние признаки угрюмости, безразличия, нежелания идти на контакт с кем-либо.

Отсутствие желания коммуникационного контакта может способствовать дальнейшим фобическим проявлениям. Выражаясь, например, в агорафобии (боязни открытых пространств). По всей видимости, подобный страх может быть продиктован также и общей боязнью оказаться под взгляда-

108 Фенихель О. Психодинамическая теория неврозов. М., 2004. С.243.

ми других людей (что говорит о бессознательном ощущении себя как неполноценной личности, своего рода психической пассивности, потому как для такого индивида появление перед толпой требует демонстрации акта агрессии, направленной на других индивидов, бессознательного рассматривания их в роли хищников, которым индивид, стремящийся преодолеть подобный страх, должен демонстрировать постоянную готовность к отражению «атак»).

Помимо агорафобии вполне можно привести пример и клаустрофобии (боязни замкнутых пространств) и страха сумасшествия (имеющего под собой иной раз и явную под основу; по мнению Фенихеля¹⁰⁹, «постулат, что человек, боящийся сойти с ума, не впадает в безумие, ошибочен. Многие шизофреники в начальной стадии заболевания сознают нарастание отчуждения»), и боязни оказаться уродливым, съеденным, покусанным, фобий инфекции и т. п. Страхи, имеющие под собой действительно реальную основу, и порождаемые, как замечает Фенихель, справедливым существованием формулы: «Индивид опасается того, чего он бессознательно желает»¹¹⁰.

Однако это, по всей видимости, все же касается более простых фобий. Но и в других случаях, по замечанию того же Фенихеля: «...пугающая ситуация репрезентирует не соблазн, а, скорее угрозу, вынуждающую не поддаваться соблазну, т. е. ситуация потенциально чревата кастрацией или утратой любви»¹¹¹.

«Все эти случаи, — продолжает он, — характеризуются недостатком смещения. Чаще, однако, при тревожной истерии защитные силы достигают большего эффекта, чем просто порождение тревоги и последующие фобические установки. Связь между пугающей ситуацией и первоначальным инстинктивным конфликтом становится более скрытой. Страх вызывает уже не сексуальные ситуации, а скорее сексуализированные ситуации. Пугающая ситуация или некие люди систематически обретают для пациента специфическое бессознательное значение... они символизируют либо соблазн для отвергнутых побуждений, либо наказание за бессознательные побуждения, либо и то и другое, но уже более искаженным образом...»¹¹².

109 Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. С.260.

110 Там же. С. 257.

111 Там же. С. 258.

112 Там же.

В заключение хотелось бы отметить, что общий характер, объединяющий различные фобии, — это регрессия в детство. Именно в детстве, как бессознательно понимают индивиды, они могли найти защиту, покой, умиротворенность, — а значит, и спасение от каких-либо страхов, проецированных миром, окружением, внешней средой.

Быть может, потому многие формы взрослых фобий способны к нивелированию своей отрицательной сущности вследствие нахождения рядом с субъектом, испытывавшим проявление какой-либо фобии, страхов другого индивида. Каким-либо образом близкого (либо по родственным узам, либо по характеру знакомства) нашему невротiku.

В подобном случае вполне можно еще говорить и о том, что чувствуя рядом с собой поддержку ранее невротически настроенный индивид ощущает внутренний подъем вследствие появления уверенности; способности (если то потребуется) бросить вызов обществу. Противостоять акту агрессии со стороны внешней среда продемонстрировать (если необходимо) свою агрессию, агрессивность. (Что доказывает, например, что показная агрессивность, нарочито развязное поведение, открытая демонстрация хулиганских побуждений и намерений не что иное как бессознательная попытка завуалировать, замаскировать собственный страх, страх перед тем же обществом, социумом.)

9. Критическое начало.

Переосмысление жизненных позиций как позитивный аспект влияния психикотравматических (депрессивных) ситуаций

Несмотря на кажущуюся абстракцию прогнозируемых результатов данного исследования (на самом деле каких-либо границ в исследовании психики попросту не существует), мы все же подошли к рассмотрению тех ключевых (а в какой-то мере — подытоживающих) положений представленной нами теории, которые в какой-то мере могут свидетельствовать о своего рода разгерметизации уже имеющихся (сформировавшихся и устоявшихся) понятий. Тех понятий, которые по одним критериям вполне уместны с ассоциированием с т. н.

стереотипами, а по другим — способны позволить выйти за рамки устоявшихся норм, позиционированных самой действительностью.

Однако в заключение нашего рассмотрения психической деятельности индивида хотелось бы разобрать еще один мотив, связанный с ломкой устоявшихся привычек (а значит, норм поведения), рассмотреть влияние, которое оказывает на психику индивида данное (ситуативное) поведение, коснуться тех (возможных) камней преткновения, которые (уже так или иначе) возникают на пути исследования по данному пути.

Итак, перед нами лежит некая плоскость восприятия действительности, которая в одном случае требует вполне лояльного отношения к ней, а в другом — способствует возникновению особого рода противоречий, стоящих на пути данного вида взгляда на ту же самую действительность. Действительность, которая в данном случае будет одной и той же действительности, особо и не изменившей свои ориентационные требования. А отличен в данном случае будет лишь взгляд на них.

Однако это лишь одна сторона медали. Как мы уже разбирали ранее, взгляд на одну и ту же проблему будет (порой) невероятнейшим образом различаться в зависимости от выбранного сектора осмотра. (Очень часто число возможных вариаций может иметь поистине бесконечный порядок и зависеть от значительного числа факторов, стоявших в числе и большей частью имплицитно влияющих на возможное последующее мнение.)

В какой-то мере исходя из обозначенных нами факторов (и для того чтобы снизить возможное число ожидаемых погрешностей), в нашем случае мы будем ориентироваться на некую (достаточно абстрактную) величину, рассматривая ситуацию в целом. Ориентируясь на некую общую модель поведенческой характеристики, ни в коем случае (вопрос насколько оправдан такой шаг должен быть понятен в контексте появившегося решения) не пускаясь в излишнюю детализацию.

Итак, попытка заключительного раздела нашего исследования выяснить, насколько влияет на психику индивида (с рассмотрением степени оказываемого воздействия) какой-либо слом устоявшихся норм, привычек, быть может переориентации (а то и изменения) степени ценностей.

Индукцированный самой жизнью (характером возникающих на определенном этапе противоречий, вынуждающих найти способы адаптации, что может в свою очередь выражаться в вырабатываемой системе настройки. А значит вполне уместен вопрос, что лучше: активно противостоять, сопротивляться — а значит, в последующем и изменить ситуацию, ну или хотя бы отношение к ней; или же неким образом подстроиться под действительность), итак, индукцированный самой жизнью вопрос адаптации к изменяющейся действительности вынуждает к выработыванию норм противодействия.

Если воспользоваться способом не замечать данную проблему то мы в итоге не изменим, а невероятно «запустим» проблему. Однако несмотря на как будто бы явное ошибочное следование подобного рода «методу выхода из проблемы» он до сих пор достаточно распространен среди индивидов с т. н. инфантильной психикой. Чему результатом является рост числа психических (и психосоматических) заболеваний у данной части населения.

Ошибочность следования подобной теории «лечения» тем не менее (несмотря на явную доказываемость существования ошибки) не слишком заметна на первый взгляд. И, вероятно, то, что ее до сих пор выбирают в качестве основного способа лечения, свидетельствует об исторических корнях. А значит, косвенно подтверждает и существование коллективного бессознательного и почти напрямую уводит нас к той части архаичной психики, которая в свое время позволила Фрейду и ряду его последователей сделать выводы об общем характере психики первобытного человека, дикаря, и современного гражданина цивилизованного общества.

А если еще убрать рамки цивилизации (с ее «навязываемым» окультуриванием), то и вовсе не станет никаких различий.

Исходя из вышеприведенных ссылок на ряд ошибок, появившихся в результате стремления «отдать проблему во власть самой себе», вполне уместным будет наше желание воспользоваться каким-либо иным путем. Более, так сказать, научным.

И уже потому мы будем рассматривать психику индивидов, которые — так или иначе — противодействовали возникшей перед ними проблеме, посчитав ее не обстоятельством, которое можно обойти стороной, а, быть может, и возможностью: изменить себя.

Однако если подобное желание и могло зародиться в какой голове, то мы должны утверждать лишь о бессознательном характере подобного мотива следования собственным мыслям.

Но без всяких сомнений, достаточно правилен общий характер выбранного направления: любая (возникающая перед нами) проблема, разрешение ее, так или иначе изменяет психику. И уже тут, вероятно, встает вопрос: реагирования на проблему.

Реакции, по всей видимости, отличаются по характеру оказываемых воздействий. Своего рода проекции на проблему. И своего рода трансферентных отношений по отношению: от проблемы (восприятия ее) к индивиду.

Но уже как бы то ни было в данном случае вполне уместно говорить о:

а) специфичности существования (как и в макрокосмическом масштабе так и в касании, выявлении частностей деталей);

б) особом характере травматичности как психического восприятия, так и даже в большей степени последствий (подобного рода воздействий).

Остановимся, пожалуй, на втором.

Мы постулируем два основных (вытекающих, по сути, одно из другого) предположения.

Возникновение психической травмы способно:

1) вызвать зарождение симптоматики невротических (проявлявшихся в истерии, тревожности, беспокойстве, фобических проявлениях, состоянии навязчивых состояний и т. п.) и патологических (шизофрения, галлюцинаторный бред, паранойя и т. п.) заболеваний;

2) привести как к необратимым последствиям (начиная от изолированности от общества: искусственного, например, ограничения в коммуникативном контакте вследствие, например, агорафобии или специального помещения в стационар вследствие, например, ярко выраженного психического характера заболевания, способного поставить под угрозу сохранность жизни окружающих и заканчивая суицидальными попытками...), так и способствовать изменению самосознания и мировоззрения (а значит уже так или иначе вызвать — являясь инициатором — духовный рост личности).

Первый из предложенных вариантов мы уже в какой-то мере разбирали. И уже тогда нам любопытно будет рассмотреть: что же происходит с личностью (индивидом, психическим содержанием индивида), в случае если:

а) какая-либо жизненная драма уже привела к психической травме;

б) явно наблюдается зарождение симптоматики психического (например, психопатического — более чем психопатологического, хотя в каком ином — не нашем — случае: вполне возможно и наоборот) заболевания;

в) пациент предотвратил обострение и даже замедлил (именно замедлил, а не остановил) течение болезни.

Таким образом, мы подошли к возможному разрешению (нашим индивидом) конфликта между его бессознательным и сознанием (между «Я» и «Оно»; или «Я» и «Сверх-Я»; или «Сверх-Я» и «Оно») посредством ситуационного отреагирования. Причем на фоне явно ожидаемой деструкции в нашем случае происходит т. н. эффект диспозиции. Т. е. наблюдается результат, в какой-то мере обратный предполагаемому (где предполагаемость выступает в роли ожидаемого типично прогнозируемого хода течения заболевания от появления симптоматики к следствиям течения болезни).

Прежде чем приступить к разрешению поставленного вопроса, заметим, что поиск какого-либо разрешения (случившегося с нашим индивидом невротического конфликта) уже, как говорится, имеет место быть. Но начался он уже после того, как болезнь заявила о себе каким-либо симптомом. Причем ситуация настолько оказалась не под контролем (расположенных к ведению подобного контроля сил), что ни один из видов защит (большой частью, как нам кажется, все же ориентированных на включение адаптивных механизмов сопротивления до, т. е. в начале болезни) или «не включился»; или не справился со своими «обязанностями».

Попробуем подытожить: ранее мы предположили, что:

а) невротический синдром заявил о себе развитием, например, тревожности или каких-либо фобических предрасположенностей;

б) механизмы защиты психики по каким-либо причинам оказались бессильны;

в) индивид решил самостоятельно изменить ситуацию. (Т. е. мы можем говорить о том, что защитные процессы психики не до конца девальвированы и по крайней мере присутствуют).

В результате осуществления подобного рода действий в психике нашего индивида стали происходить изменения. Причем для лучшего понимания и выявления характера этих изменений следует уточнить, что возможность их появления была продиктована обострением (усилением влияния) невроза.

Другими словами, индивиду в данном случае совсем не оставили шансов. Ему нужно или оставлять все «на своих местах» (а значит, почти неминуемо будет наблюдаться еще большее усиление симптомов), или кардинально перестраивать систему жизненных ценностей.

Второй случай, кстати, еще и более предпочтителен, потому как дает хоть какой-то шанс на разрешение образовавшегося конфликта.

Далее. В результате оказания каких-либо действий на психику индивида следует обратить внимание на факт возникновения сопротивления. Вполне объяснимо, что психика, стремясь удержать свою целостность (а целостность в данном случае уместна в роли некой объединительной модели, независимого присутствия в психике — деления ее — на «большую» или «здоровую»), будет противостоять хоть каким-то образом. Выдвигая зачастую или меры контрперевеса, или же задействуя ряд иных механизмов.

В данном случае, быть может, даже для кого покажется и уместным проведение некоей аналогии с развитием невроза классическим путем. Путем вытеснения (неудовлетворенных желаний). Однако, на наш взгляд, в нашей ситуации все же имеется ряд существенных отличий, базирующихся, главным образом, на том, что в случае возникновения невроза посредством вытеснения в бессознательное ряда неудовлетворенных желаний (либидо) мы вполне можем говорить о дальнейшем продолжении развития болезни.

Тогда как в случае возникновения чего-то подобного в результате противодействия обострению заболевания говорим о перспективе излечения.

Психика индивида в результате травматической ситуации испытывает на себе достаточно сильное деструктивное влияние. Помимо (порой достаточно четко выраженных) разрушительных последствий возможен и своего рода перцептивный инсайт в данной ситуации появляющийся, вероятно, потому, что психические механизмы регуляции не справляются с потоком поступающей информации (в результате чего наблюдается переполняемость эмоциями) и происходит выброс энергии. Подобный всплеск и возможно отнести к инсайту. Озарению. Внезапному просветлению.

Данное состояние психики (возможность достижения подобного) нам любопытно в контексте предыдущего разговора о сломе устоявшихся стереотипов восприятия действительности (что и означает смену мировоззренческих позиций). В соответствии с подобной ситуацией действительно возможно некоторое воздействие на психические составляющие (вероятно, на сумму психических составляющих), выражающиеся в развитии симптоматики психических заболеваний (главным образом, по всей видимости, все же уместней вести речь о невротических проявлениях, нежели ссылаться на какую-либо патологию).

Однако проявление подобного (легкой степени невроза, например), на наш взгляд, будет, наоборот, как бы подстегивать (сопутствовать положительным изменениям, трансформации) психику. А значит, заметно быстрее (и в последующем, ощутимее) попавшая «в тупик» психика «проявит» себя состоянием инсайта. Причем инсайт в данном случае вполне можно понимать и значительно шире. Это не только общее озарение, вспышка, рождение какой-либо гениальной идеи или откровение, но и в какой-то мере производное (в эклектическом понимании) от слова «вдохновение» (точнее, под смысловым значением слова «инсайт» можно понимать и то, и другое, и третье; в зависимости от впечатления, испытываемого каждым, и от той эмоциональной составляющей, которую отдельный индивид вкладывает в значение открывшейся перед ним тайны, внезапного преодоления своего рода барьера). И в данном случае мы можем наблюдать схожее состояние, когда психика в результате травматической ситуации значительно интровертировалась (способствовала еще большему погружению вглубь себя) индивида, а потом в результате

подобной мобилизации разрядилась, явив состояние инсайта. Тем самым произошел некий разряд (сконцентрированных и сосредоточенных в одной точке энергий), вызвавший, в свою очередь, то, что можно понимать под вспышкой, озарением и т. п.

Таким образом, мы вполне можем заключить, что наша психика (в случае возникновения какой-либо травматической ситуации) может отреагировать как минимум двумя способами.

По одному из них будет то, что еще со времен Фрейда понимается как «бегство в болезнь». Т. е. погружение психики индивида в некий вымышленный, иллюзорный мир восприятия реальности, действительности. (Подмена реальных образов — несуществующими.)

А в другом случае в результате сопротивления (внутреннего протеста) психика справляется с симптоматикой (обострившихся) невротических заболеваний, в результате чего, в рассматриваемой нами ситуации наблюдался духовный рост личности, выразившийся в переосмыслении жизненных позиций, изменении ценностных норм, т. е. своего рода произошло рождение новой личности.

В данном случае можно также заключить, что индивиду удалось выйти из старого (прежнего, закрепившегося в нем) образа, по которому он позиционировался окружающим; а значит, произошла смена используемых образов, масок. Потому как достаточно сложно отказаться вообще от существования у каждого индивида определенной маски. А то и попросту невозможно. (Иначе следовало бы совсем нивелировать значение стереотипичности мышления, что в свою очередь означало бы или исключение индивида из социума, или стирание в его памяти каких-либо эмоциональных переживаний пройденного жизненного опыта.)

А значит, мы вполне можем заключить в зависимости от:

а) характера психической травмы (вызванной травматическим конфликтом); б) специфики психического аппарата какого-либо индивида; в) ряда еще каких-либо условий, что возможно не только разрешение душевного конфликта, но и его ярко выраженный позитивный характер.

■ **С. А. Зелинский**

Другими словами, травматический (для психики) конфликт способствовал духовному росту личности. Переориентации жизненных ценностей. Рождению новой личности. С новыми запросами и формируемыми привычками. Что, в принципе, тоже результат.

(Другой вопрос, что в последующем, быть может, придется говорить о дальнейшем изменении. Потому как, по нашему мнению, если подобное с психикой индивида случилось раз, то почти наверняка мы можем говорить о повторении чего-либо подобного в будущем. Но это уже совсем другой разговор. К которому, быть может, мы когда-нибудь и вернемся...)

Список использованных источников

1. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // — Психоаналитические этюды. Минск., 2003. С. 422 — 481.
2. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. СПб., 2003.
3. Фрейд З. Недовольство культурой. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru
4. Фрейд З. Психопатология обывденной жизни // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 181 — 277.
5. Фрейд З. Несколько замечаний по поводу понятия «бессознательное» // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 67 — 76.
7. Фрейд З. Продолжение лекций по введению в психоанализ. Лекции 29-35 // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 212 — 390.
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 340 — 378.
10. Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры) // — Избранное. Ростов/на/Д, 1998. С.177 — 336.
11. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С.135 — 256.
13. Фрейд З. Тотем и табу // — Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник. Минск, 1998. С. 324 — 491.
14. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. М.; Киев, 1998.
15. Фрейд З. Соппротивление против психоанализа // Психоаналитические этюды. Минск, 1997. С. 525 — 535.
16. Фрейд З. Бессознательное // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 123 — 160.
17. Фрейд З. Влечения и их судьба // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 99 — 123.
18. Фрейд З. Печаль и меланхолия // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 176 — 194.
19. Фрейд З. О превращении влечений в особенностях анальной эротики// — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 203 — 212.
20. Фрейд З. Вытеснение // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 85 — 99.

21. Фрейд З. Положение о двух принципах психической деятельности // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 76 — 85.

22. Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях // — Основные психологические теории в психоанализе. Минск, 2004. С. 161 — 176.

23. Фрейд З. Толкование сновидений. Минск, 2003.

24. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. — Страх. — Тотем и табу: Сборник. Минск, 1998.

25. Фрейд З. Характер и анальная эротика // Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2003. С. 151 — 156.

26. Фрейд З. Из жизни детской души // — Психоаналитические этюды. Минск, 2003. С. 269 — 273.

27. Фрейд З. Некоторые типы характеров из психоаналитической практики // — Психоаналитические этюды. Минск, 2003. С. 156 — 179.

28. Фрейд З. Введение в психоанализ // — Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2003. С. 5 — 151.

29. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // — Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2003. С. 481 — 525.

30. Фрейд З. Психоаналитические этюды // — Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2003. С. 525 — 567.

31. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства // — Психоаналитические этюды. Минск, 2003. С. 370 — 422.

32. Фрейд З., Буллит У. 28-й президент США. Психолог. исслед. М.: Прогресс, 1999.

33. Фрейд З. Мотив выбора ларца // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 35 — 47.

34. Фрейд З. Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. Лейбина В. М. СПб., 2002. С. 16 — 35.

35. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 38 — 113.

36. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 113 — 181.

37. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 181 — 277.

38. Фрейд З. О сновидении // — Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2002. С. 277 — 307.

39. Фрейд З. О психоанализе // — Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2002. С. 308 – 340.

40. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 340 – 378.

41. Фрейд З. Я и Оно // — Психология бессознательного. СПб., 2002. С. 378 – 390.

42. Фрейд З. Конечный и бесконечный анализ // — «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда. М., 1998. С. 15 – 28.

43. Фрейд З. Отрицание // — Венера в мехах. Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делез. Представление Захер-Мазоха. Работы о мазохизме. М., 1996. С. 363 – 371.

44. Фрейд З. Семейный роман невротиков // — Художник и фантазирование. М., С.135 – 137.

45. Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры) // — Избранное. Ростов/на/Д, 1998. С.177 – 336.

46. Художник и фантазирование // — Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С.129 – 134.

47. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // — Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С.135 – 256.

48. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // — Фрейд З. Художник и фантазирование, 1995. С. 252 – 259.

49. Ле Бон Г. Психология народов и масс. СПб, Макет, 1995.

50. Бехтерев В. М. Внушение и толпа. Библиотека ВАПП. www.vapp.ru

51. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. <http://www.kara-murza.ru/>

52. Медведев В. А. Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. СПб., Т.1. 2004. 240 С.

53. Медведев В. А. Сны о России. Психоанализ российской действительности и русской судьбы. СПб., Т.1. 2004. Т.2. 236 С.

54. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 211 – 224.

55. Хорни К. Культура и неврозы // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 335 – 347.

■ **С. А. Зелинский**

56. Хорни К. Психоаналитическая терапия // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 347–371.

57. Хорни К. Невроз и развитие личности // — собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 235–684.

58. Хорни К. Наши внутренние конфликты // — собр. соч. в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 6–234.

59. Кутгер П. Современный психоанализ. СПб., 1997.

60. Гартманн Х., Крис Э., Левенштейн Р. М. Заметки по теории агрессивности // — Антология современного психоанализа. М., 2000. Т. 1. С. 107–219.

61. Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М., 2004.

62. Волошинов В. Н. Фрейдизм. М.

63. Менцос С. Психоаналитическая теория неврозов // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 173–178.

64. Гамбургер А. Перенос и контрперенос // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 240–246.

65. Шмидт-Хеллерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либи́до и Лета. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории. СПб, 2003.

66. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т.1.Теория. М., 1996.

67. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ.Т.2. Практика. М., 1996.

68. Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа. М., 2003.

69. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004.

70. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М., 2001.

71. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001.

72. Нейфельд И. Достоевский. Психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 162–217.

73. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к произведениям художественной литературы // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 106 — 130.

74. Юнг К. Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. Минск, 2003.

75. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск, 2003.

76. Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 326-349.

77. Выготский Л. Искусство и психоанализ // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 349 — 369.

78. Халецкий А. М. Психоанализ личности и творчества Шевченко // — Классический психоанализ и художественная литература / Под ред. В. М. Лейбина СПб., 2002. С. 316 — 326.

79. Ранк О., Закс Г. Бессознательное и формы его проявления // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 58 — 82.

80. Штекель В. Исходы психоаналитического лечения // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 82 — 108.

81. Абрахам К. Исследование о самой ранней прегенитальной стадии развития // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 108 — 127.

82. Джонс Э. Значение деда в судьбе отдельного человека // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 127 — 134.

83. Ференци Ш. К вопросу о психоаналитической технике // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 134 — 147.

84. Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 211 — 224.

85. Юнг К. Г. Сознание, бессознательное и индивидуация // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 224 — 243.

■ С. А. Зелинский

86. Райх В. Предотвращение неврозов и проблема культуры // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 271 — 305.

87. Райх В. Генитальный и невротический характеры // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 251 — 271.

88. Хорни К. Культура и неврозы // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 335 — 347.

89. Хорни К. Психоаналитическая терапия // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 347 — 371.

90. Хорни К. Невротическая личность нашего времени // Собр. соч. в 3т. Т.1. М., 1997. С. 272 — 488.

91. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. С. 470 — 479.

92. Лакан Ж. Психология и метапсихология // — Зарубежный психоанализ / Под ред. В. М. Лейбина. СПб., 2001. С. 479 — 493.

93. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис, Логос, 2004.

94. Кутер П. Современный психоанализ. СПб., 1997.

95. Гартманн Х., Крис Э., Левенштейн Р. М. Заметки по теории агрессивности // — Антология современного психоанализа. М., 2000. Т.1. С. 107 — 219.

96. Винникотт Д. В. Использование объекта // — Антология современного психоанализа. М., 2000. Т. 1. С. 447 — 454.

97. Браун Дж. Психология Фрейда и постфрейдисты. М., 1997.

98. Калина Н. Ф. Основы психоанализа. М., 2001.

99. Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. М., 2004.

100. Соколов Э. В. Введение в психоанализ. СПб.: Лань, 2002.

101. Волошинов В. Н. Фрейдизм. М.,

102. Фрейд А. Введение в детский психоанализ; Норма и патология детского развития; «Я» и механизмы защиты: Сборник. Минск, 2004.

103. Благовещенский Н. А. Учитель и ученик: между Эросом и Танатосом. Психоанализ педагогического процесса. СПб., 2000.

104. Гамбургер А. Психоанализ и литература // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 287 — 294.

105. Менцос С. Психоаналитическая теория неврозов // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 173 — 178.

106. Шварц Ф. Психоаналитические исследования психозов // Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 178 — 182.

107. Капфхаммер Г. Психоаналитическая концепция психологического развития // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 182 — 188.

108. Рад М. фон Психоаналитическая психосоматика // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 188 — 194.

109. Кейп Х. Психоаналитическая социальная психология // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 194 — 202.

110. Мертенс В. Психоанализ и аналитическая психотерапия // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 224 — 232.

111. Кернер Ю. Психоаналитический лечебный альянс // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 232 — 235.

112. Вертман Г. Психоаналитическое толкование // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 235 — 240.

113. Гамбургер А. Перенос и контрперенос // — Ключевые понятия психоанализа / Под ред. Мертенса. СПб, 2001. С. 240 — 246.

114. Ясперс К. Стринберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. М., 1999. 238 с.

115. Шмидт-Хеллерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либи́до и Ле́га. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории. СПб, 2003.

■ **С. А. Зелинский**

116. Кондрашенко В. Т., Донской Д. И., Игумнов С. А. Общая психотерапия. М., 2001.

117. Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.

118. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу. СПб., 2001.

119. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 1. Теория. М., 1996.

120. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.

122. Гринсон Ральф Р. Техника и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2003.

123. Тэхкэ В. Психика и ее лечение: психоаналитический подход. М.: Академический проект, 2001.

124. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М., 2004. .

Сергей Алексеевич Зелинский
2004 – 2005 г.

Для заметок ■

■ Для заметок

Для заметок ■

С. А. Зелинский

Манипуляции массами и психоанализ

Редактор

Оригинал-макет, дизайн обложки

Корректоры

И. Знаешев

П. Домбровский

Т. Брылёва

А. Лобанова

Издательско-Торговый Дом «Скифия»

e-mail: skifiabook@mail.ru

www.piterbooks.ru

Подписано в печать 18.04.2008. Гарнитура Baltica.

Формат 60*90 1/16. Объем 15,5 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.